

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТРУДОВ

RUDOLF STEINER

Naturbeobachtung,
Experiment, Mathematik
und die Erkenntnisstufen
der Geistesforschung

Acht Vorträge, gehalten in Stuttgart
vom 16. bis 23. März 1921
und ein Diskussions-
votum am 23. März 1921

1991

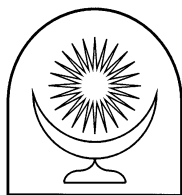
RUDOLF STEINER VERLAG
DORNACH / SCHWEIZ

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

Наблюдение природы,
эксперимент, математика
и ступени познания
духовного исследования

Восемь докладов, прочитанных в Штутгарте
с 16 по 23 марта 1921 года
и дискуссионное
мнение 23 марта 1921 года

Перевод с немецкого
Л. Б. Памфиловой

ТИТУРЕЛЪ

МОСКВА

2006

УДК 130. 2

ББК 87. 2

Ш 87

Штайнер Р.

Наблюдение природы, эксперимент, математика и ступени познания духовного исследования.

М.: Титурель, 2006. – 160 с.

Впервые на русском языке издаётся том № 324 Полного собрания трудов основателя духовной науки (антропософии) Рудольфа Штайнера. Том содержит курс из восьми докладов, в которых представлено многоаспектное понимание процесса познания. Дано новое, расширенное объяснение таких понятий как наука, природа, математика, наблюдение, экспериментирование, отношение между внутренним опытом и внешним, связь между развитием внутренней душевной деятельностью человека и более глубоким проникновением во внешнее природное бытие.

Книга предназначена для широкого круга читателей. Особый интерес данная работа должна вызвать у представителей естествознания для более глубоких исследований в своей научной деятельности, а также у всех, интересующихся проблемой познания.

© Памфилова Л. Б., перевод

© Елин Г. Я., оформление

© Издательство «Титурель» 2006

ISBN 5-902490-03-0

Перевод с немецкого по изданию

RUDOLF STEINER. Naturbeobachtung, Experiment, Mathematik und die Erkenntnisstufen der Geistesforschung

RUDOLF STEINER VERLAG. 1991.

ISBN 3-7274-3242-X

*К публикациям записей
докладов Рудольфа Штайнера*

Собрание трудов Рудольфа Штайнера (1861-1925) состоит из трёх основных частей:

I. Книги – II. Доклады – III. Художественное наследие.

Относительно многочисленных докладов и курсов, как открытых, так и для членов Теософского, а позже Антропософского Общества, которые Рудольф Штайнер читал в период с 1900 по 1924 годы, первоначальным его желанием было, чтобы эти свободно сделанные доклады не закреплялись письменно, поскольку они задумывались как «устные, не предназначавшиеся для печати сообщения». Однако в связи с тем, что слушателями изготавливалось и распространялось всё больше неполноценных и избыточных ошибками записей, он посчитал своею обязанностью регулировать эти записи и доверил эту задачу Марии Штайнер-фон Сиверс. В её задачи входило определять стенографистов, распоряжаться записями и просматривать текст перед публикацией. Так как Рудольф Штайнер из-за отсутствия времени только в исключительных случаях мог сам корректировать записи, в отношении всех публикаций докладов необходимо иметь в виду его предостережение: «Нужно допускать, что в непросмотренных мной записях возможны ошибки».

Об отношении докладов для членов Общества, первоначально доступных лишь на правах рукописи, к своим открытым трудам Рудольф Штайнер высказался в автобиографии «Мой жизненный путь», глава 35. Сказанное там в равной степени относится к курсам по специальным областям, ко торые предназначались для ограниченного круга участников, с доверием относившихся к основам духовной науки.

После смерти Марии Штайнер (1867-1948) в соответствии с её указаниями начато издание Собрания трудов Рудольфа Штайнера. Предлагаемый том является частью этого Собрания. В примечаниях можно найти, при необходимости, более конкретные сведения о тексте.

Содержание.

- Первый доклад, Штутгарт, 16 марта 1921 г. 9
Три формы науки. Наблюдение природы, эксперимент и пронизание природы математическим. О сути эксперимента. Надёжность математического познания. Психология прежде и теперь. О законе развития мальчиков и девочек. Обычное познание природы. Философия Давида Юма. Математическое познание как внутренне конструирующая деятельность. Духопознание как внутренняя активность, охватывающая реальность.
- Второй доклад, 17 марта 1921 г. 28
Разделение человека на нервно-чувственную систему, ритмическую эмоциональную систему и систему воли и обмена веществ по изложению в книге «О загадках души». Внутренняя сущность зрения, движения рук и ходьбы в отношении трёх измерений пространства.
- Третий доклад, 18 марта 1921 г. 43
Объяснимость природы из самой себя и сверхчувственный мир. Обычное и математическое познание природы. Применимость математического познания к минеральному, мёртвому миру; получение обратного представления о растительном через имагинативное познание. Два рода ясновидения. Учение о субъективности чувственного восприятия. Дуализм глаза как физического аппарата и как живого потока (Durchströmtes). Применение этого представления ко всему человеку. Стремление к расширению и углублению нашего познания.
- Четвёртый доклад, 19 марта 1921г. 60
Имагинативное представление как познание всеобъемлющего живого мира. Густав Теодор Фехнер. Выработка имагинативного метода. О разуме. Нервная организация как синтетический орган чувств. Представления памяти и имагинативное представление. Любовь как помощь для усиления

возможности забывания. Самовоспитание как наращивание силы познания. Образный характер представления. Втекание реальности в представление через инспирацию. Дыхательная система йоги.

Пятый доклад, 21 марта 1921г. 77

Современная физиология чувств и учение о двенадцати чувствах. Исследование мозга Мейнертом. Разногласие в «Союзе Джордано Бруно» по поводу представления. Физиология Теодора Цигена. Аналитическая и синтетическая геометрия. Мориц Бендикт и математика. Инспиративное познание ритмической системы. Система йоги. Сущность символической системы. Происхождение культового обряда. Современный разум. Прежний культовый обряд и современный научный эксперимент.

Шестой доклад, 22 марта 1921г. 96

Процесс воспоминания и его преобразование в импгинацию и инспирацию. Разум в современном естествознании и у Гёте. Феноменальное и прафеномен. Усиленная деятельность забывания как переживание внутренней свободы. О сути памяти в познании человеческого внутреннего: печень, почка. Святая Тереза, Мехтильда Магдебурская. Образование нервной системы. Доклады об «Антропософии» 1909 года и книга «Антропософия. Фрагмент». Соответствие в человеке верхнего и нижнего органа. Спиритуальная психология* и терапия.

Седьмой доклад, 23 марта 1921г. 116

О сути интуиции. Образование опухоли и её лечение. Интуиция как переворачивание чувственного восприятия. Переживание веры как притуплённой интуиции. Жизнь до рождения и после смерти, повторные земные жизни. Засыпание и пробуждение. О методике написания истории. Данте, Лютер, Константин, Юлиан Отступник. О переживании не доходящих до проявления сил истории. Перепроверка сверхчувственных фактов. Эксперимент и его по-

---

* В тексте речь идёт о физиологии – прим. перевод.

следствия для присущего человеку научного переживания нового времени. Духовнонаучное познание как оплодотворение других наук.

Восьмой доклад, 23 марта 1921г. 136

Антропософия в образе света, проникающего в помещение. Научность антропософии и социальные вопросы. Вальдорфская школа и другие институты, исходящие из антропософии. Необходимость единства всего знания. Испытание антропософского знания. Вопрос оппонента. Доверие к изучающей молодёжи. Призыв к молодёжи: «Откройте ставни!».

Приложение.

Дискуссионное мнение 23 марта 1921года 146
О Данте. (На историческом семинаре)

Примечания

К данному изданию 150

Примечания к тексту 151

Именной указатель 157

Обзор полного
собрания трудов Рудольфа Штайнера 158

Первый доклад

Штутгарт, 16 марта 1921 г.

Уважаемые присутствующие, уважаемые сокурсники! Духовная наука с теми веяниями, которые она несёт и через этот антропософский курс высшей школы, в истинном смысле слова должна завоевывать своё право и свой авторитет в современности. Сначала это кажется очевидным, поскольку каждый, кто хотя бы немного познакомился с движущими силами этой антропософски ориентированной духовной науки, может заметить, что она как раз вполне встала на почву научных и прочих исследований культуры современности и, несомненно, считается со всем тем, что лежит как необходимость в основе духовной жизни современности. И если она всё же должна бороться, то следует думать, что она как такая антропософски ориентированная наука прежде всего должна обратиться против сильнейших предрассудков нашего времени. Она в определённой мере естественная противница всего того, что как реакционные силы ещё существует в душах наших современников. И кто хоть чуть-чуть способен это замечать, тот знает, что присутствует много реакционного в душах современных людей.

В этих докладах моей задачей будет подробно с научной стороны доказать право и значение подразумеваемой здесь духовной науки. Я должен буду исходить из относительно элементарных вещей, чтобы в ходе докладов затем постепенно всё же приступить к истинному познанию человека с точки зрения этой антропософски ориентированной духовной науки. И так как я должен буду преимущественно говорить о методологии, то постараюсь с помощью выбора примеров, которые я буду использовать в ходе этих докладов, всё-таки в целом ввести вас в отдельные разделы и специальные вопросы этой духовной науки и привести к пониманию её значения для отдельных специальных наук современности.

Вместе с тем сегодня в первом из этих докладов я хотел бы прежде всего дать некий род введения. Вначале я хотел бы указать на то, как современный научный способ мышления всё больше и

больше приходит к поиску своей главной опоры в эксперименте, в научном эксперименте. Этим ведь современное научное мышление находится в определённом противоречии со старым способом познания, с тем способом познания, который преимущественно исходил из наблюдения природы и мира в том виде, в каком они вообще предстают человеку. Есть разница в том, исходят ли из факта, искусно предложенного природой и миром, и наблюдают этот факт, или же сперва создают условия некоего процесса и таким образом среди известных созданных условий могут наблюдать факт, и благодаря такому наблюдению подводятся к определённым научным результатам. Но вы так же знаете, что современный научный способ мышления всё больше и больше подвигался к тому, чтобы вводить математическое мышление, математические выводы в наблюдаемый материал — вообще в область самого естествознания. Вы ведь все определённо знаете высказывание, сделанное когда-то Кантом, что во всякой отдельной науке вложено лишь столько истинного знания, действительного познания, сколько в ней присутствует математики¹. Как в наблюдение, так и в эксперимент должны вводиться математические мысли, математические выводы. Благодаря этому чувствуют себя в определённой надёжной стихии, чувствуют, что в ряде фактов, которые можно охватить математическими формулами, имеют совсем другое соотношение познания, чем у таких фактов, которые просто описывают, судя по их данному в опыте состоянию. Это чувство надёжности, которое имеют в математическом представлении, есть нечто такое, что уже с давних пор характерно для научного способа мышления.

Однако, нельзя сказать, что сегодня уже отчётливо и реально осознают основания, по которым так надёжно чувствуют себя с математическим представлением природы и мира. И именно отчётливое и ясное осознание этого факта уверенного ощущения себя в пределах математического способа изложения приведёт нас к признанию необходимости духовную науку давать в подразумеваемом здесь смысле. Эта духовная наука вовсе не нацелена на то, чтобы выпрашивать себе признания у специалистов естественных и прочих наук. От каждой такой науки духовная наука непременно будет

ожидать научной добросовестности настоящего времени. И кроме того, в отношении всего, что эта современная учёность поднимает в виде сомнений, загадок и неразрешимых вопросов, духовная наука хочет приобрести надёжную позицию; она как раз стремится поставить науку на надёжную основу, на точную в математическом смысле основу.

Стоит мне только указать вам на один совсем простой вопрос и вы, конечно, увидите, что как раз при математическом обрабатывании, я бы сказал: уже на половине пути научного поиска, верное чувство сразу приведёт нас к сомнению. Что же нам следует делать, например, с такой наукой, как история, если во всякой науке должно находиться лишь столько истинного познания, сколько в ней математики? И как мы справимся в отношении фактов человеческой души, если мы проделали, я бы сказал, всю эту возню, которая развилась — в частности направление Гербарта² — математицизирующую психологию, чтобы тоже прийти к некоей уверенности в этой области? Не пришли ни к чему другому, кроме того, что увидели — на этом поприще невозможно включать математику в знание. Это в определённой степени первый вопрос, которым нам придётся заняться: что означает эта математическая надёжность в отношении человеческого познания? И этот вопрос, если мы найдём на него определённый ответ, приведёт нас к основанию духовнонаучных исследований.

Кроме того, я говорил, что эксперимент, у которого точно известны условия некоего процесса, современная учёность предпочитает внешнему наблюдению, у которого условия, я бы сказал, больше скрываются в подосновах бытия. Даже в таких областях, как психология и педагогика, в новые времена пытались перейти от чистого наблюдения к эксперименту. Я настоятельно отмечаю, что ни в области психологии, ни в области педагогики духовная наука не может, или не должна, что-либо возражать против справедливых притязаний эксперимента. Но речь идёт о том, чтобы увидеть, на чём же основывается эта склонность к эксперименту именно в таких областях человеческого познания. В этих областях мы можем напрямую получить верное понимание того, на чём основывается

эта склонность к эксперименту. Поэтому давайте на одно мгновение будем исходить из перехода к эксперименту именно в областях психологии и педагогики. Тут мы можем посмотреть, как ещё относительно недавно и психология, исследовательница души, и педагогика следили за тем, чтобы добросовестно наблюдать переживания человека, будь он взрослым, либо подрастающим человеком — ребёнком. Что же нужно, когда хотят наблюдать как взрослого человека, так и ребёнка? Для этого нужно, чтобы к наблюдаемому могли держать себя с определённым внутренним участием. Когда-то в области психологии или в области воспитания и обучения действительно использовали древние методы наблюдения. Нельзя не заметить, что внутреннее участие, принимаемое человеком в человеке, уменьшилось в ходе развития человечества по направлению к нашей современности. Ссылаясь на душу другого человека, мы уже не так интимно находимся в объективности, как когда-то находились педагоги или психологи. Когда вибрируют наши собственные душевные порывы, в этом вибрировании мы уже не чувствуем отзвук того, что переживает чужая душа. Мы, я бы сказал, отодвинули объективную душевную жизнь другого дальше, чем когда-то жившие люди, которые вообще принимали участие в наблюдениях душевной жизни. И в той же мере, в какой становились всё более и более чуждыми интимности другой душевной жизни, в той же мере, в какой уже не могут с непосредственной интуицией, с глубоким интимным участием собственной души всматриваться во внутреннее другой души, в той же мере пытаются приблизиться к человеческой душе снаружи с помощью наших, разумеется, восхитительных инструментов. Пытаются с помощью приборов извлечь проявления человеческой душевной жизни, то есть пытаются, я бы сказал, приблизиться к человеку снаружи. В ограниченном смысле это вероятно оправдано, и в своём праве должно быть полностью оценено, прежде всего, исходя из основного характера нашего времени. Если однажды непосредственно внутреннее стало более чуждым, то должны овладевать именно проявлениями этого внутреннего во внешнем с помощью внешних же методов, с помощью внешнего экспериментирования.

Но именно тогда, когда мы в известном смысле отдалили себя от духа и души человека и осуществляем наши эксперименты на более материальных проявлениях духа и души, тем более необходимо сами эти эксперименты суметь объяснить в духовном смысле и проникнуть в них с помощью духовного исследования. Поэтому не следует что-либо возражать против эксперимента как такового, но (сегодня я буду говорить только в виде прелюдии) именно то, что показывает эксперимент, потребует освещать духовно изнутри. Для пояснения этого я хочу привести вам один пример.

Экспериментальная педагогика по праву установила, что соотношения развития у мальчиков и девочек различны. В пределах школьного возраста выявляется, что в различные жизненные периоды мальчики и девочки растут с разной скоростью — мы ещё будем говорить об этих вещах, — так что в жизни мальчика есть период, когда он, скажем, растёт медленнее, в то время как девочки в тот же период жизни растут быстрее. Это можно фиксировать как факт, когда только экспериментируют, когда, так сказать, смотрят только на проявления душевной жизни. Но, видя такой факт, только тот может его объяснить в истинном смысле, кто знает как из души вызывается процесс роста, что душевное мальчика внутри другое, знает как проявляется сила этого душевного в разные жизненные эпохи. И тогда как раз можно увидеть, как в свою очередь через разницу в соотношениях роста между мальчиками и девочками освещают, почему девочки в тот же жизненный период растут по сравнению с мальчиками с различными трудностями, и, кроме того, освещают происходящее в душе девочки и происходящее в душе мальчика. И узнают, что существо, растущее, например, особенно быстро как раз между четырнадцатью и семнадцатью годами, развивает иные силы, чем существо, растущее особенно быстро, скажем, в несколько более раннем возрасте.

Как раз в эпоху, которая значительна внешней экспериментальной проработкой фактов, как раз в такую эпоху, если она не хочет погрязнуть в поверхностности и в несущественном, необходимо быть в состоянии исследуемое экспериментально пронизать духовным исследованием. В отношении всего этого чрезвычайное, ре-

шающее значение имеет осознание того, что в математике получают нечто, дающее уверенность исследователю. Если эти факты хотя бы правильно оценить по их сути и значению, то должны, разумеется, поставить себе вопрос: как познают именно математически, как используют математику во внешнем, чувственно данном мире фактов, и чем отличается математическое изложение от другого изложения данного нам фактического материала?

Смотрите, ведь человеку благодаря его чувствам даны прежде всего внешние факты мира. Так как мы с детства вступаем в этот внешний мир фактов, он сначала относительно нашей субъективности представляется нам, собственно, неким хаосом; и только когда мы внутренне укрепляем себя всякими представлениями и понятиями (я это подробно изложил в моей небольшой книжке «Истина и наука»), тогда один факт присоединяется к другому, факты группируются; иные факты, стоящие для внешнего наблюдения очень далеко друг от друга, соединяются понятийно, благодаря этому мы создаём определённый идеальный, соответствующий представлениям порядок в хаосе непосредственного чувственного опыта.

Так вот, надо детально посмотреть, как происходит прежде всего наша обработка внешнего чувственного мира фактов, когда мы для своего познания не используем никакой математики, то есть, когда мы просто наблюдаем внешний мир, создаём себе представления о связях внешних природных фактов, примерно по обычному закону причины и следствия и так далее, а также по другим законам. Мы должны составить себе представления о том, какова в действительности в данном случае наша трактовка внешнего мира. Что же мы делаем, внося порядок в чувственный хаос? Мне кажется, что относительно того, что мы тут делаем, Давид Юм высказал очень правильные слова³. Его большая ошибка только в том, что относящееся только к этой области, т.е. к свободному математическому наблюдению природы, он вообразил правомерным для всего объёма человеческого познания.

Наибольшие заблуждения и односторонности научного образа мыслей вообще основаны на том, что вполне оправданное в одной

области затем применяют для всеобъемлющего человеческого познания. Едва ли есть — простите мне мой парадокс — какое-нибудь положение, которое, являясь ошибочным для универсального, не было бы оправдано тут или там в частном, так что в частном как таковом можно вполне достоверно увидеть его правомерность в чём-то таком, что должно быть преодолено, когда возникает притязание на обладание универсальной значимостью, — поэтому-то порой так трудно опровергать то, что является ошибочным в отношении универсального. Именно так обстоит дело, когда Давид Юм говорит: мы наблюдаем внешний мир⁴, мы его закономерно разделяем с помощью своих представлений. Однако, то, что в таком случае присутствует в нашей душе как закон, это вовсе не является чем-то таким, о чём мы без оговорок можем сказать, что это соответствует чему-то объективному во внешнем мире или должно протекать во внешнем мире в его фактах всегда таким образом, как гласит такой закон. Можно, ведь собственно сказать, подразумевает Давид Хьюм, что восходящее Солнце до сих пор видят каждое утро. Это тезис опыта. Все факты такого рода, которые тогда предлагались, можно выразить в общем законе, но ничто не может свидетельствовать о том, что тут есть что-либо иное, кроме ряда сведённых в одно представление узанных фактов. — Что же, по сути дела, образует в нас из чувственно наблюдаемых фактов закономерные связи, и какое значение имеют эти закономерные связи для только-что указанной области? Может быть прав Давид Юм, когда говорит: закономерно объединять предлагаемые нам факты — это заключено в нашей душевной привычке; и так как мы отвечаем этой душевной привычке, мы образуем для себя определённые законы природы. Однако эти законы природы являются ничем иным, как только тем, что объединено из отдельных фактов благодаря нашим душевным привычкам.

Так приходят к тому, чтобы сказать себе: прежде всего в жизни своего опыта человек развивается так, что он привыкает вводить порядок и гармонию в хаос эмпирических фактов; и конечно надо сказать, что чем дальше продвигаются в познании именно в очерченной здесь области, тем больше склоняются к этой охарактери-

зованной душевной привычке. В этом случае не могут стремиться получать несвязанные факты: стремятся соответствовать названной душевной привычке, стремятся по возможности ввести единство в то, что выступает нам навстречу как чувственно — эмпирическое разнообразие. Но если просматривают весь этот процесс познания с помощью непредвзятого осознания, вынуждены всё же сказать, что, когда так познают, стоят в отношении внешнего мира таким образом, что этот внешний мир, по сути дела, не входит в наше познание. На поприще этого познания надо всегда говорить себе: тут снаружи существуют материальные факты. Мы по привычке вводим их в нашу систему представлений, затем мы их тоже обзреваем; мы знаем, что если некий ряд фактов часто происходил так и так, то при новом появлении перед нами первых фактов этого ряда, он и в своей второй части произойдёт подобным же образом. Но всё же, когда мы на этом поприще останавливаемся, это внешнее мы не видим, и, собственно говоря, вовсе и не притязаем пока на то, чтобы видеть это внешнее. Но тогда, если мы хотим выдвинуть опрометчивые метафизические гипотезы, мы будем говорить, что материя есть то или это. Но если мы не хотим выдвигать безрассудные метафизические гипотезы, то оставим материю находиться снаружи. Мы скажем себе, что мы не видим, чем, собственно, материя является в своём внутреннем, но видим то, что до определённой степени предлагает нам она на той стороне, которую склоняет к нам; это мы упорядочиваем в определённые мыслительные ряды, в определённые мыслительные закономерности. Таким образом, мы остаёмся снаружи внешней действительности так, что формируем себе образы относительно хода процессов на внешней стороне материального события. И для нашего правильного осознания человечества мы тоже пользуемся этим сознанием, чтобы иметь тут дело с образами. Вообразите-ка только, что это означало бы в действительности для осознания человечества, если бы мы не могли отдаваться познанию, — прежде всего мы имели бы дело только с картинками внешнего мира. Пусть всякий раз на поприще, которое мы тут характеризуем, мы говорили бы себе, что нечто вливается в нас из внешнего мира так же, как нечто вливается в

нас, когда мы пьём или едим. Только представьте-ка себе, как мало такое возникновение единого внутреннего и материального бытия соответствовало бы тому, чем должно быть наше человеческое душевное настроение в познании внешнего мира. Мы можем быть в таком состоянии, что будем вынуждены сказать себе: «Ничто не вливается в нашу душевную жизнь в процессе познания внешнего мира. Переживаемое нами во внешнем мире мы оформляем в образах, которые, собственно говоря, с этим внешним миром вовсе не связаны».

Для того, что здесь представляется, я, пожалуй, могу использовать образ, который хочу позаимствовать у искусства. Представьте себе, что я что-то рисую. Изображённое мной на холсте в таком случае есть нечто действительно не интересующее тот внешний мир, который изображается тут на холсте. Несколько существующих снаружи деревьев, которые я рисую, совершенно безучастны к тому, рисую ли я их вообще, или как я их рисую на холсте. К тому, что существует там снаружи, мой образ присоединяется как нечто чуждое, как нечто такое, что внутренне не имеет ни малейшего отношения к этой внешней действительности. Психологически и познавательно-теоретически это, собственно говоря, так происходит и со всяким познанием, относящимся к области, о которой я сейчас здесь говорю. Мы сразу же попали бы в положение, в котором уже вовсе не смогли бы отличать себя от внешнего мира, срослись бы с ним, как мы это и делаем в процессе еды и питья, если бы происходящее в нашей душе во время этого познания не оказалось чем-то совсем чуждым для внешнего материального мира. Позже мы увидим, как то, что должно быть понято как человеческая свобода, может быть понято только при условии, что с познанием материального внешнего мира дело обстоит так, как я только что изложил.

Теперь же, когда я познаю математически — это не так. Только представьте-ка себе, как познают математически, будь то в области арифметики, алгебры, или в каких-либо высших разделах анализа, или же пусть это будет в области аналитической или синтетической геометрии. Здесь нам противостоит не какой-нибудь внешний мир,

к которому мы не можем подступиться, но в математическом познании мы живём во всём, что является для нас объектом, непосредственно внутри. Мы внутри формируем математические объекты и их взаимосвязи, и когда мы некоторым образом рисуем математические образы, то это, я бы сказал, только для нашего удобства. То, о чём мы думаем, ведь никогда как-либо не принадлежит тому внешнему миру, который мы воспринимаем нашими чувствами, а то, что мы имеем в виду в математическом познании, является всецело внутренне сконструированным, чем-то, что живёт только в той деятельности нашей души, которая передаёт что-либо от всего того, что недоступно чувствам как таковым. Мы внутренне конструируем, создавая для себя поле математической науки. Это познание коренным образом отличается от первой сферы познания, от познания внешнего эмпирического мира чувств. Здесь то, что является объектом, остаётся строго вне нас. В математическом познании мы всей своей душой повсеместно находимся в объективном, и то, что вообще осуществляется как содержание математической науки, является результатом построения, предпринятого и пережитого чисто в нашей душе.

Здесь заключена значительная проблема, и, я бы сказал, эта проблема есть нижняя ступень другой проблемы, которая потом станет верхней ступенью: как от обычной науки затем подниматься к антропософской духовной науке? Я не думаю, что кто-нибудь сможет надлежаще и подлинно научно ответить на последний вопрос, не ответив себе сперва на вопрос: каким образом чисто внешнее наблюдение и процесс познания природы, упорядочивающий наблюдение, поднимается к тому процессу познания природы, который пронизывается математикой, как это относится к математическому процессу познания как таковому?

Но тут возникает следующий вопрос, вопрос, на который, собственно, учёный должен ответить себе, исходя из своего опыта научной работы. Я уже говорил, что Кант обратил внимание на то, что во всякой науке лишь столько истинного познания, сколько в ней математики. Снова односторонность, так как это относится к определённой области. Ошибка Канта состоит в том, что он воспринял

как нечто универсальное то, что имеет значение в особой области и утвердил это. Но в отношении некоторой части внешнего природного бытия, как его передают нам наши органы чувств, мы должны, конечно, сказать себе: мы несём в себе потребность (и об этой потребности позже мы будем говорить ещё подробнее), мы несём в себе научную потребность, которую так называть совершенно правильно, потребность пронизать факты, которые нам предлагаются ещё и математикой — не только их измерить и сравнить замеры, но пронизать их тем, что мы уже сами построили в математических формулах.

Что же тут, собственно, живёт в нас, когда мы так стремимся к чему-либо, когда мы не останавливаемся на том, чтобы привычно связать внешние эмпирические факты с помощью общих правил, а пронизываем эти эмпирические факты тем, что конструируем только внутренне; что же мы сами с полным присутствием в математическом объекте формулировали всей нашей душевной жизнью? Так вот, тут это совершенно очевидно (каждый, проделавший в этой области научный опыт, может это сказать себе при непредвзятом самонаблюдении), тут нет никаких сомнений, что мы ведь чувствуем, что прежде всего вся природа, окружающая нас, в действительности противостоит нашему человеческому существу как нечто нам материально чуждое. Когда же мы замечаем, что можем в известной степени в это материально нам чуждое погрузиться тем, что мы уже сами внутренне сконструировали, можем математической формулой выразить то, что обычно нам предлагается только соответственно его внешней стороне, и выражаем это математически, оказывается, что сам природный процесс совершается в соответствии с этой математической формулой. Что же лежит в основе этого? Что ж, по-видимому, тут в основе не лежит ничего другого, кроме того, что мы благодаря этому внутренне полностью овладеваем внешним, чуждым нам пока, процессом природы, что мы до некоторой степени стремимся стать едиными с ним. Делаем ли мы ещё что-либо другое, чтобы постичь таким образом предлагаемое нам пока целиком внешне, чтобы мы могли его развёртывание сконструировать по образцу так, как мы это конст-

руируем внутри чисто математического? Делает ли мы всё же что-нибудь другое, кроме стремления пережить внутренне, а именно точно внутренне пережить то, что пока только внешне тарасит на нас глаза? Это погружение внутрь внешнего является тем, что побуждает к математическому объяснению природы, это живёт в математическом объяснении природы. Для нового научного устремления и для его связи с техникой (о чём мы тоже будем ещё говорить)⁵ как раз особенно характерно очень сильное стремление как можно больше внести математическое во внешнее событие, но это означает — внести прежде всего внутренне сконструированное; следовательно, то, что представляется нашему взгляду, полностью видеть благодаря тому, что мы можем это созерцать так, как если бы это привело нас самих в его форму, в формы его события. И если мы довели это до возможного предела, в известной степени до определённого идеала — внести математику во внешнее явление природы; если нам удастся довести это так далеко, как это уже существует в настоящее время (сейчас уже не так сильно стремятся к этому, как когда-то стремились атомисты, которые, например, в области световых явлений всё то, что представлялось внешне, пытались увидеть с помощью математических формул); если мы пришли к тому, чтобы в некоторой области иметь этот идеал — внести математику во внешнее — по возможности выполненным, что же тогда мы имеем? В таком случае мы можем проверить себя, что же мы имеем. Мы можем себя спросить: чего мы этим достигли? — Мы можем отчётливо представить себе: что, собственно, наша душа получает ради одного содержания, проявляя в себе самой сумму математических формулировок вместо того, чтобы созерцать внешнее, скажем, созерцать явления поляризации? Что наша душа приобретает в этом? Мы созерцаем эти образования, этот в известной степени всецело внешний мир, приведённый к математическим формулировкам, и если, созерцая его, мы, кроме того, рассматриваем его непредвзято и потом так же непредвзято сможем направить свой взгляд на внешний мир, тогда мы обнаружим нечто весьма своеобразное. Хотя мы и приняли во внимание всё то, что внешний мир дал нам в материальных предпосылках, чтобы наши

математические формулировки опирались на них, мы до некоторой степени обнаружим, что сперва мы имели нечто, казавшееся нам внутренне смутным, а теперь оно кажется нам ясным, а именно математически понятным просветлённым. Мы это обнаруживаем. Но тогда мы уже не можем отрицать для себя тот факт, что теперь мы в то же время подменяем природу, внешний мир, образом, который больше ничего не сохранил от реальности, представлявшейся нам вначале.

Возьмите оптические явления в их полноте, в их интенсивности, возьмите их так, как они выступают нам навстречу прежде всего, когда их наблюдает глаз, и противопоставьте им то, что с определённой точки зрения вполне обоснованно выводит как образ внутреннее математическое конструирование, скажем, математическая оптика, как образ этих явлений глаза, сформированный по математически сформулированным правилам. Вы будете вынуждены — ведь тут требуется лишь немножко объективности — сказать себе: в этом математическом образе больше нет ничего от полноты цветных явлений. Из этого образа выжато всё то, что прежде ещё предлагали чувства, то есть внешняя реальность. По сравнению с внешним миром мы имеем образ, который уже не обладает своим внутренним интенсивным наполнением, который лишён своей интенсивной реальности.

Я хотел бы здесь привести сравнение, о котором вы только в последующих докладах узнаете, что оно является не просто сравнением. Но пока я прошу принять его как чистую аналогию. Когда эмпирические факты мы пронизываем математически, наше познание распадается на два этапа. Первый этап: мы должны созерцать эмпирические факты, скажем, зрительно воспринятые факты. Второй этап: эти зрительные восприятия мы приводим к математическим формулировкам и тогда в известной степени как результат имеем перед собой эти математические формулировки. И потом мы уже не смотрим на эмпирический мир фактов. Это точно так, относительно точно, как когда мы вдыхаем животворящий кислород и пронизываем им наш организм. Он соединяется в нас с углеродом в углекислоту, мы выдыхаем углекислоту, она уже не является

животворящим воздухом, но весь процесс был необходим нам для нашей внутренней жизни. Мы должны были вдохнуть животворящий кислород, мы должны были в себе связать его с чем-то, что есть в нас. Когда мы возникшее таким образом противопоставляем теперь внешнему миру, для этого внешнего мира оно является умерщвляющим в том же смысле, в каком вдохнутый воздух является пробуждающим жизнь. Пока это должно быть использовано только как образ. Так мы себя ведём в математическом процессе познания природы. Мы вбираем в себя то, что представляется нашим чувствам, мы пытаемся совершенно интимно связать это в себе с чем-то, что есть в нас, с чем-то, что находится только в нас, с математически сконструированным в нас. Благодаря этому через соединение эмпирически узнанного со сконструированным в нас возникает нечто, а именно — результат математического познания природы. Мы это противопоставляем природе — природа больше не содержится в своей жизненности, как и в выдохнутом воздухе больше нет жизненных сил вдохнутого воздуха. Это определённым образом душевное вдыхание внешнего мира, но такое вдыхание, которому противостоит выдох, который, определённым образом преобразовавшись, превратил в противоположность то, что, будучи едва вдохнутым, соединилось с организмом души. На этот происходящий в нас процесс, когда мы стремимся к математическому познанию природы, необходимо взглянуть, ибо он указывает нам, что это математическое познание природы фактически является чем-то другим по сравнению с чисто эмпирическим познанием природы. Чисто эмпирическое познание природы доходит до нашей внутренней душевной привычки, математическое познание природы не только противопоставляет этому внешнему миру привычку, чуждую внешнему миру, но оно противопоставляет нечто пережитое внутри, оформленное внутри и хочет в этом оформленном внутри иметь кое-что, что объясняет этот внешний мир в соответствии с его собственной сущностью, то есть хочет в определённой мере соединить внутреннее с внешним.

Если правильно видят, как стремление к математическому объяснению природы основывается на этом внутреннем овладении

внешним миром, то уже не смогут упустить, что в математическом имеют совсем другой вид познания, чем в эмпирическом, которое интеллектуально соединяет чувственное, чисто внешнее и мыслительный опыт. Математическим познанием во внутреннее человека входят глубже и именно благодаря этому полагают соответственно ближе подойти к внешнему миру, именно благодаря этому думают как раз внутренне пережить то, что представляет собой сущность внешнего мира. И только тогда убеждаются на опыте, что теперь с этим преобразованием в математическую формулировку, собственно говоря, утрачена вся полнота внешнего мира. Необходимо осознать: то, что даёт кому-то внешний мир, соединяют с чем-то сконструированным чисто внутренне. И то, собственно, что тут происходит в душе, когда создают математические формулировки, надо уметь правильно переживать. Надо видеть, что математическое есть внутренний продукт человечества, и всё же, несмотря на то, что имеют дело с внутренним продуктом человечества, получают чувство того (позже мы увидим, что это есть некое познание), что этим внутренне математически сконструированным, сконструированным всецело в стороне от внешнего мира, дано нечто, что подводит нас к внешнему миру ближе, чем мы к нему обычно находимся. Но всё же это, сконструированное так внутренне математически, опять-таки может не быть внутренней реальностью, по крайней мере не быть непосредственно внутренней реальностью в отношении реального внешнего мира. Ибо иначе, имея перед собой математический образ как результат исследований, не должны были бы иметь чувство: теперь вся полнота внешнего мира побледнела и существует только математическая формулировка, — но тут должны были бы ощутить: в этой математической формулировке имеют нечто, что только внутри получает истинную реальность. Представьте-ка, насколько иначе обстояло бы дело, если бы мы имели перед собой всё поле переживаний глаза со всем интенсивным ощущением цветов. И тогда, занимаясь математическим формулированием, мы духовно ещё увидели бы перед собой в этом математическом формулировании воспринятое вначале. Мы увидели бы, как в нашей математической формуле волновой теории (света)

сияют и сверкают цвета, пережили бы явления интерференции и так далее. Этого мы не делаем. То, что мы этого не делаем, подтверждает нам, что мы хоть и проникаем во внешний мир с нашими математическими формулировками так, что приближаем его, но одновременно мы делаем это за счёт того, что на самом деле мы уже не имеем тут полной действительности внешнего мира.

Так как теперь мы продвинулись от обычного, привычного познания к познанию, сформулированному внутренне математически, которому должно предшествовать формулирование математических образований, пережитых чисто внутренне, должен возникнуть вопрос: не может ли всё-таки это продвижение теперь продолжаться дальше в душевную жизнь человека? — Вначале мы имеем перед собой внешний мир, мы ему противостояим так, что правила и законы, которые мы создаём себе о нём на основе своих наблюдений, здесь являются абсолютно чуждыми образованиями. Мы движемся вперёд, и это возможно только благодаря тому, что внутри, совсем в стороне от наружного внешнего мира мы узнаём математические формулировки. Потом этими математическими формулировками мы пронизываем исключительно этот внешний мир. Внутри они по-видимому не пронизаны реальностью, иначе мы тоже обладали бы реальностью. Хотя мы их, кроме того, располагаем перед собой, по-особому рассматриваем, хотя мы претендуем на них — они не могут быть реальностью, ибо, напротив, они гасят реальность, к которой мы их применили. В момент этих соображений возникает вопрос: возможно ли теперь усилить себя тем, что мы математически формулируем в глубине души, что мы вначале предпринимаем для более интимного проникновения в чувственный внешний мир? Возможно ли, чтобы то, что в качестве математически-внутреннего переживания является пока столь бледной абстракцией, что вследствие этого для нас даже бледнеет реальность, чтобы переживаемое в математических образованиях стало теперь внутренне более полным сил? Другими словами: можно ли существенно увеличить интенсивность сил, которые мы должны использовать в подготовке математического познания природы для достижения этого последнего, чтобы во внутреннем сформировать не

только математическую абстракцию, но и конкретно духовное? Тогда в сформированном тут внутренне мы снова увидели бы прежде всего возрождение, правда не чувственного внешнего мира, но нам предстало бы нечто, не являющееся математическим образованием, ибо математическое образование абстрактно, но предстало бы то, чему должен быть придан другой вид. Мы имели бы перед собой нечто такое, что добыто тем же способом, что и математическое образование, но получено с характером реальности. И перед нами находилось бы нечто увиденное духовно, о чём мы можем себе сказать, что в действительности оно сверкает нам, как внешняя чувственная реальность, но мы добились этого, когда извлекли из себя не только математические абстрактные построения, но и реальные образы. Мы укрепили математизирующую силу и благодаря этому внутри достигли выдвижения реальности из самих себя. Тогда это была бы третья ступень нашего познания.

Первая ступень — это привычное принятие реального внешнего мира. Вторая ступень — математическое пронизание этого внешнего мира, после того как мы сперва сформировали чистую математику. Третья ступень — переживание духовного, и именно внутри, обязательно внутренне интимно, как и математических переживаний, но с характером духовной реальности. И таким образом нам предстоит внешнее эмпирическое познание природы, математизирующее познание и духовное познание, то познание, в котором благодаря внутреннему творческому становлению мы имеем перед собой духовные миры.

Подготовку к тому, чтобы считать реальными эти миры, мы имеем уже в том, что найденное в математически сформированном познании, разумеется, ещё в образно-абстрактном, мы применяем к внешней действительности и даже говорим себе так: когда мы конструируем математически, хотя это и не имеет в себе ещё никакой реальности, из глубин нашей души поднимается не реальность, но нечто являющееся образом реальности. В духовной науке мы поднимаем из подоснов нашей души то, что уже является не только образом внешней реальности, но самой реальностью, действительностью. Таковы три ступени человеческого познания: первая —

физическое познание природы, вторая — математизирующее знание и третья — духовная наука. И это не исходит из одного лишь предположения, что духовнонаучный метод конструируется как необходимость, но вы видите, что именно для того, кто понимает математизирование вытекающим только из эмпирического исследования, духовопознание присоединяется как дальнейшее продолжение, несмотря на то, что благодаря этому получают истинный духовный мир не математический, а несколько иной. И, по-видимому, надо сказать: кто знает, как возникает математика, тот сможет достичь и понимания того, как возникает антропософски ориентированная духовная наука.

Сегодня я хотел бы это высказать вам в виде предисловия к этим докладам. Я хотел бы сказать вам, что эта антропософская духовная наука знает, где её место во всей системе наук. Она не является ни каким-либо субъективным произволом, ни каким-либо дилетантизмом, она рождена из основательной теории познания, она рождена из *того* познания, которое сначала должно быть применено для понимания основания самого математического. Не зря Платон требовал от своих учеников⁶ (конечно, исходя из древних инстинктивных научных познаний), чтобы они сперва получали хорошую предварительную подготовку по геометрии и математике. Этим он хотел дать возможность своим ученикам получить не отдельные арифметические или геометрические знания, а глубокое понимание того, что в действительности происходит в человеке, когда он математизирует или геометризует. И на этом, собственно говоря, основывается кажущееся парадоксальным, но глубоко значительное высказывание Платона: Бог геометризует⁷. — Он не подразумевал, что Бог в математическом только творит пяти- или шестиугольники, но что он творит такой внутренней силой, какую мы себе представляем, разумеется только образно абстрактно, уже в математическом мышлении. Поэтому я верю, что именно тот, кто глубоко понимает место математики на поприще наук, тот также поймёт место духовной науки.

Духовная наука будет завоёвывать своё право, как бы ни выступали её противники, так как она хочет строить не на каком-то лег-

ковесном или дилетантском основании, а строить она будет как раз на истинной точности и на исторической основательности. Отсюда я могу уже сказать: те возможные противники, которые действительно серьёзно останавливаются на том, что в своё оправдание может сказать подразумеваемая здесь духовная наука, всегда могут быть желанным для этой духовной науки, так как с ними мы охотно будем дискутировать. Она не имеет никакого страха перед ними, ибо она оснащена всем тем научным оружием, которое существует в других науках, и может им сражаться. Только никогда не давайте остановить себя тем, кто ничего в ней не понимает и выступает против неё как раз из-за своего чистого дилетантизма и своего низкого образа мыслей, ибо духовная наука так, как она здесь понимается, верит, что она необходима остальным специальным наукам, и она, по сути дела, не может терять время, так как необходимо, чтобы благодаря этой духовной науке были *преодолены границы*, в которые повсюду поставлены специальные науки. Поэтому мы должны, прежде всего, уже в какой-то мере решиться иногда строго останавливать тех, кто без оснований выступает против духовной науки, останавливать по тем причинам, о которых уже в ходе этих докладов будет ещё указано в различных местах⁸. По сути дела, всё же именно сегодня как можно скорее надо серьёзно, абсолютно серьёзно и строго научно рассказать человечеству о духовной науке, и тогда, если только в неё вникнут, границы могут быть действительно преодолены.

Второй доклад

Штутгарт, 17 марта 1921г.

Вчера во вступительном докладе я уже указал на то, как при рассмотрении перехода человеческого познания от обычного познания внешнего мира к математическому познанию выявляется первый этап пути, который при дальнейшем следовании приводит к возможности ознакомиться с духовнонаучными методами, как они здесь подразумеваются, и признать их. Конечно, именно в этих докладах я буду стремиться охарактеризовать и оправдать духовнонаучные методы. По сути дела это может осуществиться только в результате того, что я смогу разъяснить в этих семи докладах⁹.

Сегодня я хотел бы ещё раз подробнее остановиться на первом этапе. Я хотел бы представить вам такое рассмотрение, какое сегодня возможно ещё существует фрагментарно здесь или где-то ещё в научном мышлении. Конечно же, оно не всеохватывающее. И так как оно не является всеохватывающим, налицо отсутствие в данном случае возможности методически подниматься, начиная с преобразования науки, ещё свободной от математики, к математической науке, и затем от этого преобразования подняться к другому, которое, исходя из него, мы признаем полностью подходящим — от математического пронизания объективности к духовнонаучному пронизанию действительного бытия. Как уже обещано, я и буду пытаться посредством нашего рассмотрения методически достичь этого последнего этапа, останавливаясь на всех ступенях.

Для этого мы будем исходить сегодня из одного только рассмотрения человека, как он переживает сам себя в созерцании, в наблюдении внешнего мира. Из докладов, прочитанных здесь, или, по крайней мере, из семинарских рефератов, а кроме того из чтения моей книги «О загадках души», вы узнаете, что всё же к полному и достаточному рассмотрению человека придёшь только увидев, как общечеловеческая организация для него соединяется в три отчётливо отличающихся друг от друга члена. Конечно, мы имеем дело с единым человеком. Но этот единый человек действует как раз как

сложнейший организм, который нам известен прежде всего благодаря тому, что он разделён, я бы сказал, на три телесные организации, которые обладают в себе определённой самостоятельностью, но которые потом, вновь взаимодействуя, осуществляют конкретное единство человеческой организации именно благодаря тому, что они посредством этой самостоятельности образуют всё то, что в них заключено. Тут прежде всего мы имеем дело с тем, что в моей книге «О загадках души» я назвал нервно-чувственным человеком, с тем членом человеческой организации, который своё наибольшее адекватное выражение имеет конечно прежде всего в человеческой голове, и который отсюда в свою очередь простирается по всей человеческой организации. Нельзя не заметить существование такого самостоятельного члена ещё и потому, что этот член человеческой организации пронизывает в свою очередь всю человеческую организацию. От остальной человеческой организации мы совершенно точно можем отличать (и по этому поводу мы ещё будем дальше говорить) нервно-чувственного человека, всё то, чем является посредник жизни наших представлений. Мы, люди, имеем представления благодаря тому, что способны передавать самим себе представляющую жизнь посредством того органа, который представляет собой объединение органов чувств и нервной системы, идущей от органов чувств во внутреннюю организацию.

Мы связаны с этой нервной системой через нашу эмоциональную жизнь в ином смысле, чем через жизнь представлений. Лишь неточный психологический способ наблюдения новейшего времени позволяет этого не замечать. Эмоциональная жизнь не связана с нервной системой непосредственно, а только косвенно. Эмоциональная жизнь непосредственно связана со всем тем, что в человеческой организации мы можем назвать ритмической системой, больше всего проявляющейся в дыхании, в биении пульса и в циркуляции крови. Заблуждение, что наша эмоциональная жизнь как часть нашей душевной жизни также непосредственно связана с нервно-чувственной системой, исходит из того, что мы ведь всё, эмоционально происходящее в нас как людях, непрерывно сопровождаем представлениями. А так как наша эмоциональная жизнь

душевно непрерывно сопровождается представлениями, то и наша ритмическая система, которая ведь простирается по всему организму, органически связана с нашей нервно-чувственной системой. В теле между ритмической системой и нервно-чувственной системой существует отношение подобное тому, которое существует в душе между эмоциональной жизнью и жизнью представлений. Но наша эмоциональная жизнь проявляется непосредственно и через нервно-чувственную систему исключительно благодаря тому, что едва в нашем организме передаётся переживание чувствования, имеющего своим инструментом в организме ритмическую систему, как ритмическая система теперь отражается на нервно-чувственной системе и благодаря этому возникает видимость, как будто эмоциональная жизнь также непосредственно связана с нервно-чувственной системой. В своей книге «О загадках души» я особо обратил внимание на то, что, например, при изучении происходящего в человеке при музыкальном восприятии¹⁰ можно как раз легко додуматься, каким является в нём это только что охарактеризованное отношение.

Вне этих обеих систем: нервно-чувственной, передающей жизнь представлений, и ритмической, передающей эмоциональную жизнь, — мы имеем, кроме того, систему обмена веществ. И в трёх системах: нервно-чувственной системе, ритмической системе и системе обмена веществ — мы целиком представили человеческий организм в отношении всего функционального. Система обмена веществ отвечает душевной жизни желания, и подлинное изучение связи между желанием и человеческим организмом осуществится только тогда, когда проследят, какова реакция обмена веществ, когда совершается волевой акт или даже только волевой импульс. Всякая реакция обмена веществ на самом деле осознанно и неосознанно является физической основой волевого факта или волевого импульса. Одновременно связаны с обменом веществ наши движения; и из-за того факта, что наши движения связаны с нашим обменом веществ, наша душевная подвижность в свою очередь тоже связана с нашей волевой деятельностью. По этому поводу надо уяснить себе, что, когда мы осуществляем некое движение в про-

странстве, это является примитивнейшей волевой деятельностью. Но при прафеноменальной — воспользуемся этим словом Гёте — волевой деятельности¹¹ именно то превращение обмена веществ, которое лежит в основе нашего движения, является таким физическим проявлением для душевного волевой деятельности. И только благодаря тому, что мы свою волевою деятельность в свою очередь прослеживаем по представлению, эта волевая деятельность теперь действительно непосредственно соединяется с нервно-чувственной системой. Таким образом, я хочу это сказать пока только предварительно, мы можем рассматривать душевную жизнь, а также физическую жизнь человека в некотором роде разделённой на три самостоятельных органических и душевных члена.

Сегодня же мы попробуем, например в отношении наблюдающего человека, остановиться с определённой точки зрения на этих трёх членах физической и душевной организации человека. Рассматривая это, я хотел бы, прежде всего вам осветить, что такое созерцание протяжённости пространства. Мы должны входить уже в эти, я бы сказал, более детальные, скрупулёзно точные вещи, так как именно эти доклады послужат тому, чтобы точно показать духовнонаучное рассмотрение как продолжение обычного научного рассмотрения. Прежде всего мы рассмотрим здесь то, что я назвал нервно-чувственным организмом. Этот нервно-чувственный организм ведь содержит, как я уже говорил, самое главное в верхней организации, в головной организации человека, и от этой головной организации, содержащей в основном нервно-чувственного человека, эта нервно-чувственная жизнь затем распространяется по всему остальному человеческому организму, определённым образом пропитывая его. Следовало бы сказать, что для рассмотрения человека, понятого, однако, не внешне, голова продолжается сквозь всего человека. Если, например, в пределах чувственной организации мы распространили по всему организму восприятие тепла, то это ничего другого не означает, кроме того, что тот род организации, который для важнейшей части жизни чувств заложен прежде всего в голове, для этого особого ощущения тепла распространяется теперь по всему человеческому организму, так что в определённом отно-

шении в соответствии с восприятием тепла весь человек есть голова.

Видите ли, на такое толкование в наши дни чрезвычайно обижаются. Ибо довольно сильно привыкли к внешнему способу рассмотрения, который подразумевает, что, говоря о трёх членах человеческого организма, надо эти члены суметь поставить в пространстве рядом друг с другом совсем обособленно, и профессор анатомии¹², стремящийся к такому пространственному обособлению, смог с удовольствием сказать, что благодаря антропософии человек разделяется на систему головы, систему груди и систему живота. Что ж, такими вещами могут необъективно встречать антропософию. Однако, дело ведь несомненно не в этом, а речь идёт о том, что в эти вещи надо входить действительно надлежащим образом и уметь учиться тому, что в реальности вещи разделены пространственно не так, как просто по-дилетантски представляют это себе сегодня, но что они взаимно переплетаются, сливаются друг с другом — что и наблюдать ведь надо по-особому, если хочешь правильно понять взаимодействие трёх членов трёхчленного социального организма.

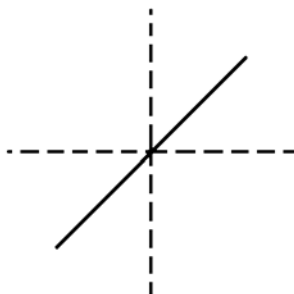
Так вот, несомненно, что организация головы есть та организация, которая имеет дело — в настоящий момент это составляет чисто эмпирический факт — больше всего с процессом познания, по крайней мере с процессом математического познания, которое прежде всего во внешнем мире подходит к человеку. Для этой головной организации чисто эмпирически мы можем теперь констатировать, что то, что мы можем называть пространственностью, для нас, я бы сказал, выступает пока только в некоем приближении. То, о чём здесь идёт речь, мы лучше всего поймём, если внимательно посмотрим на три способа деятельности человека; первым я бы назвал общий зрительный акт, зрение, наблюдение мира глазами. Но, как вы сразу увидите, речь идёт о *полном* зрительном акте, а именно о наблюдении внешних объектов обоими нашими глазами. Во-вторых, у человека руки и кисти рук, хотя они и прикреплены к туловищу и хотя они в определённом отношении непременно принадлежат к системе конечностей, тем не менее в свою очередь

имеют глубокое отношение к ритмической системе. Они благодаря своему особому месту вблизи ритмической системы в известной степени преобразованы жизнью и функциональным в человеке. Они как члены тела приспособлены к той жизни, которую мы можем называть ритмической жизнью, и так как они, руки и кисти рук, находятся снаружи, порой мы можем по ним уяснить себе то, что пожалуй не так легко уяснить себе исходя из внутренних членов ритмической системы. Итак, обратите внимание, речь идёт о том, что в руках и кистях мы имеем, хоть и члены тела, но эти члены тела из-за своего особого места в человеческом организме, я бы сказал, с помощью жизни и функционального приспособлены к ритмическому. Это ритмическое в руках и кистях вы можете проследить, когда высказываетесь: как сильно проявляется в жестах, в свободной подвижности рук и кистей то, что мы имеем в эмоциях, то есть в том, что связано с ритмической системой. Именно в жизни человека эти члены всецело подняты, я бы сказал, на некий уровень переживания. Расположены они как конечности, но служат совершенно не так, как у животного, которому служат именно конечностями. Они освобождены от службы жизни конечностей и стали, я бы сказал, в невидимой речи неким выражением жизни эмоций человека, то есть приспособились к ритмической системе. Затем в качестве третьей функции я бы вам представил ту, которую можно рассматривать как ходьбу, то есть деятельность, происходящую в самом значительном смысле через систему конечностей человека.

Зрение, движение рук и ходьба — давайте-ка их теперь действительно научно проведём перед душой. Зрение с помощью двух глаз: рассматривая это в его цельности, приходят к тому, что сначала, полностью независимо от всякой деятельности рассудка, увиденное представляется нам в двух измерениях. Я могу, если хочу увиденное изобразить вам согласно его протяжённости, просто нарисовать здесь на доске два измерения (см. рисунок) как две перпендикулярные друг другу координаты. Я хочу начертить так, чтобы это было согласовано с последующими ответвлениями, обозначив обе линии только пунктиром. Я хочу тем фактом, что я обо-

значая обе линии только пунктиром, выразить, что на самом деле нашим рассудочным сознанием это двухмерное, когда мы смотрим, вовсе не воспринимается.

Зато с третьим измерением это иначе. Третье измерение мы можем называть измерением глубины, то есть глубиной, увиденной нашими глазами; то измерение, которое находится по направлению сзади-вперёд, не существует готовым перед нашими душами в том же смысле — совсем независимо от нашего рассудка. Оно находится перед нами в качестве той совершаемой нами внутренней рассудочной операции, благодаря которой вещи, иначе увиденные бы плоскостными, мы дополняем посредством измерения глубины до объёмного. Совершаемое тут нами, правда, усиленно избегает нашей сознательной деятельности. Лишь входя в сознательную деятельность более тонким способом, непременно переживёшь это измерение глубины иначе, чем оба других, которые я назову измерениями высоты и ширины. И по-видимому, можно будет обнаружить, как согласно этому измерению глубины определённым образом оценивают, насколько что-либо удалено от нас. К обычному созерцанию, к созерцанию глазами присоединяется нечто, когда мы в сознании плоскость дополняем до объёмности, так что можем сказать: пока мы остаёмся внутри своего сознания, мы не можем говорить, как осуществляется то, что является измерением высоты и измерением ширины. Мы должны просто принимать измерение высоты и измерение ширины. Они просто даны зрительным созерцанием. Не так с измерением глубины, то есть с третьим измере-

нием. Поэтому я рисую здесь перспективно сплошную линию, чем обозначаю, что эта сплошная линия в качестве измерения глубины основывается уже на деятельности, по крайней мере едва заметно разыгрывающейся в сознании, на некоей осознанной, скажем, полусознанной деятельности, так что мы можем сказать: если мы внимательно посмотрим на акт зрения, то чисто мыслительно, то есть когда мы лишь мыслительно проникаем в акт зрения, нам прежде всего даны размеры высоты и ширины. Измерение глубины основано уже только на одной деятельности сознания, на одной деятельности полусознательной операции рассудка. Поэтому, как вы пожалуй уже слышали, и анатомо-физиологическое объяснение полного акта зрения должно приписывать зрению (следовательно тому, чем является зрение ещё без деятельности рассудка) по сути дела только осуществление видимого плоского измерения. Напротив, объёмный образ действия у зрения оно должно приписывать уже деятельности головного мозга, то есть конечно же не четверохолмью, тому органу в человеческой голове, от которого зависит изобразительная деятельность глаз, физический образ действия зрения, но относительно измерения глубины анатомо-физиологическое должно быть приписано головному мозгу, посреднику также и волевых рассудочных операций. Хотя мы пользуемся сознанием, я бы сказал, слабо, всё же определённым образом мы можем трактовать измерение глубины синтетически и аналитически. Измерение глубины принадлежит к области, которую я бы назвал сознательной деятельностью посредством человеческой головы.

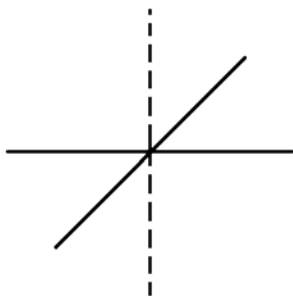
Когда же мы переходим от акта зрения к тому акту, который возникает через деятельность движения рук и кистей, тогда речь идёт о погружении в некий элемент, постигаемый сознанием, разумеется, ещё труднее. Но тем не менее мы можем всё-таки обратить внимание на то, что происходит, когда мы прослеживаем нашу эмоциональную жизнь уже в свободной деятельности наших кистей и рук и наших жестов. Здесь точно так же, как мы обращаем внимание на деятельность в отношении измерения глубины посредством двух человеческих глаз, можно уже обратить внимание на то, что в сущности делает человек. Собственно, что же передаёт нам

это измерение глубины? Это ориентация левого глаза и правого глаза. Это взаимное пересечение левой и правой осей глаз. Происходит ли это взаимное пересечение в большем или меньшем удалении от нас самих, от этого зависит основополагающая оценка глубины измерения. Собственно, деятельность, лежащая в основе оценки этой глубины измерения, с виду мало заметна.

Если же от этого перейти к деятельности человеческих рук и кистей, то при некотором напряжении нашего сознания мы обнаружим, что, двигая руку по горизонтальной окружности, мы конечно можем отчётливо различать, как осознанно происходит это движение руки в измерении «правое-левое», то есть в измерении, обозначенном мной как измерение ширины. Кто способен детально проанализировать человеческую жизнь, тот поймёт, что всё оцениваемое человеком по отношению к этому измерению ширины на самом деле непременно связано с тем ощущением, которое мы имеем, сознавая себя как человека, который измеряет левой и правой рукой полную протяжённость ширины. Мы получаем эмоциональное переживание того, что мы называем симметрией, ведь это переживание преимущественно происходит при измерении ширины. Такое переживание мы получаем прежде всего через ощущение, которое нам передано нашими руками, левой и правой. Конечно же, это ощущение нашей собственной симметрии преимущественно передаётся соответствующими, ощущаемыми нами движениями левой и правой рук, так что симметрию мы ощущаем этим составляющим единое целое передвижением левой и правой рук. Эмоциональное восприятие измерения ширины передаётся в жизнь представления преимущественно через симметрию, и уже потом в жизни представления мы судим о симметрии. Только вы не можете не заметить, что это суждение о симметрии измерения ширины в сущности есть нечто вторичное, и тот, кто мог бы только созерцать симметричное и не получил бы ощущения при симметричном, при соответствии симметричного слева симметричному справа, тот всё-таки пережил бы симметрию, только бледно и сухо, здраво и интеллектуально. Тот действительно живёт во всём том, что может нам сказать симметрия, кто и ощущать может симметрично. Но мы

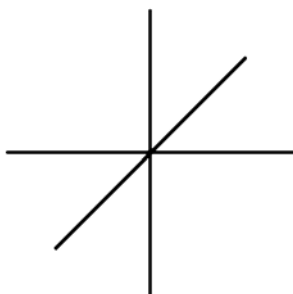
можем ощущать симметрично как люди только благодаря тому, что всегда слабо осознаём единство движений левой и правой кисти, соответственно левой и правой рук. На том, что мы переживаем тут эмоционально, действительно основывается всё то, что мы можем пережить относительно измерения ширины.

Но даже то, что мы по отношению к акту зрения назвали измерением глубины, всё же ведь определённым образом осознаётся нами и через нечто, осуществляемое также и нашими руками. Ведь как мы перекрещиваем линии зрения, визирные линии, так же мы перекрещиваем и руки. И это, я бы сказал, есть грубое преобразование акта зрения, когда мы где-либо перекрещиваем руки. Мы можем как раз через следование друг за другом точек, получаемых нами при скрещивании рук, вживаться в то, что является измерением глубины, так что, когда мы вполне переживаем то, что получаем своей организацией рук, мы второе измерение, измерение ширины, тем не менее вовсе не имеем готовым, как мы получаем его готовым во время акта зрения. Но если мы хотим выразить символически то, что теперь возникает у организации рук и кистей в отношении

пространственности, то я должен начертить так: измерение ширины и измерение глубины (сплошные линии). И только измерение высоты готово для того, что я переживаю через мою организацию рук (пунктирная линия). Осуществляя свои жесты, в известной степени осознанно проводя своими жестами ту плоскость, которая состоит из измерений глубины и ширины, мы полностью оставляем в подсознательном размер высоты, третье измерение. Когда же,

собственно, это третье измерение вступает в ясное сознание? Оно вступает в ясное сознание только во время акта ходьбы. Когда мы начинаем передвигаться, непрерывно возникает какая-то иная линия, находящаяся в этом третьем измерении, в измерении высоты, и даже если при ходьбе рассудочное восприятие этого третьего измерения чрезвычайно слабое, мы всё же не можем не заметить, что в действительности это третье измерение полусознанно принято во внимание внутри рассудочной операции. Конечно, при грубом внешнем осознании мы не учитываем в измерении высоты изменение этой линии. Но вообще, передвигаясь и развивая ходьбу как некий волевой акт, мы в измерении высоты непрерывно изменяем эту линию, и мы вынуждены сказать себе: так же слабо осознаётся происходящее в третьем измерении во время ходьбы, как слабо осознаётся во время акта зрения происходящее в измерении глубины. Итак, если мы хотим теперь начертить пространственность для того, что происходит с помощью истинного органа конечностей, который ни к чему другому не приспособлен, кроме деятельности конечностей, когда мы изучаем пространственность в акте ходьбы,

связанном с ногами и стопами, тогда мы сможем сказать: тут, в этом акте ходьбы, мы рассудочно ощущаем деятельность внутри всех трёх измерений, так что акт ходьбы, в таком случае, я должен начертить тремя сплошными линиями.

Таким образом, в акте зрения, в довольно явной мере принадлежащем верхней организации или организации головы (если вы вспомните то, о чём я говорил, то ясно осознаете это), мы пережи-

ваем готовую двумерность и деятельность по установлению третьего измерения — глубины. В том, что мы выразили для ритмической системы в движении рук и в движении кистей, пространственность мы переживаем так, что в своём собственном действии полностью переживаем два измерения и, кроме того, в сознании находится готовым третье измерение, как во время акта зрения обычно имеем готовыми два измерения, образующиеся на плоскости для головной организации. Только в подлинной организации конечностей, то есть принадлежащей к третьей системе — её мы познаем, только изучая обмен веществ, сопутствующий ходьбе, — в этой третьей системе нам открывается всё то, что обмеряет пространство в его трёх измерениях.

Так, стоит вам только привести ещё следующее соображение, и вы придёте к чрезвычайно важному. Всё то, что содержится в жизни наших представлений, по сути дела, является единственным содержанием нашего полного бодрствующего сознания. Однако то, что содержится в нашей эмоциональной жизни, не входит в наше сознание с той же отчётливостью, с той же лёгкой прозрачностью. В дальнейшем ходе этих рассматриваний мы ещё увидим, что собственные эмоции не имеют в сознании большей интенсивности, чем сновидения, и точно так же, как и сновидения, воспроизводятся дневной жизнью, полной бодрственной жизнью представлений, и благодаря этому становятся отчётливыми представлениями, то есть вступают в ясное сознание. Так во время бодрственной дневной жизни эмоции непрерывно и сопровождаются выражающими их представлениями. Вследствие этого наши эмоции, обычно выступающие только с интенсивностью жизни сновидений, вступают в отчётливое, ясное сознание именно жизни представлений.

Истинно волевые движения согласно их сущности, конечно, полностью остаются в подсознании. Благодаря чему же мы, собственно, знаем нечто о воле? По сути дела, в обычном познании мы ведь ничего не знаем о самой воле в соответствии с её реальностью, и это обнаруживается, я бы сказал, даже свидетельствуется высказыванием такого психолога, как Теодор Циген (Ziehen)¹³, который ведь в своей «Физиологической психологии» говорит, в сущности,

только о жизни представлений. Однако, только что мной приведённые неизвестные ему факты, говорящие о том, что в действительности эмоциональная жизнь связана с ритмическим организмом и только светит в жизнь представлений, Теодор Циген выразил очень абстрактно, когда сказал: «Мы как психологи на самом деле можем проследить только жизнь представлений и найти некоторые представления эмоциональными». — То есть в определённой степени эмоции были бы только свойствами жизни представлений. Всё это основано именно на том, что такой психолог не видит истинную человеческую организацию, которая ведёт себя как раз абсолютно так, как я сейчас показал. Эмоции, поскольку они связаны с ритмическим организмом, остаются в полуосознанном состоянии сновидения, и полностью в бессознательном остаётся истинная сущность волевых актов. Поэтому обычные психологи вообще их уже не описывают. Если вы прочитаете удивительные высказывания именно Теодора Цигена по поводу деятельности, то увидите, что для способности наблюдения этот психолог абсолютно отбросил внутреннюю деятельность воли. (Мы будем говорить об этом, как оно есть). Внешним наблюдением мы как раз ничего другого не получаем, кроме того, что можем созерцать — результат волевого акта. Нам неизвестно внутреннее, то, что произошло, когда волевой импульс двигал нашу руку. Мы только видим, что рука движется, то есть наблюдаем внешний факт. Благодаря этому мы сопровождаем откровения нашей воли представлениями, вследствие чего эти откровения, которые иначе полностью переданы только органически через систему обмена веществ и связанную с ней систему конечностей, мы и рассматриваем как тесно связанные с сущностью представлений.

А уже в этом члене человеческого организма, в системе обмена веществ, которая, следовательно, телесно соответствует душевному волевого акта, раскрывается нам трёхмерность, которая поэтому глубоко связывается с человеческой системой, деятельность которой в основном происходит бессознательно. Таким образом, эта трёхмерность в соответствии с её реальностью не может быть представлена нам обычным познанием. Как мы увидим, она может от-

крываться только тогда, когда мы в жизни нашей воли созерцаем с такой же светлой ясностью, как и в жизни наших представлений. При обычном познании этого не может произойти, но, как мы увидим — только при духовнонаучном познании. Однако на этом, на общей деятельности человека, на всём том, что живёт в его системе конечностей и обмена веществ, покоится трёхмерность как переживание в подсознании. И что же происходит? Из подсознания воля сферы конечностей поднимает её сначала вверх в ритмическую сферу. Тут она переживается ещё как двумерность, а третье измерение, которое непосредственно в волевом действии ещё переживается в своей реальности, это третье измерение, измерение высоты, становится уже абстрактным.

Здесь в человеческой организации вы видите, как реальность становится абстракцией через саму деятельность человека. Это измерение высоты вы переживаете в подсознании. Через человеческую организацию это измерение высоты уже абстрактно превращается в одну вытянутую линию, в одну только мысль в ритмической организации. И что же в таком случае происходит в нервно-чувственной организации? Оба измерения становятся абстрактными. Их уже не переживают. О них могут только ещё помыслить рассудком, приступающим к делу после этого, так что в органе нашего собственного обычного познания, в голове, мы имеем только возможность выразить два измерения абстрактно-интеллектуально. Только о третьем измерении, измерении глубины, мы имеем, я бы сказал, слабое сознание также и в нашей голове. Итак, вы видите: вследствие того, что мы имеем в своей голове это слабое сознание об измерении глубины, мы в обычном сознании вообще не в состоянии что-либо ещё знать о реальности измерений. Если бы это измерение глубины, которое мы, собственно, только и можем по-настоящему изучать в акте зрения, из-за нашей организации тоже стало бы абстрактным, тогда мы вообще имели бы только три абстрактные линии. Мы вовсе не пришли бы к тому, чтобы искать реальности для этих трёх абстрактных линий.

Этим я указал вам на реальность, на действительность того, что в кантианстве обнаруживается не соответствующим реальности об-

разом. Там говорится, что пространство со своими тремя измерениями априори содержится в человеческой организации¹⁴ и человеческая организация по сути дела перемещает в пространство свои субъективные переживания. Почему Кант пришёл к этой односторонности? Он пришёл к этому, потому что не знал, что переживаемое нами благодаря нервно-чувственной организации только в слабом намёке измерения глубины, но обычно абстрактно, в подсознании переживается реально, затем загоняется вверх в сознание и вследствие этого приводится к абстракции — вплоть до этого маленького остатка в измерении глубины. Трёхмерность мы переживаем через нашу собственную человеческую организацию. В своей реальности она существует в волевой системе, и физиологически-физически — в системе обмена веществ и конечностей. Для обычного сознания она является пока неосознанной и осознаётся этим обычным сознанием только в абстрактности математически-геометрического пространства.

Этим прежде всего я хотел дать вам пример того, каким способом духовная наука может входить в человеческую деятельность, не останавливаясь на абстракциях, подобных априорности пространства и времени в кантианском смысле, но действительно конкретно входить в реальность человека и осознаваться им. Я хотел дать вам именно этот пример, так как этот пример подлинного значения пространства, который я ещё продолжу излагать, теперь приведёт нас к точному осознанию сущности математического со всех сторон.

Но об этом продолжим завтра.

Третий доклад

Штутгарт, 18 марта 1921 г.

Вчера я пытался¹⁵ прежде всего рассмотреть кое-что из того, что может привести к происхождению представления пространственного внутри человеческого существа. Сейчас я хочу отложить пока то, что начал вам излагать. Ибо при духовно научных рассмотрениях, когда, в особенности, их следует осветить в определённой мере с другой, с физически-эмпирической стороны, речь идёт о том, чтобы приблизиться к ним с разных сторон. И в этих докладах мне бы хотелось всё-таки это сделать. А сегодня к сказанному накануне я хочу кое-что добавить с некой другой стороны, чтобы в результате мы соединили отдельные рассмотрения в целое и смогли поднять до уровня духовнонаучных рассматриваний.

Очень часто говорят, что духовнонаучные рассмотрения имеют дело, собственно, с чем-то таким, к чему человек может приступать определённым образом, владея особой формой созерцания, которая кладётся в основу получения таких духовнонаучных результатов. В некотором ограниченном смысле, но только в очень ограниченном смысле, можно согласиться, что каждый мог бы иметь это восприятие. Однако, речь всё же будет идти о том, можно или нет, не поднимаясь к какому-либо особому созерцанию, вообще понять по его содержанию то, что предлагается на основе духовнонаучных исследований. Это и есть то, что я до некоторой степени хотел бы разъяснить именно в этих докладах, показать, что результат духовнонаучных исследований вполне может стать понятным здорovому человеческому рассудку. Но для этого необходимо действительно вникать в то, что может сказать духовная наука в своё оправдание с различнейших сторон. И к тем вещам, которые в определённой мере могут быть приведены для отклонения духовной науки, не относится возражение, выраженное примерно так: „При рассмотрении окружающей нас природы, данной нам прежде всего во внешнем опыте, она объясняется из себя самой; и нет никакой возможности подняться от этой ясности к каким-либо другим су-

щественным предположениям, которые более полно должны объяснить окружающее нас в чувственном мире”. Ибо я сам всегда буду первым, кто подчёркивает, что с определённой точки зрения окружающий нас чувственный мир объясняется из себя самого. Однажды в сопоставлении, несколько выходящем — я это сам признаю — за рамки тривиального, я объяснил, как мне это представляется. Я тогда сказал: „Если кто-либо осматривающий механизм часов хочет объяснить этот механизм из него самого, то ему не нужно обращаться за помощью к каким-нибудь объясняющим причинам из мира, находящегося вне часов”. Часы с определённой точки зрения вполне объясняются из самих себя. Но это всё же не мешает тому, чтобы с некоторой другой точки зрения был бы больше необходим рассудок часового мастера и тому подобное, то есть кое-что, находящееся полностью вне часов, для полного освещения того, что же получают, имея часы на руке. Вот только с определёнными вещами не так быстро разделяешься, как обычно думают. И уже поэтому, если хотят расценить всю структуру, истинную сущность духовнонаучных исследований, должны вникать даже в частности изложения, входить в то, как сама эта духовная наука употребит теперь в области обычного, данного эмпирически, чувственного наблюдения то, что она собирается обнаружить в своей сверхчувственной области. На эту тему я хочу сегодня вам кое-что рассказать.

Здесь я должен кое-что вначале предпослать тому, что детальнее объясню в последующие дни, исходя из способа его возникновения. Пока же я должен иметь предпосылкой то, что истинное исследование духовнонаучной области ведёт по отношению к действительности, прежде всего к другому способу познания, можно сказать: к другому состоянию души, нежели это имеет место в обычной дневной жизни или в обычной науке. Я назвал первую ступень этого сверхчувственного познания — если хотите, это можно так называть — имажинативной ступенью. Так вот, несколько позже я хочу детальнее остановиться на том, как добиваются этой имажинативной ступени познания, исходя из определённых функций человеческой души. Но сегодня я хочу разъяснить, чем

же по своей сути является эта имажинативная ступень познания, и, кроме того, мы должны ещё раз оглянуться на то, что я здесь рассматривал относительно сущности не столько математики, сколько математизирования.

Я попытался охарактеризовать разницу, существующую для содержания нашего сознания, когда мы, с одной стороны, погружаемся во что-либо предлагаемое нам внешним чувственным миром и затем внутри пронизываем это своими рассудочными операциями, пожалуй даже — скажу ради точности — пронизываем душевными и волевыми импульсами, и, с другой стороны, погружаемся в математическое познание. И конечно можно легко увидеть, что происходящее в душе человека в первом случае есть взаимодействие, выраженное чисто внешне, — непосредственное взаимодействие между человеком и неким подобием внешнего мира. Пожалуйста, примите то, что я говорю, только соответственно его истинному содержанию. Этим я не хочу выдвигать никаких гипотез. Этим я не хочу высказывать что-либо по поводу реальности, стоящей позади вещи, но этим я хочу пока только указать на то, что существует как раз в нашем вполне обычном содержании сознания, когда мы, познавая таким способом, противостоим внешнему миру. Это познание вовсе не имело бы никакого смысла, если бы мы не предполагали, что мы непосредственно взаимодействуем с каким-нибудь внешним миром.

В математическом познании, я бы сказал, в математическом познании первого порядка, то есть в чистом математизировании, дело обстоит иначе. Я подразумеваю это инобытие для того случая, когда мы, не входя в какое-либо внешнее, чувственное, конкретное содержание, просто живём и производим внутри геометрического или арифметически-алгебраического поля. То, что мы ставим перед своей душой тут внутри арифметически-алгебраически-геометрического поля во внутренней наглядности — совершенно безразлично, является ли это элементарной областью теоремы Пифагора или же чем-то из высшей теории функций — является чем-то, целиком живущим прежде всего внутри, если я могу так выразиться, душевного конструктивирования, и что, следовательно, познаётся в по-

стоянном деятельном бытии и в созерцании собственной деятельности. Это, если я могу так выразиться, протекающее полностью внутри душевного переживания математизирование первого порядка мы потом применяем в математизирующем естествознании и, пожалуй, в других областях бытия во внешнем мире и обычно в процессе деятельности обнаруживаем, что пережитое нами вначале чисто внутренне применимо к этому нашему чувственному внешнему миру, а из этого следует, что оно должно иметь настоящий образный характер, характер, о котором можно сказать: переживаемое нами математически как таковое ещё не имеет ни какого-либо содержания, ни чего-либо от содержания, обнаруживаемого нами снаружи в нашем окружении. В этом отношении содержание в математизировании абсолютно бессущностно, то есть это — голый образ. — В какой мере пространственное, являющееся в математическом только образом, всё же включается в некую реальность, я показал вчера, ссылаясь на восприятие пространственного. Но развиваемое нами в пределах математического является абсолютно голым образом. Если бы это не было образом, то мы не могли бы осуществлять тот способ изложения, который мы применяем, когда занимаемся, например, математическим естествознанием. Ибо с актом познания должна бы сливаться реальность, а не только образное. Однако то, что реальность не сливается с актом познания, мы осознаём именно тогда, когда, действительно работая, совершаем этот акт познания.

Так, когда мы, с одной стороны, познаём этот образный характер математического, а с другой стороны, нам ясно, что мы переживаем эти математические образы, тогда мы имеем, хотя пока и без определённого реального содержания, но всё-таки содержание сознания, которое мы вполне можем переживать в его образности; более того, мы можем переживать его в его образности как раз благодаря тому, что целиком и полностью видим, как остаются скрытыми, я бы сказал, некоторые вещи, о которых мы должны всё-таки догадываться из того, что представляется нашим чувствам в связи с переживаемым нами при математизировании. В математизировании мы полностью находимся внутри того, что, собст-

венно, происходит. При математизировании мы можем сказать, что в том, что происходит, мы находимся абсолютно без остатка. В связи с образным характером математического это позволяет нам получить внутри нашего сознания вполне ясное представление о том, что мы, по сути дела, переживаем в математизировании; и на этом основывается то, что в пределах занятия математикой получают такую чрезвычайно большую уверенность в том, что, занимаясь математикой и продвигаясь в некоей сфере, действительно умеют управлять надёжностью познания. Кто-либо занимающийся этими вещами возможно всё же дойдёт до того, что заметит разницу, существующую между занятием внешней чувственной реальностью и тем, что находится в области чистой математики. Прежде всего, математизируя, можешь быть уверен, что всё совершаемое постоянно прослеживаешь полным, светлым и ясным сознанием, и я думаю, что не слишком много утверждается даже тогда, когда говорят, что ясность сознания можно оценить, принимая математическое в качестве того, в чём эта ясность сознания проявляется самым отчётливым образом. Собственно, мы никак не можем сомневаться в том, что каждый отдельный метод, который мы, математизируя, осуществляем своей, если я могу образно употребить это выражение, внутренней наглядностью одновременно сопряжён и с нашей внутренней преднамеренной деятельностью. Когда мы математизируем, мы в известной степени всё имеем в своих руках.

Посмотрите, тот, кто хочет прорваться к имагинативным, как я их называю, представлениям, добивается того, что присутствует тут в настроении сознания в математическом. Когда мы математизируем, то в душевном содержании имеем количественное, о котором я ещё буду говорить, пространственное и тому подобное. Таким образом, внутри нашей души мы имеем некоторое поле совершенно определённого образного содержания. Стремиться к другому образному содержанию в некоем совершенно подобном душевном настроении — это то, что представляется развитием к имагинативному познанию; и теперь я прихожу к следующему.

Применяя математическое к внешней природе, мы всё-таки не можем ничего иного — главным образом мы это будем делать, если

много работали в этом направлении, — кроме как применить эту математическую трактовку внешней природы прежде всего к существующему только внутри внешней природы так называемому минеральному миру. Минеральный мир предлагает нам то, что определённым образом вполне пригодно для чисто математического способа изложения. В тот момент, когда мы поднимаемся от чисто минерального к растительному, к другим царствам природы, усвоенный нами математический способ изложения нас подводит. Однако тот, кто стремится подняться к имажинативному способу представления, хотел бы в своей душевной жизни добыть кое-что, охватывающее теперь не только геометрические образы или числовые связи, но он хотел бы получить образы, вполне живущие в душе подобно тому, как и эти математические образы, но по своему содержанию выходящие за пределы математического. Он хотел бы получить образы, которые затем он сможет применять к растительному так же, как к минеральному он применяет математические образы. Поэтому сперва необходимо добиваться того, чтобы всё, ведущее к имажинативному познанию, совершалось бы непременно в душевном настроении, полностью эквивалентном душевному настроению при математическом познании (как уже говорилось, о некоторых ведущих к имажинативному познанию методах я хотел бы рассказать несколько позже). Дело в том, что лучшим способом подготовки для обучения имажинативному познанию является такой: занимаясь как можно больше математизированием, но не настолько, чтобы прийти к отдельным математическим познаниям, получить отчётливое переживание того, что в действительности совершает человеческая душа, передвигаясь в математических образах. Этот образ действия человеческой души, этот полностью осознанный образ действия человеческой души теперь должен быть применён в другой области, и применён так, чтобы мы так же, как делаем это в математике, из своих внутренних образов (если я могу воспользоваться этим выражением уже в более широком смысле) конструировали бы дальнейшие образы, благодаря которым мы так же можем проникать в растительную жизнь или так пронизывать растительную жизнь, как мы можем пронизывать ма-

тематическими образами минеральное бытие, химико-физическое бытие и так далее.

Я подчёркиваю это особенно решительно по той причине, что под выражением «ясновидение», когда его употребляют в тривиальном смысле, взамен того, что в духовной науке используется как сверхчувственное созерцание, на самом деле подразумевают довольно много путаницы. И это происходит главным образом потому, что очень часто то, что можно определённо представить как ясновидение — дело не в слове, — очень легко смешивается со всем, что проявляется в человеческой конституции, когда функции сознания снижаются до уровня, находящегося даже определённым образом ниже уровня повседневного сознания, как например в гипнозе, под влиянием суггестивных представлений и тому подобном. Подразумеваемое здесь как достижение имажинативной жизни не имеет абсолютно ничего общего с этим понижением, с этим вторжением в подсознание, с этим погашением сознания, но речь идёт о поднятии сознания вверх, о продвижении себя вместе с сознанием как раз в направлении противоположном тому, к которому стремится то, что называют ясновидением в тривиальном смысле. В действительности в том, что называют ясновидением в тривиальном смысле, всегда речь идёт о смутном видении, и было бы даже правильно, если бы для того, чтобы не быть неверно понятыми, говорили: стремление вверх к имажинативному познанию является истинным стремлением ясновидения. Вам стоит только сравнить охарактеризованное здесь несколькими словами с тем, что я назвал смутным видением. Во всём, что выступает вам навстречу при более или менее медиумических задатках душевного настроения, вы видите погашение сознания, будь это вследствие искусственного погашения или благодаря тому, что человек, которого используют в качестве медиума, с самого начала уже немного слабоумен и его сознание можно до некоторой степени довольно легко погасить. Речь всегда идёт о чём-то, что вы совершенно определённо не можете сравнивать с душевным состоянием, протекающим с такой светлой ясностью, с какой может протекать только душевное состояние, которое настроено математически. То, что сегодня часто

называют ясновидением — вы узнаете это — чрезвычайно мало имеет дело со стремлением душевного настроя к математической ясности, но наоборот, тут налицо обычное стремление погрузиться насколько возможно во мрак запутанного. Противоположным образом стремится действовать именно то, что я теперь последовательно опишу вам как имагинативное созерцание.

Итак, это имагинативное созерцание прежде всего непременно есть нечто, живущее в душе так, что оно в этой душе может стать очевидным только благодаря тому, что его развивают. В конце концов, пятилетний ребёнок ведь тоже ещё никакой не математик. Математическую образность ему тоже следует сперва развить, и неудивительно, что втекающее из доматематического состояния в состояние души, которое изживается в математическом, определённым образом может быть продолжено далее, чтобы можно было ещё дальше продолжить то, что в математическом уже приведено мной к определённой светлой ясности внутреннего переживания. Однако речь идёт о правоте того, кто говорит теперь: „Да, только должны быть установлены связи с обычным чувственным наблюдением“. В этом он абсолютно прав, и речь идёт о том, чтобы эти связи также реально проследить в частностях.

Рассмотрим с этой точки зрения ещё раз то, что вчера я назвал нервно-чувственной организацией человека. Эта нервно-чувственная организация человека преимущественно сконцентрирована в человеческой голове, хотя я вчера уже говорил, что она лишь в основном находится в человеческой голове, и простирается, в свою очередь, по всей человеческой организации. Только теперь эту головную организацию можно также рассмотреть следующим образом. Когда-нибудь мы будем исходить здесь из чего-то такого, что уже в течение длительного времени в новой науке создавало определённые трудности. Эти трудности я изложил в своей книге «Загадки философии» в главе, которую я озаглавил «Мир как иллюзия». Ведь для современного образа мыслей большая трудность непременно состоит в установлении отношения между впечатлением, производимым на человека чувственным внешним миром, и тем, что затем в действительности переживается во внутреннем че-

ловека в представлении или, скажем, даже просто в содержании ощущения. Ведь эта трудность привела к тому, что говорили: „Происходящее тут снаружи вне нас вообще не может стать содержанием нашего сознания, а то, что становится содержанием нашего сознания, в сущности, произошло из душевного как реакция на впечатление от внешнего мира. Ибо впечатление от внешнего мира остаётся, собственно говоря, по ту сторону воспринимаемого. В пределах поля воспринимаемого содержится в действительности только то, что как реакция исходит из души на воспринимаемое”. — Некоторое время вопрос несколько грубо представлялся так, что говорили — а многие ещё и сегодня так говорят: „В мире существуют колебания какой-либо среды, колебания очень большой скорости, и то, что существует здесь снаружи как колебания, определённым образом производит на нас впечатление, душа на это реагирует, и мы извлекаем из души наружу весь красочный мир, весь мир, который мы можем называть миром наших глаз. Распростёртое здесь нами вокруг нас для нашего сознания, весь красочный мир, представляет собой, по сути дела, только реакцию души на то, что существует, располагаясь снаружи в совсем неизвестном как какие-либо колебания некой среды, наполняющей пространство”. — Я привожу это только как пример того, как представляют себе такие вещи, и хотел бы теперь подробно остановиться на том, что же должен прежде всего представлять для вас другой способ рассмотрения вещей.

Если вы на данный момент восприняли то, о чём я говорил вчера: рассмотрение общего акта зрения, акта зрения вообще, — то у вас будет основание для рассмотрения того же процесса и для других чувств. Что же в действительности имеет место, когда мы смотрим на то, что представляет собой для человека внешнее чувственное восприятие? Чтобы показать это себе, вспомним прежде всего о мире глаза. Нельзя не признать — я теперь продвигаюсь вперёд только описательно, — что мы, рассматривая глаз, вопреки тому обстоятельству, что рассматривать этот глаз мы должны как живой член в нашем полностью живом организме, всё же внутри этого глаза во время акта зрения должны констатировать такие

процессы, которые можно проследить так же, как процессы во внешней минеральной действительности, которая должна быть названа так в самом широком смысле. Хотя глаз является живым, мы можем конструировать себе то, как свет падает в глаз, как благодаря определённому характеру устройства глаза вызывается нечто подобное тому, как если мы заставляем свет падать через какую-либо щель на стену и создаём образ. Короче, в пределах глаза в большой степени можно конструировать и дальше то, что мы правомерно конструируем в границах внешнего механического минерального мира. Это конструирование на внешнем механически-минеральном поприще можно до определённой степени продолжить в человеческий организм. Даже если для других чувств дело обстоит несколько иначе, чем для глаза, мы всё-таки можем рассматривать глаз в качестве представителя для соответствующего ряда фактов, принятого здесь во внимание. Посмотрите, то, что здесь происходит и что мы прослеживаем с помощью наших конструкций, ведь непременно происходит внутри глаза и вместе с тем внутри нашего организма; и речь теперь идёт о том, можем ли мы как-нибудь подступиться к тому, что, собственно, происходит тут внутри нашего организма. Оставаясь целиком на внешнем способе рассмотрения, скажут примерно так: „Так ведь на глаз оказывает впечатление какой-то неизвестный внешний мир. Внутри глаза нечто происходит, это в свою очередь передаёт своё воздействие дальше на зрительный нерв и так далее вплоть до наших центральных органов. Затем каким-то неизвестным нам образом осуществляется реакция души. Мы из души извлекаем весь пёстрый красочный мир как реакцию на это впечатление”.

В действительности весь этот способ рассмотрения непременно приводит к пропасти. И уже сегодня многие исследователи вполне признаются, что с таким методом исследования, когда мы просто внешне рассматриваем вначале находящееся перед взором, затем — процессы в глазу, далее — процессы, лежащие в головном мозгу, насколько это сегодня возможно, и так далее, даже дойдя здесь до последнего, мы всё-таки приходим только к материальным процессам или наглядным представлениям; и что на этом пути мы никогда

не сможем найти точку, в которой, собственно, происходит реакция душевного на это внешнее впечатление, так что с помощью этого способа рассмотрения нам никогда не подступиться к тому, что мы на самом деле переживаем во внешнем мире. Таким способом мы можем производить наблюдение, но никогда мы не приблизимся к тому, что переживаем во внешнем мире.

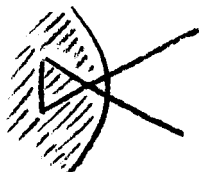
Когда же духовный исследователь развивает в себе то, что я называю имагинативным познанием, вся проблема для него превращается в другое. Тогда он приходит к необходимости видеть внутри глаза уже не только то, что сконструировано по образцу внешнего физически-минерального мира, но он приходит к тому, чтобы действительно схватить в глазу нечто, что может быть пронизано им, когда он развил имагинирование. Не правда ли, с одной стороны, по отношению к физико-минеральному внешнему миру мы делаем это в математическом имагинировании так, что этот внешний мир мы пронизываем геометрически, арифметически и чувствуем, как в этом способе рассмотрения то, что мы выработали сперва в математизировании внутри поля нашего сознания, срастается с тем, что является внешними процессами. Но с процессом в глазу, для человека, развившего имагинацию, совпадает не только непосредственно то, что он математизирует, но также и то, что он представляет себе по образцу математизирования в образах имагинативного процесса представления¹⁶. Другими словами, при созерцании глаза имагинирующий получает дальнейшее содержание, и это содержание таково, что он теперь действительно знает: своим имагинированием я схватываю реальность так же, как обычно я схватываю своим математизированием реальность относительно внешней физически-минеральной природы.

Итак, хорошо уясним себе: в духовном исследовании к миру глаза вначале применяют методы внешнего исследования природы с помощью математики. Но когда развили имагинативное представление, видят, что в отношении глаза имеют реальность, которую не имеют, находясь лишь перед внешним физически-минеральным миром. Для того, кто продвинулся к имагинативным представлениям, как раз внешняя физическая материя прежде

всего становится именно тем, чем она является для обычного сознания. Будем твёрдо придерживаться того, что возможно когда-нибудь вы так ясно разовьёте в себе процесс имажинативного представления, что уже не сможете допустить (если вы его разовьёте правильно и притом будете знать, каким является правильный душевный настрой при имажинативном представлении), что в обозреваемом вами физическом процессе, химическом процессе или вообще в каком-либо процессе, происходящем в чисто механической области, вы в данный момент видите больше, чем тот, кто имеет здоровые чувства и здоровый рассудок. И кто придерживается именно того взгляда, что внутри неорганической области он видит нечто иное, нежели несозерцающий, тот находится на скользком, на неправильном пути к духовному познанию. Он возможно увидит всяких призраков, но духовные сущности ему в своём истинном облике не откроются. Когда же в поле своего наблюдения втягивают человеческий глаз, тогда с помощью своей имажинации получают в точности такой же опыт, какой обычно имеют с помощью математизирования в отношении внешней природы. Другими словами: когда мы созерцаем живой человеческий глаз, когда превращаем его в объект наблюдения, включаем его в наше наблюдение, тогда, если только мы развили имажинацию, мы знаем, что противостоим полной реальности, когда можем распространять на глаз не только математическое конструирование, но и конструирование в имажинативном.

Что из этого следует? Из этого следует, что таким образом я, пожалуй, могу на глазе конструировать некий процесс целиком по образцу математических конструкций внутри эмпирического материального поля. Я знаю, что этот процесс в глазу должен быть сконструирован непременно так, как что-либо в камере-обскура или тому подобном, во внешнем минерально-механическом мире. Но я также знаю, что всё это поле, на котором я тут конструирую, содержит ещё нечто другое, что я могу пронизать только имажинативным познанием, если буду действовать точно так же, как обычно действую с математическим в отношении неорганической природы. Что же это означает? В человеческом глазу существует

нечто, чего нет внутри неорганической природы, и то, что есть внутри человеческого глаза и что отсутствует в неорганической природе, — только это и осознаётся как реальность, когда соединяются с глазом подобно тому, как соединяются с неорганическим

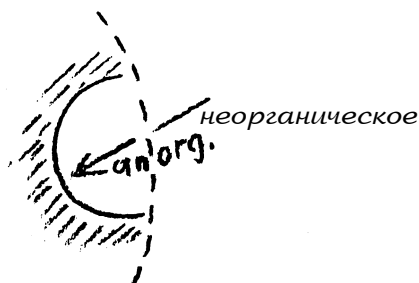

в математическом. Если совершили этот акт, то говорят, что продвинулись вперёд вплоть до эфирного тела человека. Посредством имажинирования схватили эфирную природу человека так, как обычно вовне схватывают неорганическую природу посредством математического.

Таким образом можно совершенно определённо указывать, как держать себя, чтобы через имагинацию обнаруживать в органе чувств эфирное. Неправда, будто к представлению эфирного тела человека приходят каким-то сбивчивым, фантастическим способом. К этому представлению человеческого эфирного тела приходят благодаря тому, что сначала развивают имагинацию и потом на объекте, приспособленном для этого, показывают, показывают прежде всего самому себе, что содержание имагинативного представления может так сливаться с объективным, как обычно со своим объективным сливается математическое.

Что же теперь следует из этого для человеческой конституции? Для человеческой конституции из этого следует, что нечто живущее в нас, нечто присутствующее в нас, человеческое эфирное тело мы заставляем некоторым образом выдвинуться вперёд так, что оно даже совпадает с тем, что является внешней неорганической природой. И то, что мы можем утверждать для глаза, имеет силу, хотя и в изменённой форме, и для остальных чувств. Итак, мы можем сказать: по сути дела у одного нашего чувства мы имеем как данность то, что прежде всего мы должны принимать в расчёт не-

кое углубление в нашем организме, если можно примерно так выразиться. Значит тут у глаза организм был бы тем, что присоединяется к глазу в головном мозгу, в зрительных частях. — В этот организм в определённой мере внедрён из внешнего мира лиман, если я могу так выразиться. Как море внедряет лиман в землю, так внешний мир внедряет такой лиман в наш организм; и этот внешний мир просто продляет свои процессы, процессы неорганического

в этот лиман. И мы можем по образцу конструировать там то, что происходит как неорганическое. Мы не только конструируем неорганическое вне глаза снаружи, но мы его правильно встраиваем в глаз. Таким образом, внутри нашего глаза отделяется что-то, что мы способны конструировать точно так же, как, математизируя, конструируем в неорганическом. Однако, то, чем овладевают теперь через имагинацию, на самом деле совпадает с этим вплоть до внешней границы глаза и ещё за её пределом — сегодня я не буду об этом говорить. Таким образом то, что как лиман втекает от истинной природы внешнего мира, здесь встречается с одним членом человеческой организации, который не содержит, правда, пока плоти и крови, но всецело принадлежит к человеческой организации. Он может быть обнаружен и созерцаем с помощью имагинативного восприятия. В глазу и в остальных органах чувств наша эфирная организация пронизывает то, что втекает в этот лиман из внешнего мира. Фактически имеет место встреча между высшим сверхчувственным — я пока воспользуюсь этим выражением, точнее же всё это я разъясню потом — и тем, что входит в нас из

внешнего мира. Слияние того, что можно назвать эфирной организацией с тем, что входит в нас извне существует реально. Мы в своём глазу становимся едины с тем событием, которое можем конструировать по образцу чисто геометрически. Мы действительно переживаем в себе неорганическое на поле наших органов чувств.

Это и есть то значительное, к чему прежде всего ведёт имагинативное познание. Оно непременно ведёт к решению проблемы, являющейся мукой для современной психологии и для того, что охотно называют теорией познания, ибо в пределах психологических и прочих исследований не знают, что в человеке существует ещё эфирный организм, который однако можно воспринимать только имагинативным познанием, и что этот организм выходит навстречу тому, что внешний мир реально вталкивает в нас, и полностью пронизывает это вталкиваемое. Благодаря этому вся проблема получит другой вид. Представьте-ка себе, что человек так же был бы в состоянии уметь направлять своё эфирное тело через фотографический аппарат, тогда он происходящее в фотографическом аппарате рассматривал бы в связи со своим собственным существом подобно тому, как он рассматривает в связи со своим собственным существом происходящее в глазу.

Поистине это проблемы не из области фантастики; подразумеваемая здесь антропософски ориентированная духовная наука всерьёз имеет дело именно с теми проблемами, в отношении которых, если можно так выразиться, душа может обливаться кровью, когда обучение зиждется лишь на том, что на этом поприще в состоянии предложить современная наука. Кто когда-либо во внутренней жизни действительно пережил то, что как раз может быть пережито, когда по сути полное иллюзий становление внешнего мира ставят перед своей душой в акте познания, кто страдал от неуверенности, являющейся всякий раз, когда из чисто физического познания хочешь постичь то, что происходит в процессе чувственного восприятия, кто пережил когда-либо этот вопрос познания, только тот и знает, какие могучие силы кое-кого привлекают к тому, о чём я хотел бы говорить и о чём я более детально расскажу в следующих докладах: о стремлении к более высокому развитию

познавательной способности.

Сегодня я рассказал о первой ступени этого имажинирования и даже о нём самом, лишь постольку, поскольку я хотел его охарактеризовать в его подобии и одновременно всё-таки в различии с математизированием. А то, что переживается таким образом, накладывает отчётливый отпечаток на те вещи, которые как границы познания выступают нам навстречу в общепринятой сегодня науке. Когда мы с внутренней добросовестностью подходим к бытию и ко всему миру, поскольку он загадывает нам загадки, когда осознаём, как в действительности всё-таки беспомощны обычная логика и обычная математика, когда стоим перед тем, что происходит в нас самих в каждое мгновение, когда мы видим, слышим и так далее, когда мы видим, как беспомощны мы с этим обычным познанием по отношению к тому, что, собственно, всегда здесь присутствует в нашем бодрствующем сознании — тогда уже может возникнуть глубокое стремление к некоторому расширению и углублению нашего познания. И тем не менее, как в нашей современной культуре всякий, в конце концов, мало притязает быть исследователем в какой-либо другой области, кроме своей собственной, и мало принимает то, что предлагает ему квалифицированный исследователь, так же в течение некоторого времени — что имеет место лишь в ограниченном смысле — это может относиться и к духовному исследователю.

Но всё снова и снова необходимо говорить, что мир прежде всего имеет право требовать, чтобы духовный исследователь сообщал ему, как он приходит к своим результатам. То, как он приходит к своим результатам, он может излагать во всех деталях. И когда я оглядываюсь назад на тот способ, каким я пытался более двадцати лет тому назад изложить это в мире уже чисто антропософским языком, я, пожалуй, могу сказать: когда с моей стороны по-прежнему не удавалось найти в мире отклик на эту антропософски ориентированную духовную науку, когда стало необходимо всё вновь и вновь говорить для тех, кто меньше может входить в детали, потому что научно не подготовлен, и когда было меньше возможности говорить для научно квалифицированных, то зависело

это, как показал опыт, от этих научно квалифицированных. До сих пор они лишь очень умеренно хотели слушать то, что духовный исследователь может сказать о своём пути. Надеемся, что в будущем это положение вещей изменится. Ибо совершенно необходимо прийти к подъёму через более глубокие силы, нежели через те, которые уже ясно показывают, что они этого не могут, потому что, по сути дела, они привели нас к определённом нисхождению нашей культуры. Об этом продолжим завтра.

Четвертый доклад

Штутгарт, 19 марта 1921г.

Вчера я старался изложить, как через развитие имагинативного представления можно добиться видения сущности человеческого чувственного восприятия иным способом, нежели подступая к этой задаче лишь с результатами обычного чувственного восприятия и с комбинирующим рассудком. Я особо подчеркнул, что это имагинативное представление, развитие которого я, как было сказано, в дальнейшем ещё охарактеризую, в душевном переживании должно протекать так, словно оно скопировано с математического представления, разложения, анализирования и других аналогичных образцов математики.

Теперь же из того, что я тогда изложил, проясню следующее: как, используя результаты внутренне развитого математизирования, принимаются за внешнюю чувственную реальность в физически-минеральном царстве, точно так же с тем, что дано в имагинативном представлении, принимаются, скажем пока, за царство человеческих чувств, чтобы познать происходящее в этих лиманах — я вчера говорил о них, — которые физически-чувственный мир внедряет в человеческий организм. Однако теперь речь идёт о том, что одновременно с познанием сущности человеческих чувств, то есть подлинной организации головы человека, развивший такое имагинативное представление приходит также к другому. Например, приходит он к возможности образовывать себе представления о сущности растительного. Я вчера уже указывал на это. Не правда ли, если мы с одними только результатами пространственной и алгебраической математики подойдём к растениям: к их росту, формированию и так далее, то мы не сможем ощутить, что представленное нами в математическом сознании возможно как-либо погрузить в растительное царство подобно тому, как возможно погрузить это в царство минеральное. Зато в тот момент, когда мы развиваем, пока только внутри, имагинативное представление,

мы приходим к возможности представить себе растительное так, как указанным образом это обычно происходит в минеральном.

Но затем наступает своеобразное: к растительному миру подходят кроме того так, что отдельное растение, собственно, кажется только частью одного большого целого. В действительности таким образом получают некое представление о растительном внутри земного мира. То есть, получают представление, что всё растительное царство земного мира образует вместе с этим земным миром одно большое единство. Это даётся имажинативному взору чисто эмпирически. Конечно, мы ведь никогда не можем нашим физическим бытием охватить больше какой-либо части растительного мира Земли. Мы созерцаем растительный мир какой-либо территории. Даже если мы ботаники, наш опыт в познании растительного мира по отношению ко всему земному миру растений всегда является чем-то очень частным. Но это известно даже благодаря непосредственному созерцанию. Говорят себе: ты не имеешь тут никакого целого, ты имеешь тут нечто, представляющее собой лишь часть единой совокупности, — часть, которая вместе с другим составляет одно целое. — Впечатление по отношению к такой части растительного мира подобно тому, как если бы мы увидели какого-либо человека, который, за исключением одной единственной руки и одной кисти, полностью чем-то закрыт. Тогда поняли бы мы, что здесь мы имеем перед собой не завершённую целостность, а нечто, являющееся частью целого и имеющее свою возможность существования вообще только как часть такого целого. Кроме того, получают ещё представление, что земное вообще нельзя вообразить себе так, как его вообразают себе физик, минеролог или геолог; но получают представление, что земному бытию как раз принадлежит то, что как силы изживается растительным миром, наряду с тем, что изживается геологически или минералогически и тому подобным образом. Не в смысле некой неопределённой аналогии, но в смысле истинного созерцания, Земля становится неким видом органического существа. Разумеется, органического существа, которое благодаря своим различным стадиям развития выделило из

себя минеральное царство и, с другой стороны, дифференцировало растительное царство.

То, что я развиваю вам здесь, конечно, можно довольно легко получить по аналогии с помощью одних только умозаключений, как это имеет место, например, у Густава Теодора Фехнера¹⁷. Но подразумеваемая здесь духовная наука вовсе не придаёт никакого значения таким голым умозаключениям по аналогии, но придаёт значение именно только непосредственному созерцанию. Поэтому всегда необходимо подчёркивать, что, например, такому высказыванию как «Земля есть организм», должно предшествовать высказывание об имажинативном представлении, ибо Земля может быть дана как одно общее существо только имажинативным представлением, а не комбинирующим рассудком с его аналогиями.

Но при этом овладевают ещё чем-то другим, и об этом я хочу здесь недвусмысленно упомянуть, потому что это имеет большое методологическое значение, и ещё потому, что я считаю прежде всего с тем, что мои слова высказаны для изучающих. По сути дела, большая неясность царит в толкованиях, даваемых в настоящее время по поводу мыслительного, а также по поводу прочего душевного восприятия мира. Так например, говорят о том, что рассматривают кристалл, скажем, кубик соли, и по этому кубику соли хотят себе кое-что объяснить, скажем, нечто о его связи с человеческой способностью познания или о его положении внутри природной совокупности и так далее. Примерно так, как говорят об этом кубику соли, часто говорят — пожалуй, можно даже сказать, что сегодня почти исключительно часто, — например о розе, и при этом чувствуют, что могли бы одинаково приписать объективное бытие как кубику соли, так и розе. И всё же тот, кто устремляется своим познанием не к чему-то формальному, а стремится своим познанием к реальности, кто действительно хочет постичь реальность, тот должен совершенно ясно поставить перед своим взором следующее. Он должен себе сказать: „Кубик соли должен удерживаться в пределах своих границ. Роза же в пределах тех границ, в которых я вижу её здесь как розу с одним стеблем, не имеет ника-

кого смысла. Ибо в качестве такой розы она не может в той же степени — я прошу обратить внимание на это слово — самостоятельно развиваться, как кубик соли. Она должна развиваться на розовом кусте, розовый куст имеет отношение к развитию этой розы, и вне розового куста она не является истинной вещью. Собственно говоря, когда я смотрю на неё как на отдельную розу, её существование для меня бесцельно”.

Я говорю это для ясности. Вот насколько следует исходить из того, что при всех совершаемых нами наблюдениях не нужно как-либо теоретизировать по поводу этих наблюдений, пока мы не охватили наблюдаемое в соответствующей ему цельности. Только целому розовому кусту мы можем придать самостоятельное бытие в том же смысле, что и кубику соли. И так, едва ли мы можем в теоретико-познавательном или в другом отношении говорить о розе так же, как о кубике соли. Если хотят пережить реальность в определённой завершённости, то для этого приобретают сильное сознание, продвигаясь к имажинативному представлению, и, вооружившись этим сознанием, должны принять также и только что сказанное мной относительно растительного мира. Земной растительный мир как одно целое в определённом отношении только тогда предстоит нам соответственно, когда мы постигаем его сознанием как одно целое и когда отдельное, выступающее нам навстречу, мы рассматриваем как часть всего растительного организма, покрывающего Землю, лучше сказать, вырастающего из Земли.

Итак, через имажинативное представление получают понимание не только мира чувств, но и внешнего растительного мира. Конечно же, получают и значительные внутренние познания. Прежде всего об этих внутренних познаниях я хотел бы говорить таким образом, чтобы сообщать вам об этом только то, что приходит из опыта. Благодаря нашей обычной памяти будучи людьми мы в состоянии оглядываться на то, что до определённых лет происходило во время нашего бодрственного существования в нашем детстве, и из потока наших переживаний благодаря силе памяти мы можем воскресить в образной форме то или иное событие. Однако мы ясно сознаём, что

при этом воскрешении необходимо напрячь силу памяти и поднять наверх из протекающего временного потока отдельные образы. Но если имажинативное созерцание развивается всё больше и больше, то постепенно приходят к следующему: время как бы превращается в пространство. Дело разворачивается постепенно, и не следует представлять себе, что результаты наступят сразу из чего-то такого, что является имажинативным созерцанием. Вовсе не надо представлять себе, что овладение имажинативным методом легче, чем овладение лабораторными методами или овладение клиникой, обсерваторией и так далее. Как одно, так и другое требуют многолетней работы: одно — мыслительной работы, другое — внутренней душевной работы. А в качестве переживания этой внутренней душевной работы затем оказывается, что отдельные результаты соединяются в нас, и в определённой степени мы видим, как время, рассматриваемое нами как протекающее, когда поднимаем мы вверх то или иное воспоминание из потока своих переживаний, что это время — по крайней мере приблизительно — становится пространством, и то, что мы пережили в период примерно от нашего рождения объединяется в одном значительном образе воспоминания. Через напряжение имажинативной жизни этот обратный обзор, являющийся теперь несколько иным, чем просто ретроспективная память, в отдельные моменты встаёт перед нашей душой. Сперва действительно предстаёт то субъективное, которое мы получаем в обзоре нашей до сих пор существовавшей земной жизни. Это, как говорится, опытный результат имажинативного представления.

Какое теперь внутреннее переживание или, лучше сказать, какой вид внутреннего переживания является параллельно этому созерцанию, этой панораме наших переживаний? Наступает то, что хотя мы и имеем перед собой эти образы переживаний в виде картин, но всё же нам совершенно ясно, что сила нашей души, которая устанавливает эти образы воспоминания именно в нашем сознании, полностью родственна этой ясной и светлой силе рассудка. Вполне можно сказать: то, к чему стремишься, чтобы во время такого

имагинативного представления во всех отношениях озарить сознание так, как это обычно происходит в математизировании, получаешь, когда приходишь к этим картинам воспоминания. Имеешь картины, но удерживаешь их так, как обычно удерживают содержание рассудка. Но благодаря этому совершенно определённым образом получаешь созерцание самого действия рассудка, получаешь наглядное представление о значении этого действия рассудка для человека и его самопознания. То есть, не только оглядываешься на свою жизнь, но эта жизнь, представляющаяся здесь в виде зеркального образа, является так, что действительно можно использовать сравнение с зеркалом. Как у зеркала говорят о том, что отражающиеся предметы можно понять по их зеркальным образам благодаря тому, что к этим понятиям применяют оптические законы, так же учатся, приходя к таким внутренним созерцаниям, познавать действие той душевной силы, которую тут переживают так же, как обычно переживают рассудок. До известной степени переживаешь усиленный рассудок, рассудок, который может не только творить в абстрактных образах, но и осуществлять эти очень конкретно выглядящие картины наших переживаний.

Конечно бывает кое-что, создающее вначале некий род субъективной трудности, которую однако, чтобы правильно освоиться, необходимо лишь понять. Когда в этих картинах живут, в них живут уже с полной математической ясностью, однако ощущения свободного бытия — не свободного поведения, а свободного существования — при такого рода имагинировании тогда уже не имеют, как имеют это ощущение в рассудочной деятельности. Вы не должны понимать меня ложно: вся деятельность имагинирования конечно так же абсолютно произвольна, как и обычная рассудочная деятельность, но дело всё же в том, что при рассудочной деятельности всегда получают субъективное переживание (я говорю переживание, потому что оно больше, чем одно только ощущение): ты, собственно, плаваешь в образе, ты плаваешь в чём-то, что по отношению к внешнему миру в действительности — ничто. В отношении же содержания имагинативного мира таким чувством, таким пере-

живанием не обладают, но непременно получают переживание, что вырабатываемое в качестве имажинаций одновременно здесь присутствует, что живут внутри какого-то места бытия (in etwas Daseinendem), что, следовательно, живут и действуют в некой реальности, которая, я бы сказал, не очень сильно удерживает, но чьё удержание может быть уже вполне ощутимым.

И благодаря тому, что здесь, я бы сказал, извлекают теперь из реальности, благодаря тому, что внутренне проявляют для себя, отражая обратно от панорамы жизни к создающей эту жизненную панораму внутренней деятельности, внутренне-математически снова узнают то, что теперь, в свою очередь, могут привести к совмещению — как обычно совмещают математические представления с внешней минерально-физической реальностью — с тем, что содержится в созидательной силе человека (также в созидательной силе другого существа, о чём сейчас говорить я не буду), что содержится в силе роста человека. Получают представление об определённом внутреннем родстве того, что чисто душевно живёт в имажинировании (ибо это чисто душевное переживание), и того, что проплетает человека как его сила роста, что заставляет его подрастать от ребёнка до взрослого человека, что заставляет увеличиваться его члены и что как сила роста внутренне организует его. Короче, благодаря этому получают непосредственное познание о том, что как реальный принцип роста действует в человеке. А именно, получают прежде всего ознакомление с совершенно определённой областью, то есть с областью существования нервов. Благодаря тому, что имеют панораму жизни с тем, что переживают в ней описанным образом, благодаря этому осознают прежде всего то (об остальном я буду говорить позже), что является принципом роста в нервном организме человека, который ведь продолжает внутрь организм чувств. И получают представление: своими органами чувств ты передал нечто, что в какой-то мере можешь увидеть прежде всего посредством имажинации. Но это также даёт возможность рассмотреть теперь весь организм нервов как находящийся в процессе становления, можно сказать, синтетический

орган чувств, который именно синтетически охватывает остальные органы чувств. Узнают, что наши чувства с нашим рождением являются чем-то завершённым не своим полным ростом, а, пожалуй, своими внутренними силами (это ведь явствует из того, что я говорил о положении имажинации в мире чувств); что конечно то, что живёт в нашем организме нервов, осуществлено теми же силами, что и органы чувств, но является возникающим, находящимся в стадии становления большим органом чувств. Как реальное созерцание получают представление, что отдельные чувства мы имеем, открываясь наружу и продолжаясь внутрь в организацию нервов, так что в течение нашей жизни сила, с которой мы познакомились охарактеризованным образом в имажинации, ещё до определённого возраста организует этот организм нервов.

Вы видите, чего тут собственно добиваются. Добиваются, чтобы то, что в самом человеке выступает по сути как духовно непрозрачное (что же в действительности человек знает о себе, что знает он о том, как действуют силы в его собственном внутреннем?) постепенно стало прозрачным. То, что можно назвать духовно-душевно непрозрачным и чем не может овладеть обычное сознание, начинает духовно-душевно становиться прозрачным. Получают возможность, если я могу так выразиться, пронизать высшей качественной математикой сначала мир чувств и потом мир нашего организма нервов. И теперь, когда приходят к таким вещам, уже перестают быть высокомерными и нескромными, а по сути только теперь именно в отношении познания человека начинают становиться абсолютно скромными. Ибо тем, что я здесь описал вам всего несколькими словами, в действительности овладевают в течение очень долгого времени, и хотя, когда человек действительно хочет к себе применить методы духовного исследования, у одного это наступает раньше, а у другого — позже, всё же можно сказать: конечно, после того как долгие годы внутренне над собой работаешь, появляющиеся потом фундаментальные и чрезвычайно важные результаты сперва часто поражают. Обнаруживаемое благодаря такой внутренней работе, если оно описывается мало-мальски соот-

ветствующим образом, для здорового человеческого рассудка всегда может оказаться вполне понятным. Однако воспоминание, поднятие вверх из подоснов душевного бытия таких результатов — это нечто такое, что уже требует как раз продолжительной и энергичной внутренней душевной работы. И в особенности теперь учатся быть скромными, так как узнают, что пробиваться к относительно-му человеческому самопознанию надо лишь постепенно. Ибо через то, чем овладевают таким образом в имажинативном представлении, совершенно точно видят: благодаря этому ты, собственно, знакомишься только с нервно-чувственной организацией человека, и по сути дела лишь теперь ты можешь оценить в какой тьме перед тобой находится то, что обычно включено в человеческую организацию.

Но, кроме того, речь идёт о том, чтобы в сверхчувственном познании достичь более высокой ступени — выражение «более высокой» ведь только термин, — чтобы продвинуться как раз несколько дальше одного только самопознания в отношении нервно-чувственной системы. Но тут я должен прежде всего указать на то, что достижение имажинативного познания — я это опишу ещё подробнее — по существу основывается на том, чтобы вновь и вновь ставить перед душой легко обозримые представления не в сбивчивой, а в методически-технически проводимой медитации, как я назвал это в своей книге «Как достигнуть познания высших миров?». Существенно то, что они легко обозримы и не являются какими-либо воспоминаниями, реминисценциями и тому подобным (в таком случае был бы соблазн отгеснить как раз слишком сильно на задний план математическое переживание), итак, легко обозримые представления, а лучше всего, так как они легче всего обозримы — символические представления. Тут дело в том, что мы переживаем с этими представлениями душевно. Эти представления мы стараемся так вставить в наше сознание, чтобы они присутствовали в сознании подобно обычному представлению воспоминания. Итак, посредством преднамеренной деятельности самодельные представления вносятся в человеческую душу так, как обычно там пребывают

представления воспоминания. Определённым образом непременно подражаешь тому, что происходит в воспоминании. В воспоминании постоянно осуществляются определённые переживания в образах. За этой деятельностью человеческой души стремятся следовать, как — это я ещё изложу. Стремясь следовать за тем, как протекает воспоминание, потом, через относительно долгое время, оказываются даже в состоянии произвольно удерживать в сознании в течение некоторого времени такие, целиком по образцу вспомненных представлений, легко обозримые представления. Привыкают даже всё больше и больше удлинять это время от нескольких секунд до минут. Дело не в этих представлениях, а в том, что этим процессом представления таких, самым выбранных представлений развивается определённая душевная сила. Как, напрягая мышцы своей руки, я развиваю эти мышцы благодаря усилию, так и определённые силы души укрепляются, когда они имеют дело с такими охарактеризованными мной представлениями, которые всё вновь и вновь преднамеренно вдвигаются в сознание. Душа должна напрягаться, чтобы вызывать и удерживать этот процесс, и всё дело в этом усилии в процессе душевного переживания. И когда мы так упражняемся в созданном нами самими представлении, в нас возникает нечто, являющееся силой имажинации, которая, стало быть, развивается по образцу силы воспоминания, но которую однако нельзя путать с этой силой воспоминания. Потом мы ещё покажем, что постигаемое нами в имажинациях — отчасти мы это ведь уже охарактеризовали — является как раз абсолютно реальной внешней вещью, уж не такой, как наши голые собственные переживания в представлениях воспоминания. В сущности, разница между имажинациями и представлениями воспоминания состоит в том, что представления воспоминания воспроизводят наши собственные переживания, но только в образах, а имажинации, несмотря на то, что они вначале возникают, как представления воспоминаний, проясняют благодаря своему собственному содержанию, что они имеют отношения не только к нашим собственным переживаниям, но что они могут, по крайней мере, касаться нас относи-

тельно вполне объективных фактов мира.

Итак, вы видите, что благодаря дальнейшему развитию возможности воспоминания мы создаём имажинативную силу души. Однако так же, как развивают дальше силу воспоминания, можно дальше развивать другую силу. Вам, пожалуй, покажется смешным, когда я назову вам эту силу. И всё же, дальнейшее развитие этой силы труднее, чем дальнейшее развитие силы воспоминания. В обычной жизни многие силы ведь заботятся о том, чтобы мы не только вспоминали — в особенности со мной согласятся в этом уважаемые сокурсники, — но также и забывали, и мне даже не нужно порой особенно напрягаться, чтобы забывать. Это несколько изменяется, когда мы в медитации совершенствуем продолжающую развиваться силу воспоминания. Ибо эта сила удержания некоторых имажинаций удивительным образом приводит к тому, что эти имажинации в настоящий момент хотят оставаться. Когда они вступают в сознание, снова удалить их не так легко: они становятся действенными. Это связано с тем, что в действительности — об этом я уже вам говорил — мы имеем дело с неким пребыванием в реальности. Эта реальность проявляется в том, что она в самом деле стремится быть непреходящей. Однако, приведя это к образованию имажинативной силы — но способом, смоделированным по математическому представлению, — затем посредством дальнейшего усилия приводят это уже к тому, чтобы в свою очередь выбросить из сознания эти представления так же преднамеренно, как и образовали их. И об этой силе дальнейшего совершенствования забывания необходимо заботиться совсем по-особому. Речь идёт исключительно о том, что при необходимости сформировать внутреннюю силу познания действительно используют и всё необходимое для того, чтобы не натворить бед внутри души. Но тот, кто при этом только указывал бы на определённые опасности, подобен тому, кто запрещал бы делать определённые опыты в лаборатории, потому что при этом то или иное могло бы однажды и взорваться. Видите ли, у меня самого в высшей школе был профессор химии¹⁸, у которого был один глаз, потому что другой он утратил во время

одного эксперимента. Такие вещи, конечно, не являются отговоркой против необходимости развития определённых методов; и пожалуй, я могу сказать, что при использовании всех мер предосторожности, которые я описал в своих книгах в отношении этого внутреннего формирования душевных сил, безусловно никакие опасности для душевной жизни возникнуть не могут. Если же не развиваешь методы дальнейшего освобождения от представлений, существует как раз опасность, что то, что ты вызвал своими медитациями, определённым образом уже водит тебя на помочах. Однако, во-первых, это может и не происходить, а во-вторых, если бы это произошло, стало бы невозможно дальнейшее продвижение на пути сверхчувственного познания. Ибо формирование этого продолжения процесса забывания одновременно и является следующим этапом.

Однако есть определённая помощь, которую можно использовать, чтобы действительно быть в состоянии управлять этим развитием силы забывания. Тут я прихожу к кое-чему, что возможно покажется чем-то совсем дилетантским именно тому, кто глубоко погрузился в какое-либо направление современной теории познания. Мне известны все возражения, которые могут возникнуть против таких вещей, но я обязан описывать факты, как они есть. И таким образом, я должен всё же сказать, что для усиления забывания можно помочь себе, совершенствуясь посредством определённого самовоспитания, воспитания собственного «Я», в том, что в обычной жизни выступает как способность любви. Совершенно определённо можно сказать: любовь ведь не является силой познания. — То, как сегодня понимают познание, его, пожалуй, и не существует. Однако дело даже не в том, чтобы силу любви сохранять так, как она возникает в обычной жизни ради этой обычной жизни, а в том, чтобы совершенствовать эту силу любви путём определённого самовоспитания. И этого можно достичь, принимая во внимание следующее.

Не правда ли, проживая свою человеческую жизнь, мы вынуждены признаться себе, что в действительности становились с каж-

дым годом чуточку другими; и сравнивая то, что существует в определённом возрасте, с тем, что возможно было десять лет тому назад, уже обнаружим, если только достаточно честно занимаемся этим самонаблюдением, что даже в том, что является не только очерченным содержанием мыслей или ощущения, или же воли, но и в том, что, я бы сказал, является почерком, всем настроем душевной жизни, многое изменилось в ходе времени. Внутренне стали другими, и при желании взглянуть на факторы, благодаря которым стали внутренне другими, можно конечно сказать себе: во-первых, это то, что произошло с нашим физическим организмом, который ведь всегда меняется. В первой половине жизни он изменяется благодаря прогрессирующему росту, во второй половине жизни он изменяется через регрессирующее развитие и так далее. Но даже внешние переживания, выступающие навстречу, во-первых, в виде мира представлений, а затем в виде того, что откладывают в нашей душе страдание, горе, радость и удовольствие, также и то, что мы пытались развить и проявить во всей полноте в качестве волевых сил — всё это в ходе жизни вновь и вновь делает нас другими. И если мы хотим честно себе признаться, что же здесь имеет место, то должны сказать себе: „Ну что ж, так, собственно, плавают в потоке жизни”. Кто хочет стать духовным исследователем, тот действительно должен теперь через определённое самовоспитание взять в свои руки и это своё саморазвитие. Он конечно должен развить в себе это, чтобы поставить перед собой задачу в течение определённого времени преобразовать собственной работой ту или иную привычку — мелкие привычки порой тут не играют решающей роли, — чтобы измениться в ходе жизни. Измениться не только благодаря самому течению жизни, но благодаря тому, что абсолютно сознательно совершаешь в самом себе; потом в какой-то момент жизни можно с помощью уже ранее развитого обратного просмотра панорамы жизни оглянуться на то, что изменилось в жизни с помощью этого собственного самовоспитания. В таком случае это удивительным образом отражается на собственной душевной жизни. Это отражается на душевной жизни уже не в смысле повышения эгоизма,

но напротив, в смысле возрастания силы любви человека. Всё более и более становишься способным охватить внешний мир определённой любовью, углубиться во внешний мир. И судить по этому поводу, что это значит, может, собственно, только тот, кто проделал усилия в таком самовоспитании. Только он может реально оценить, что это значит — сопровождать результатами такого самовоспитания рассудочные представления, которые создают себе по поводу какого-либо процесса или какой-либо вещи. В то, во что погружаются наши представления, проникают с некоторым гораздо более сильным личным участием, в определённом проявлении любви проникают даже в физический минеральный мир, иначе равнодушно оставляющий наедине с результатами математики, и отчётливо замечают разницу между проникновением лишь с одним бледным представлением и проникновением с развитой силой любви.

Вы будете шокированы тем, что я здесь говорю об этой развитой силе любви, только в том случае, если вы уже сразу установите догму: этой силы любви не может быть при проникновении во внешний мир. — Да, такая догма может быть установлена. Можно говорить, что правильное объективное познание лишь то, которого достигают чисто логическим процессом представления. Конечно, абсолютно необходима также та способность, которая может поставить себя на место события внешнего мира только благодаря здравому рассудку, исключая всякую другую силу. Но этот внешний мир не открывает нам своё целое, когда мы хотим подступить к нему таким образом, но своё целое мир нам открывает только тогда, когда мы подходим к нему с силой любви, укрепляющей представления. И дело ведь не в том, что мы управляем нашим познанием, что мы можем говорить о том, что природа должна раскрываться нам теми или иными силами, и не в том, что мы в известной степени устанавливаем теоретико-познавательные догмы, но дело в том, чтобы спросить: как нам раскрывается природа? Как она нам покоряется? — Она покоряется только тогда, когда мы пронизали силы представления силами любви.

Но я говорю прежде всего о том, чтобы, пытаться суметь с силой

любви, а не без неё, развить с большей силой и более безопасно упражнения на забывание. Развивая в то же время это самовоспитание, которое делает способным любить, действительно достигают возможности пережить в себе возросшее, усиленное забывание с таким же сильным произволом, как и развившееся дальше усиленное воспоминание. И в то время как мы в состоянии поставить внутри души совершенно определённое, положительное на то место, которое обычно, по сути дела, является окончанием нашего переживания (ибо если мы что-то забыли, то это забывание и есть конец относительно определённого ряда событий), в то время как мы словно ставим положительное образованной силы забывания на место нуля, где мы активно развиваем нечто, обычно протекающее пассивно, и когда мы дошли до этого, тогда происходит так, как если бы мы внутри себя перешагнули некую пропасть, как если бы мы действительно проникли в область переживания, через которую в нас вливается новое бытие. Так оно и есть на самом деле. До тех пор мы получали свои имажинации. Если мы внутри этих имажинаций являемся людьми, реально вооружёнными математическим душевным настроением, и не глупцами, то мы явно увидим: в имажинативном мире мы имеем образы. Физиология могла бы спорить по поводу того, дано ли в качестве образов такого рода, как подразумевается, сообщаемое нам посредством чувств — я это изложил в своих «Загадках философии» — и образы ли это или реальность. Что это является прежде всего образами, которые может быть указывают на реальность, но являются образами — это известно; и как раз здоровое переживание в такой области основывается на том, что известно прежде всего — имеют дело с образами. Но в тот момент, когда возникает определённый результат укреплённой силы забывания, эти образы в известной мере с другой стороны жизни наполняются тем, что является духовной реальностью, сливаются тут с духовной реальностью. Тут воспринимают, так сказать, на другом конце жизни. И как благодаря чувствам воспринимают на одном конце жизни, а именно на физически-чувственном, так учатся созерцать по другую сторону и учатся познавать, как в об-

разы имажинативной жизни втекает духовная реальность. Это вте-
кание духовной реальности, это, я бы сказал, у пропасти душевного
бытия втекание духовной реальности в то, что мы хорошо подгото-
вили в пределах своих познавательных сил, я назвал в своей книге
«Как достигнуть познания высших миров?» и в других книгах ин-
спирацией. Это выражение не должно смущать, надо только при-
держиваться того, что дано для характеристики таких слов. Не
следует выискивать отзвуки других встреч с этим словом. Ведь мы
должны иметь слова для того, что мы хотим высказать, и тут часто
должны выбирать древние слова; и для того, что представляется
таким, как я это только-что описал, я выбрал слово инспирация.

Изображённое мной как процесс достижения инспирации сперва
ведёт нас к приобретению познания того, что я в человеческом ор-
ганизме назвал ритмической системой, которая определённым об-
разом связана с миром чувствования. И тут мы приходим к необ-
ходимости особо подчеркнуть, что этот метод для достижения ин-
спирации, как я его только-что изобразил, может таким образом
развивать, собственно, только современный человек. На древних
этапах человеческого развития ему обучали более инстинктивно, и
мы находим такое обучение в индийской системе йоги, которую
нельзя возрождать. Стремиться вновь возродить древнюю систему
йоги — это неисторично и очень по-дилетантски в духовно-научном
смысле. Это означает действовать с помощью определённых чело-
веческих сил, которые были приспособлены только лишь к ранней
стадии развития человека. Это непосредственно связано с развити-
ем определённых ритмических процессов, с развитием методически
настроенного процесса дыхания. Дыша определённым образом, йог
стремится развить больше через физически-телесное то, что совре-
менный человек должен развивать через душевно-духовное, как я
это описал. И всё-таки мы можем сказать, что инстинктивная ин-
спирация, которую мы обнаруживаем, например проходя филосо-
фию Веданты или тому подобное, для более ранней ступени разви-
тия человечества была чем-то подобным тому, чего мы достигаем
через полностью осознанную инспирацию, которая однако должна

избрать путь через то, что я охарактеризовал.

Мы определённым образом как современные люди посредством чисто духовно-душевных упражнений сверху вниз развиваем в себе силу, которая затем вживается как сила инспирации в ритмическую организацию человека, индус же стремился вживаться в эту ритмическую организацию человека посредством дыхания йоги. Он исходил из физического, мы исходим из духовно-душевного. В обоих случаях ставится цель — овладеть человеком в его промежуточной системе, в ритмической системе; и мы увидим, как то, что выступает нам навстречу в имажинативном познании как овладение системой чувств и нервной системой, действительно может быть дополнено с другой стороны, когда мы с точки зрения инспирации проникаем из ритмической системы. И одновременно мы сможем увидеть, как должны возрождаться древние инстинктивные, более детские виды высшего познания, какими они были там, в индийской системе йоги и как они должны возрождаться в абсолютно свободно сознающем человеке.

Об этой связи развития ритмической системы посредством древней философии йоги с тем, что получается в особенности сегодня через внутреннюю духовно-душевную работу по достижению инспирации, — я позволю себе говорить в следующий раз.

Пятый доклад

Штутгарт, 21 марта 1921 г.

Я пытался показать, как восходят к сверхчувственным способам познания и как этими сверхчувственными способами познания открывают в определённом отношении то, что полностью выявляется исключительно только этими способами сверхчувственного познания. Я показал, как можно развивать имажинативное познание и как с помощью этого имажинативного познания можно понять с одной стороны, прежде всего происходящее в чувственных процессах человека, а также понять, как учатся через этот имажинативный способ познания вживаться сперва в сущность растительного, растительного мира Земли как единого целого, а затем, обычно через математическое, — в физически-минеральные явления мира. И потом я обратил внимание на то, что путём определённого продолжения этих упражнений можно прийти к более высокому познанию — от имажинативного представления к инспиративному представлению, и что благодаря этому открывается особое внутреннее переживание, которое теперь может с пониманием относиться к тому, что я называю в человеке ритмической системой.

Я хочу ещё раз немного охарактеризовать всю проблему со следующей стороны. Кто пытается вживаться в то, что охватывает ритмический образ действия человека, тот как раз увидит, если он принимается за дело честно и искренне по отношению к самому себе, что происходящие там процессы уже нельзя понимать просто в таком же роде, как процессы физические через математическое понимание, но и с помощью представления, названного мной имажинативным, их не постичь. Ибо всё то, что заключено в чувственной системе, что затем, как я это изложил в последний раз, развивается в ходе жизни в нервной системе и благодаря чему при развитии имажинативном познании осуществляется панорама жизни, — всё это, по сути дела, объясняет лишь только чувственную организацию и нервную организацию.

Организацию чувств действительно можно понять, когда владеть имажинативным представлением. Более того, внешнее естест-

вознание уже заметило, что в действительности невозможно постичь какое-либо чувство, если хочешь объяснить его, исходя из человеческой организации или вообще из организации. Изучая сказанное отдельными исследователями относительно этой проблемы, вы обнаружите, что исключительно благодаря фактам, благодаря как фактам внешнего филогенеза (*Phylogenie*)¹⁹, так и фактам эмбриологии, онтогенеза²⁰, было указано на то, что например нечто такое, как глаз, следует постигать, собственно, как некое формирование извне, так что морфологию, конструкцию глаза можно постичь из человеческой организации уже не в том же смысле, как, скажем, морфологию, форму печени или желудка, но глаз необходимо постигать как нечто возникшее благодаря воздействию, влиянию извне. А то, что этот процесс формирования, приходящий извне внутрь человеческого организма или вообще организма, делает постижимым аналогично тому, как математическое делает постижимыми физические факты, и есть процесс имажинативного познания.

Исходя из этих соображений, вам теперь станет также понятным, что во внешней науке у нас фактически имеется только несовершенная физиология чувств. Это всегда мне было неприятно, пока я не смог такую физиологию чувств посредством имажинативного познания развить до физиологии чувств, которую я получил, стремясь некоторым образом охватить мир человеческих чувств так, как это имеет место в нашей обычной физиологии, а также и в психологии. Я каждый раз обнаруживал, что в действительности то, что имеют в наличии наши физиология и психология для объяснения чувств, используется, по сути дела, абсолютно несовершенным образом, например, только лишь для чувства слуха и чувства зрения. В этом направлении неудовлетворительны главным образом психологические соображения. По этому поводу, собственно, всегда говорят: „Как в общем и целом сконструировано чувство человека?“ Затем, после того как дали характеристику чувств в целом, излагают по пунктам кое-что для отдельных чувств. Но не догадываются, что высказываемое здесь обычно, главным образом в нашей психологии, применимо совершенно точно только, собственно, к чувству осязания, а не к какому-либо другому чувству.

Всякий раз что-то неладно с теориями, когда, не приняв во внимание чувство осязания, так просто хотят применить эти теории к другим чувствам. Это сразу же становится понятным, если известно, что эти психология чувств и физиология чувств, чтобы охватить осязание, поддающееся внешнему эмпирическому исследованию, применяют ведь только обычный логический рассудок. Но для того, кто действительно всерьёз принимается за дело, обнаруживается, что как раз и невозможно справиться с этим логическим объединением фактов чувственной жизни. Если только каждое отдельное чувство пробуют схватывать в имажинативном познании (и вследствие этого я вынужден был число чувств увеличить до двенадцати²¹, потому что так я вынужден был воспринимать), если каждое отдельное чувство воспринимают уже не интеллектуально, а имажинативно, то приходят к индивидуальному облику каждого отдельного чувства. Тогда постигают, как каждое отдельное чувство само по себе встроено в человека от определённых сущностей, из определённых свойств внешнего мира. Тут в одном месте, в котором обнаруживается (разумеется, для того, кто желает видеть эти вещи), как происходит переход, наводится мост от того, что я назвал здесь ясновидческим исследованием, к тому, что дано внешним эмпирическим наблюдением.

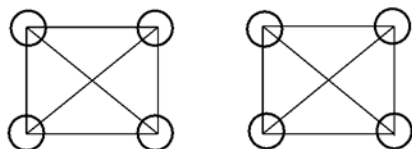
Ведь вполне можно сказать, что прежде всего для здорового человеческого рассудка, если он не хочет идти дальше определённой точки зрения, нет никакого повода заниматься ясновидческим исследованием. Однако же в действительности надо всё-таки открыть глаза на то, что при тщательном научном анализе и просмотре фактических данных приходишь как раз до предела, если применяешь только обычное чувственное наблюдение и потом только обычный комбинирующий рассудок. — От проблем не отделаешься. Они оставляют нерешённый остаток. Отсюда необходимо дальнейшее развитие этого комбинирующего рассудка к имажинативному восприятию. И часть того, что сперва открывается здесь этим имажинирующим восприятием, есть индивидуальное очертание отдельных человеческих чувств, и далее тут открывается постепенное формирование человеческой нервной системы.

Но кроме того есть и кое-что другое. Да будет позволено мне

растолковать эту область одним маленьким рассказом. Однажды я находился в объединении, которое именовалось тогда объединением Джордано Бруно²², где один мыслитель-материалист изложил сначала физиологию мозга. Разъяснив физиологию мозга, он полагал, что уже в достаточной мере объяснил и ассоциацию представлений, вообще всё, что протекает в жизни представлений. Он нарисовал свои представления, выведенные им о различных частях мозга, в соответствии с их предназначением: одна часть для зрения, другая — для слуха и так далее, — и затем попытался показать, как в смысле старого исследователя мозга Мейнерта (Meynert)²³, вероятно, можно прийти к тому, чтобы через соединяющие нервные волокна и нити получить внешние изображения для соединения отдельных чувственных впечатлений и отдельных представлений и так далее. — Кто хочет осведомиться по поводу этой точки зрения, тот может ведь прочесть даже ещё и сегодня чрезвычайно значительные, я бы сказал, важные даже для сегодняшнего дня исследования психиатра Мейнерта. — Что ж, после того как таким образом, я бы сказал с материалистическими оттенками объяснения, но вполне остроумно головной мозг был показан не как посредник, а как производитель жизни представления, появился человек, который был таким же убеждённым гербартианцем²⁴, как и упомянутый выше — материалистом и физиологом. И этот человек сказал примерно следующее: „Да, вы нам сейчас нарисовали тут отдельные части головного мозга, его связи и так далее. Мы, гербартианцы, философские гербартианцы, могли бы, по сути дела, сделать те же рисунки. Я мог бы нарисовать то же самое. Только я никогда бы не подумал, что части головного мозга были бы и путями нервной проводимости, а нарисовал бы представления непосредственно так и затем таким образом нарисовал бы чисто представляющие душевные силы, продвигающиеся от множества представлений к множеству представлений. Когда я как гербартианец рисую душевные процессы, — сказал он, — рисунок, собственно, получается точно такой же, как и у Вас, когда Вы как физиолог рисуете части головного мозга и их связи”. — И это было действительно интересно, как один нарисовал то же самое, — вот, я рисую теперь схематически — что затем нарисовал и другой. Рисунки²⁵ совсем не

отличались. Только один подразумевает непосредственно душевную жизнь, которую он так символизирует, а другой подразумевает

процессы мозга, которые он тоже так символизирует. Затем оба спорят, конечно, не переубеждаются, но, по сути дела, они нарисовали две абсолютно разные вещи абсолютно одинаково.

Собственно говоря, это было одно из чрезвычайно характерных переживаний познания, потому что до этого действительно доходят, когда примерно по способу гербартианца — впрочем, это можно делать и другим способом — пытаются символически наглядно с помощью рисунков объяснить жизнь представлений и фактически в результате получают нечто подобное тому, что, например, получают, рисуя процессы головного мозга и части головного мозга. Отчего это происходит? Видите ли, это становится ясным только в процессе имажинативного представления, когда в ретроспективной панораме жизни созерцают, как возникает автономность душевной жизни; как фактически то, чем вообще овладевают в так называемом эфирном теле, в действительности только полностью организует — и до определённой степени организует при рождении — то, что является головным мозгом. И потом уже никого не удивляет, что своим строением мозг уподобляется тому, что здесь организовалось. Но к истинному проникновению в эти вещи приходишь лишь тогда, когда можешь созерцать, как душевное организует в мозгу. Проявляющееся в головном мозгу или скорее, собственно, во всей нервной системе как следствие душевного формирования становится подобным душевному формированию или иначе самому душевному содержанию аналогично тому, как если некто умеет мало-мальски рисовать, то рисуемое им имеет подобие с тем, что он изображает, потому что его процесс представления продолжает действовать в его картине и создаёт сходство.

Но происходящее тут в качестве деятельности, развивающееся тут внутри нервной системы понимают лишь тогда, когда говорят себе: „Вся нервная система действительно есть нечто, что в своём истинном возникновении и в своём становлении является выражением реальности, развёртывающейся так же реально, как это созерцаешь в имажинировании”.

Итак, просто происходит то, о чём надо сказать себе: головной мозг или вообще нервная система, правда, являются внешними физическими образованиями. Но так, как они тут присутствуют, их на самом деле постигаешь только тогда, когда постигаешь их как имажинации, ставшие физическими. Следовательно, то, что в настоящее время духовный исследователь называет в целом имажинациями, вряд ли не существует в эмпирически данном мире, но в эмпирически данном мире это непременно присутствует в отображении; и порой это как раз проявляется так странно и удивительно, как в этих двух людях, из которых один был физиолог, а другой — философ, и которые нарисовали эти вещи одинаково.

Но существует ещё нечто иное. Я уже указывал на исследования психиатра, физиолога и психолога Теодора Цигена (Ziehen)²⁶. Теодор Циген стремился объяснить жизнь представлений так, что он всегда непременно заменял её жизнью мозга. Собственно говоря, его объяснение действительно состоит ни в чём ином, как только в том, что он рассматривает жизнь представлений, затем представляет себе анатомически мозг и нервную систему и, насколько это возможно при сегодняшнем уровне эмпирического исследования, показывает: какие процессы он полагает существующими в головном мозгу для какого-либо протекания представлений или же для памяти и так далее. Но я обратил внимание на то, что Теодор Циген вынужден с этим объяснением, которое ведь действительно является чем-то значительным для жизни представлений и для жизни мозга, останавливаться перед жизнью эмоций и перед жизнью воли. Это вы можете проследить в «Физиологической психологии» Теодора Цигена. В этой психологии есть, конечно, один недостаток. Если бы Теодор Циген вопреки соблазнительности объяснения жизни представлений с помощью процессов жизни головного мозга осознал, что на самом деле всё-таки не полностью

охватываешь формирование мозга и так далее, но что здесь необходимо, я бы сказал, ввести художественный принцип, который, однако, является ничем иным, как внешним проявлением имажинативного, то его объяснение жизни представлений посредством мозга могло бы его удовлетворить, хотя и не полностью. И тут, когда он хочет перейти к миру эмоций, его, так сказать, всё подводит. Здесь он уже вообще не говорит о том, что можно как-либо объяснить что-то ещё. Поэтому он приписывает представлениям так называемый эмоциональный акцент. Но ведь это всего только слово, когда дальше этого слова не идут. Он говорит: „Да, в определённых случаях мы имеем как раз не просто представления, но эмоциональные представления”. — Он приходит к этому потому, что то, что является эмоцией, он всё же не вкладывает в мозг в жизнь представлений и, с другой стороны, не имеет ничего, что делало бы возможным присоединить к жизни эмоций нечто органически-телесное так же, как он присоединяет к жизни представлений нервно-мозговую жизнь.

У нервно-мозговой жизни это происходит проще именно на том основании, что исследователи такого рода, как Теодор Циген, в конце концов, большей частью ведь чрезвычайно умны, ссылаясь на рассудочное понимание и кроме того, ссылаясь на математическое понимание природной совокупности (*des Naturganzen*). Я, разумеется, не иронизирую, но подразумеваю как раз то, о чём говорю. Сегодня мы применили в науке в этом направлении чрезвычайно большое остроумие, и, если бы вы решились ближе познакомиться со всем ходом антропософского движения, вам стало бы ясно, что я сам абсолютно не покровительствую дилетантской болтовне во всяких расплывчатых, туманных антропософских представлениях, когда высокомерно отклоняют то, что дано современной наукой, хотя не настолько знакомы с этим данным современной наукой фактом, чтобы признать его во всём его значении. Я непременно стою на такой точке зрения: только тогда можно выносить антропософское суждение по поводу современной науки, когда её знаешь. Я, конечно, знаю, как много по сути дела я должен был пострадать от тех антропософов, которые, не имея какого-либо понятия о значении и задачах современной науки, всё вновь и вновь

выступали по поводу этой науки и полагали, что, усвоив пару общих антропософских мест, они могут высказывать суждение о том, что выработано точными научными методами. Разумеется, мы должны непременно выходить из этой стадии.

Итак, здесь, собственно, имеет место вот что: подходишь к тому, чтобы сначала построить по крайней мере отношения, существующие между жизнью представлений и нервно-чувственной жизнью. Однако остаётся как раз остаток. Этот остаток в определённом смысле уклоняется от внимания. Ибо от рассудочного, логического и математического построения довольно-таки медленно вливаются туда, где вещи становятся неопределёнными, то есть становится ясно: так существуют чувства, так чувства продолжаются в нервной системе — и затем, собственно, следовало бы продвигаться дальше в имажинативный процесс представления. Но каждый человек имеет до определённой степени смутное чувство преобразования точно очерченных, математически построенных фигур в то, что, например, не позволяет охватить себя математическим, но отчётливо проявляется в головном мозгу и строении нервов; и так как он имеет это ощущение, то говорит себе: „Когда-нибудь по-видимому действительно войдёшь в ту часть жизни чувств и жизни нервов, которая не поддаётся непосредственному чисто математическому построению”. Ставишь, так сказать, далёкий идеал на место того, чего вполне можно достигнуть уже сейчас, если только установить для себя: принципиально не позволять себе погружаться в этот мир чувств и жизни нервов с одним только рассудочным познанием; но просто следует перевести такое рассудочное построение на овладение образным, которого можно достичь тоже совершенно осознанно и намеренно, как и математического изображения, но внутри математического это не возникает. Я имею ввиду именно имажинативное.

Посмотрите, по крайней мере часть из вас, пожалуй, может получить определённую помощь, если попытается составить себе точное представление о том, как относится обычная аналитическая геометрия к так называемой синтетической геометрии. Об этом я хотел бы сказать лишь несколько слов. В аналитической геометрии мы, собственно совершаем следующее. Мы обсуждаем какое-либо

уравнение $y=f(x)$ или другое уравнение, и если мы остаёмся в пределах обычной системы координат, то говорим себе, что в таком случае каждому x соответствует один y , и мы отыскиваем крайние точки ординат как точки, проистекающие из нашего уравнения. Что тут происходит в действительности? Тут мы должны сказать себе: если мы трактуем уравнение, то мы его, собственно, трактуем так, что внутри того, что мы трактуем в уравнении, мы всегда имеем в виду нечто, расположенное вне того самого, что мы в конце концов ищем. В конце концов мы ищем кривую. Но в уравнении ведь находится не кривая. В уравнении находятся ординаты и абсциссы. В действительности мы передвигаемся так, что строим вне кривой и что получаемое нами на концах ординат мы затем рассматриваем как точки, принадлежащие кривой. В аналитической геометрии мы вовсе не входим с нашим уравнением в саму кривую, в геометрический образ. Это есть нечто чрезвычайно знаменательное, когда в познавательном смысле постигается, что, занимаясь аналитической геометрией, мы осуществляем операции, которые потом снова отыскиваем в пространстве, и конечно же со всем тем, что мы тут вычисляем, мы по сути дела остаёмся вне рассмотрения геометрических образов. Это нечто такое, что нужно хорошо понимать, потому что затем приходят к совсем другому представлению, когда переходят от аналитической геометрии к проективной или синтетической геометрии. Здесь работают, как большинство из вас узнают, уже не с вычислением, а, по сути дела, только с пересечением линий и с проектированием изображений и благодаря этому по меньшей мере приходят пока приблизительно к тому, чтобы от одного только обсчитывания геометрических образов в какой-то мере вступить в сами эти геометрические образы. Это проявляется, когда вы смотрите, как в синтетической геометрии, например, доказывают, что прямая линия имеет не две бесконечно удалённые точки, а только одну бесконечно удалённую точку, так что, когда продвигаются в этом направлении, я бы сказал, «сзади вокруг» („von hinten herum“) — геометрически это можно довольно хорошо постигать — снова возвращаются, так что у одной прямой имеют только одну бесконечно удалённую точку. В таком случае у одной плоскости имеют только одну бесконечно удалённую пограничную

линию. У всего пространства имеют только *одну* бесконечно удалённую пограничную плоскость.

К этим представлениям, я это только упомяну, приходят не аналитическим образом. Это совсем не выполнимо. Может быть, если уже имеют синтетически-геометрические представления, полагают, что могли бы к этому прийти. Однако нельзя к этому прийти, это даёт только синтетическая геометрия. Синтетическая геометрия показывает, что на самом деле можно войти внутрь в геометрические образы, чего не может аналитическая геометрия. И вот, если так постепенно вырываются из чисто аналитической геометрии в проективную или синтетическую геометрию, получают ощущение того, как сама кривая имеет в себе элементы сгибания себя, приобретения круглой формы и так далее, что в аналитической геометрии дано ведь только внешне. Таким образом, из окружения линии, из окружения также объёмного изображения проникают во внутреннюю структуру объёмного изображения, и благодаря этому получают возможность образовать первую ступень для перехода чисто математического процесса представления, данного ведь в самом выдающемся смысле в аналитической геометрии, к имагинативному процессу представления. Имагинативный процесс представления ещё, конечно, не получают в синтетической, проективной геометрии, но приближаются к нему, и, когда это проделывают внутренне, имеют чрезвычайно значительное переживание, некое переживание, которое может стать прямо-таки решающим для признания имагинативного элемента, и, кроме того, для оправдания в таком случае пути духовного исследования в том направлении, когда действительно получаешь некое представление об этом имагинативном элементе. Я испытал глубокое сочувствие, когда у одного, в сущности, довольно хорошего естествоиспытателя и врача современности, у Морица Бенедикта²⁷, в его, тем не менее, таких несимпатичных благодаря присущим им чванливости и высокомерию воспоминаниях жизни, обнаружил место, которое, мне кажется, воспроизводит всё нужное, когда он говорит, что в обучении у медиков ему очень сильно недостаёт математической подготовки. Конечно, это было бы замечательно, если бы медики имели большую математическую подготовку, однако относительно этих вещей мы

даже можем констатировать некоторый изъян в ходе нашего современного образования. Но, с другой стороны, прочитав воспоминание Морица Бенедикта, я со своей точки зрения не мог сказать ничего другого, как: даже если медики и имели бы довольно хорошую математическую подготовку, они однако с этой математической подготовкой совсем не были бы в состоянии уловить то, что дано, например, формообразованием в системе чувств и в системе нервов. Здесь в этой реорганизации математизирования надо как раз продвинуться вперёд к этому имажинативному познанию. Только тогда упомянутые образы нервов и чувств проявятся в процессе представления так же, как обычно физически-минеральные образы выявляются только в математическом процессе представления.

Всё это те вещи, которые могут вам показать, что на самом деле в современной науке повсюду, я бы сказал, открыты двери для вхождения в то, что хочет дать духовное исследование; и если в следующие дни мы сможем хоть чуть-чуть войти в собственно-терапевтическое, то вы увидите, что там эти двери открыты очень сильно, чтобы войти с духовным исследованием в то, что обычному исследованию просто не поддаётся. Однако когда на этом пути теперь действительно продвигаются дальше, но не хотят превышать имажинативный процесс представления в таком роде, как я это сегодня опишу, то есть не хотят продвигаться к инспиративному представлению, тогда-то и не имеют какой-либо возможности познавать в человеческом организме²⁸ что-либо иное, кроме нервно-чувственной системы, пусть даже и как слепок, как до определённой степени реализация чего-то духовно-душевного почти настолько, что два совершенно противоположно думающих человека смогли эти образы нарисовать похожими. Только благодаря инспирированному представлению указывается на ритмическую систему человека, охватывающую в основном процесс дыхания и процесс циркуляции крови. Вот только выносят, если я могу так выразиться, уже отсутствие внешнего подобия физического образа и духовно-душевного. На самом деле эмоциональная жизнь так же непосредственно относится к ритмической системе, как жизнь представлений относится к нервно-чувственной системе. Однако в

нервно-чувственной системе мы определённо имеем внешнее физическое отображение представления. В ритмической системе то, что предлагается внешним чувственно-опытным исследованием, едва ли обнаруживает какое-то большое подобие душевному чувству. Поскольку это происходит таким образом, внешнее исследование вовсе и не догадывается, что это подобие всё-таки существует, но раскрывается оно только тогда, когда приходят уже к другому роду представления, нежели способ имажинирования. И тут сталкиваются, как я вчера уже обозначил, с неким исканием познания, которым занимались примитивным способом, инстинктивно в системе йоги древних индусов.

У всех, занимающихся этой системой йоги, (её, как я уже говорил, больше нельзя возродить, так как она уже абсолютно не приспособлена для современного человека в отношении его изменившейся организации) вы видите стремление за короткий период упражнений установить регулируемый, больше поднятый в сознание процесс дыхания вместо обычного, нормального, но протекающего большей частью бессознательно процесса дыхания. Вдыхают иначе, чем дыша обычно нормально и бессознательно. Удерживают дыхание так, что знают, как долго удерживают его. Определённым образом выдыхают. В крайнем случае благодаря такому процессу дыхания можно поддержать нашу современную духовную жизнь. Но сегодня мы не можем осуществлять этот процесс таким особо подчёркнутым образом, каким он совершался в древней Индии теми, кто стремился прийти к чему-то такому, как прекрасная, могущественная философия Веданты или как философские основы Вед. В действительности это противоречило бы современной человеческой организации. Но можно всё же обучаться на этом ритмическом процессе, становящемся по желанию осознанным благодаря изменению нормального дыхания. То, что обычно протекает в нормальном течении жизни, определённым образом вносится в осознанную жизнь воли. Дышат так, что всё происходящее во время дыхания в жизненном процессе человека совершают определённым образом осознанно. Благодаря тому, что совершают это осознанно, по сути дела изменяется всё содержание сознания. Как с самим дыханием в свою собственную организацию втягивают существ-

вующее во внешнем мире, так же в собственную организацию получают и нечто духовно-душевное, когда процесс дыхания оформляют осознанно, как я это описал.

Обдумайте-ка следующее. Если мы рассматриваем общую человеческую организацию и не останавливаемся на абстракциях, но стремимся перейти к полной реальности, то мы, собственно, не можем сказать: мы являемся только исключительно тем, что существует внутри нашей кожи. В себе мы имеем то, чем действующий процесс дыхания является вначале или уже в своём течении: преобразование кислорода и так далее. Однако то, что теперь находится в нас, раньше было снаружи и принадлежало миру, и то, что теперь мы имеем в себе, снова будет принадлежать миру, когда мы выдохнем. Определённым образом, как только мы переходим к этой ритмической системе, мы уже органически не индивидуализированы так же, как мы это себе представляем, когда внутри нашей кожи в нашем органическом формировании учитываем лишь только невоздушное. Когда человек полностью осознаёт, что он, собственно, довольно быстро обменивает свою воздушную организацию — воздух находится то снаружи, то внутри и так далее — тогда он действительно может воспринимать себя лишь так, как палец воспринял бы себя членом нашего организма, если бы он мог стать сознающим. Он не может сказать: „Я нечто самостоятельное”, — он может лишь ощущать себя членом нашей человеческой организации. Так мы должны ощущать себя организмом дыхания. Мы включены в наше космическое окружение как раз через этот организм дыхания и мы не созерцаем это включение лишь по той причине, что процесс этой ритмической организации мы осуществляем как самостоятельную, почти бессознательную деятельность. Если же благодаря процессу йоги её поднимают в сознание, то случается так, что замечают: вдыхают ведь не только материальный воздух и соединяют себя с ним, но с воздухом вдыхают также духовно-душевное, соединяя его с собой. В выдохе духовно-душевное в свою очередь переходит во внешний мир. Узнают не только свою материальную связь с космическим окружением, узнают свою духовно-душевную связь с космическим окружением. Весь ритмический процесс преобразуют в нечто, во что вступает духовно-душевное.

Точно так же, как в процессе представления вступает космическое окружение, к процессу дыхания, который иначе является внутренним физическим органическим процессом, присоединяют духовно-душевное. Конечно, этот преобразованный процесс дыхания йоги становится благодаря этому познанием, я бы сказал, больше пантеистически окрашенным, менее индивидуализирующим отдельные образы; и у индуса формируется иное сознание, чем обычное сознание. Он ощущает себя в другом сознании, в котором он в известной мере отдан в мир. Но вследствие этого он приобретает, когда в известной степени вообще продвигается со своим сознанием в ритмическую дыхательную систему, объективную связь с тем, чем обычно является его обыденная жизнь представлений. До сих пор он жил в нервно-чувственной системе, данной как сумма представлений. Теперь он переживает себя (что он переживает, неизвестно, но едва это становится объективным, оно возникает как созерцание, и таким образом он учится познавать ещё то, в чём он живёт созерцанием) я бы сказал, теперь он переживает себя в ритмической системе одной ступенью глубже. Когда знакомятся с этим внутренним процессом переживания, тогда по-другому понимают то, что живёт в Ведах, что благодаря философии Веданты оформлено не только иначе, чем западное образование, но что получено непосредственно, из опыта, данного как раз тому сознанию, которое перенесло себя непосредственно в процесс дыхания.

Однако, проникая в этот процесс дыхания, приходят ещё к кое-чему другому. Но я хотел бы сперва напомнить о том, на что я вчера уже указывал и однажды даже излагал это более подробно. Я говорил, что этот процесс йоги для нас уже не имеет значения, и что человеческая организация тем временем прогрессировала. В нашу эпоху мы уже не можем погружаться в процесс йоги просто по той причине, что сегодня мы так сильно организованы рассудочно, что наши представления внутренне, я бы сказал, столь жёстки — образно говоря, — что мы в систему дыхания вливали бы гораздо больше сил, чем вливал индус со своей более гибкой жизнью представлений. Сегодня это означало бы, что человек определённым образом усыплял бы себя или в противном случае его ритмическая система мешала бы, если бы он поступал с процессом

йоги так же, как индус. Мы можем продвигаться вперёд, как я уже указал и как позже я опишу ещё точнее, от подражания способности воспоминания к обучению процессу забывания. Благодаря тому, что мы попадаем тут в эту пропасть, входим в этот процесс забывания, мы сверху вниз захватываем дыхание, которое в таком случае мы можем оставить таким, как есть. Нам не нужно его преобразовывать. Мы можем его оставить таким же, и для современного человека это то, что нужно. Но мы определённым образом искусственным забыванием лучимся вниз в систему дыхания. Мы перемещаем тут сознание в тот же регион, только сознание теперь более полное, ещё больше пронизанное волей, чем это мог сделать древний индус.

Благодаря этому переживают возможность распознавать ритмическую систему как подчинённую человеческой эмоциональной жизни. Затем, если в этой области добиваются ещё возможности представлять, то есть, если приобретают возможность получать инспирированные представления, то уже нет необходимости, чтобы внешний чувственный образ был похож на душевный образ так, как мозг своим строением похож на связь представлений, но внешний чувственный образ по сути может так отличаться от душевного, что обычный физиолог вовсе и не замечает эту связь, как это произошло у Теодора Цигена. — Но созерцая мир более духовно, созерцая мир чисто духовным способом, всё же замечают, как осознанно можно погрузиться именно эмоциональной жизнью в ритмическую систему, и тогда воспринимают непосредственное единство эмоциональной жизни с ритмической системой. Но из этого вам станет как раз понятно (и этим я прихожу к тому, что я уже недавно объявлял), что в таком случае в древние эпохи (в конце концов, индийцы ведь только особо представительный народ для того, что выявила древняя стадия развития человечества) познание, к которому стремились, чтобы преодолеть непосредственное восприятие мира в повседневной жизни, погружалось в эмоциональную жизнь. Жизнь представлений непременно существовала, но она погружалась в эмоциональную жизнь, была эмоционально пронизана. Современный исследователь говорит только об эмоциональном акценте. То, что переживал древний йог и вообще

имевший своё бытие в древних культурах, — это погружение в эмоциональную жизнь, но не так, что наступала расплывчатость эмоциональной жизни, но так, что тут реально была полная ясность жизни представлений и тем не менее чувство было не только не погашено, но выступало даже интенсивнее, чем в обычной повседневной жизни, и вследствие этого им было пропитано всё то, что в повседневной жизни, я бы сказал, воспринималось трезво и прозаически. Одновременно метаморфизируясь и углубляясь, представления принимали другие очертания и эти преобразованные представления настолько насыщались таким эмоциональным содержанием, что непосредственно из этого эмоционального содержания побуждалась воля, — и эти древние люди совершали что-либо, что сегодня мы совершаем в абстрактной форме, когда что-либо несомое в душе используем для черчения или рисования. В системе йоги такое захватывание переживали внутренне так интенсивно, что было чем-то само собой разумеющимся уже не останавливаться лишь только на рисовании или разрисовывании, а преобразовывать это во внешнюю символику, полученную благодаря внешним предметам.

Здесь вы имеете психологическое начало всего того, что возникло в древних культурах как культовые действия. Нужно внутренне постичь то, чем было человеческое побуждение к культовым обрядам, и тогда поймёшь, что древний человек уж не из глупости, а из своего рода познания пришёл к совершению культовых обрядов и в них видел нечто реальное, потому что знал, что воображаемое им в обряде его культа оформлено изнутри тем, что по сути дела возникает из познания, когда человек уже не стоит обособленно, а связан с реальностью. Он запечатлел в культе то, что мир вначале запечатлел в нём. Продвинувшись в своём познании, он говорил себе: „Как во мне живёт физический атом из окружающего космоса, так теперь во мне в моём преобразованном процессе сознания живёт духовная реальность мира; и снова воображая в вещах и процессах во внешней конфигурации в культовом действии то, что сначала было мысленно представлено во мне из духовного космоса, я совершаю некий обряд, устанавливаю перед собой объект, имеющий своё непосредственное отношение к духовному содержанию

космоса". Так перед этим человеком древней культуры стояла внешняя культовая утварь в её символическом виде, так что он ощущал в ней связь с духовной реальностью космоса, которую он сперва пережил в своём познании. И теперь он знал, что в культовой утвари или в культовом обряде сконцентрировано, обозреваемо сконцентрировано нечто, что происходит не исчерпываясь тем внешним, которое я имею здесь перед собой, но в чём при совершающемся культовом обряде живут духовно-душевные силы, живущие обычно в космосе.

То, что я вам рассказываю, происходило в душах людей, которые естественным образом, исходя из своего познания, образовывали древние культы. Для этого культа вначале получают психологическое понимание, когда принимают участие в инспирированном познании. Эти вещи, как вообще это происходит, просто нельзя объяснить внешним образом. Нужно глубоко погрузиться в существо человека и спросить себя, как, следуя друг за другом, формировались различные виды деятельности всей организации людей, чтобы в те древние эпохи могли возникнуть такие вещи, как, например, в первую эпоху в частности возникли культовые обряды. Ибо то, чем культовые обряды являются сегодня, в действительности суть отставшие остатки того, что сформировалось в древние времена; и поскольку понимание для обоснования культа современному человеку становится таким трудным, он не может сказать себе, что ещё и сегодня оправдан этот род самоопределения (*von sich-stellen*) во внешнем мире.

Но и в другом отношении вы можете увидеть, как в ходе развития человечества действует душевное. В том, что лежит в основе изготовления культовой утвари и совершения культового обряда, живёт проникшее внутрь познание, достигнутое таким образом, как я это изложил. Теперь же вследствие того, что человечество развилось дальше, опять вступило нечто иное. Сегодня это более или менее ещё находится совсем в подсознании. Но уже изложенное мной в особенности обнаруживается, когда продвигаются к имажинативному познанию; обнаруживается, что из духовно-душевного формируется то, что соответствует нервам — нервная организация; это тоже развивается в ходе истории человечества. И мы должны

сказать, что в особенности с середины XV столетия в своих представительных членах человечество просто стало таким, что это абсолютно инстинктивное воображение душевно-духовного сильнее проникло в нервную систему, чем это было прежде. Сегодня мы имеем просто более сильный разум. Это очевидно при изучении Платона²⁹ и Аристотеля³⁰. Сегодня мы имеем иначе организованный разум. В своих «Загадках философии» я это изобразил из самой истории философии. Мы имеем другую рассудочную деятельность. Мы просто перерабатываем то, что душевно усилилось в ходе развития, интенсивнее оформилось. Но благодаря тому, что это оформилось интенсивнее, оно стало и независимее. Сознание человечества, даже философствующее сознание, ещё совсем не обратило внимание на это более независимое образование по отношению к человеческой нервной организации со стороны рассудка. И так как сегодня, я бы сказал, человек внутренне стал сильнее, так как он сильнее организует свою нервно-чувственную систему, он имеет потребность в свою очередь использовать эту интенсивную деятельность рассудка во внешнем мире. Так же, как в древние времена познание, познание добытое внутренне, внутри применяли для изготовления культовой утвари и для совершения культового обряда, как стремились то, что познали, вынести в то, что совершали, так в новое время получили страстное желание то, что является независимым, рассудок, ставший более сильным, теперь тоже утолить во внешнем мире, получить от внешнего мира нечто, к чему можно применить рассудок, но только не пронося его через внутреннюю жизнь. Рассудок хочет получить нечто, в чём он жил бы так, как прежде в культовой утвари и в культовом обряде жило поднятое вверх космическое. Он хочет иметь перед собой нечто, представляемое им в таком роде, что оно достигнуто способом противоположным культовому обряду.

Выдержите, пожалуйста, парадоксальность, но психологически это так. Цель, которую тут ставят, в определённой мере извлекая то, что переживается внутренне, где один только разум стремится суммировать движения, чтобы в объекте жить так, как раньше в объекте культа должно было жить космическое, — это научный прибор, который служит экспериментированию; и в этом экспери-

ментирования современный человек на пути к другому полюсу утоляет ставший сильнее разум так же, как когда-то он утолял своё космическое чувство в культовой утвари и в культовом обряде. Это противоположные полюса. Относительно древней инстинктивной культуры ясновидящих это было стремление внешне представлять в культовой утвари и в культовом обряде внутренне космически пережитое. Современный, ставший более действенным рассудок располагается в складываемых движениях, которые отделены от всякой внутренней жизни и в которых не живёт ничего субъективного, и которые всё же в эксперименте складываются как раз из достигнутого своеобразия рассудка. Хотя при постижении всего человека вам может показаться и удивительным, что из одних и тех же подоснов исходит с одной стороны культ, а с другой — эксперимент, всё же к некоторому пониманию этих полярностей можно прийти. На этой основе мы завтра продолжим разговор.

Шестой доклад

Штутгарт, 22 марта 1921 г.

До сих пор я говорил о тех сверхчувственных способностях познания, которые я назвал имажинативным познанием и инспирированным познанием. Прежде всего я хотел бы кое-что сказать о достижении этих познавательных способностей. Разумеется, я могу указать по этому поводу только принципиальное и единичное. Подробности, однако, вы найдёте в моей книге «Как достигнуть познания высших миров?». Но сегодня я подчеркну являющееся важным как раз в том контексте, который я намеревался обсудить здесь в этих докладах. То, что я описал вам, находясь в определённой мере внутри познания мира, как имагинацию, может быть достигнуто благодаря тому, что, как я уже указывал, подражаешь процессу воспоминания на некотором ином уровне. Существенным процесса воспоминания является его способность крепко удерживать то, что подходит к человеку во внешнем переживании. Процесс воспоминания это крепко удерживает образно.

Так вот, для начала мы кое о чём договоримся по поводу определённых свойств обычного процесса воспоминания, из которого тем не менее надо сперва извлечь чистое воспоминание, то, что в истинном смысле слова и в обычной жизни можно назвать воспоминанием. Когда-то воспоминание даже приобретает свойство стремиться к некоторому изменению пережитого. Пожалуй, мне не стоит особенно распространяться по этому поводу, так как, вероятно, многие из вас хорошо знакомы с тем, как порой можно быть доведённым до отчаяния, когда хотят что-либо рассказать какому-нибудь человеку, и во время самого рассказа мы слышим, что на самом деле стало с пережитым после того, как оно прошло через способность воспоминания. Даже в обычной жизни требуется определённое самовоспитание, если хочешь всё больше и больше пробиваться к чистому воспоминанию, к способности действительно в таком случае обрести вещи образно так, чтобы образ был верным воспроизведением пережитого. Но в отношении воспоминания не-

обходимо также хорошо различать между оправданной, стремящейся к художественному, деятельностью фантазии и фальсифицированием событий. Пожалуй, даже достаточно прежде всего указать на то, что должна существовать разница между стремлением к деятельности фантазии и стремлением к фальсификации воспоминаний субъективного переживания, если человек вообще хочет быть в здоровом душевном расположении. Нужно полностью сознавать, как преобразуют в фантазии и как должно бы быть всё-таки истиннее и точнее то, что совершается не по такому произволу, а совершается, неким способом внутреннего естественного душевного соответствия. Однако, как, с одной стороны, я бы сказал, из хорошей склонности к деятельности фантазии, так и из всех сил, действенных в видоизменении, в фальсификации воспоминаний — из всего этого, изучая это психологически, можно как раз обнаружить, что всё же при восприятии в некой правильной форме того, что живёт в силах воспоминания, ему может быть придан вид чего-то такого, что только воспоминанием уже не является. Более того, можно даже указать на то, что, по сути говоря, иная мистика вполне является фальсифицированными представлениями воспоминаний, и что однако можно получить довольно много из изучения таких фальсифицированных представлений воспоминания, которые тем не менее когда-то возникли как совершенно серьёзная мистика. В настоящий момент речь у нас идёт о возможности посредством того, что я уже обозначил, достичь преобразования душевной силы, живущей в процессе воспоминания, в нечто другое. Преобразование должно происходить так, что благодаря ему изначальная сила памяти уже не только не доводится до фальсифицирования, но благодаря тому, что из неё умеют действовать и несколько иначе, эта изначальная сила памяти ещё больше загоняется к внутренней точности и правдивости. Я говорил, что когда вдвигаешь в своё сознание, упражняясь снова и снова, легко обозримые представления, которые можно так же легко и произвольно собирать из их отдельных частей и потом обозревать, как и математические, и затем удерживаешь их в сознании, покоишься на них, но покоишься не так, будто они тебя уже околдовали, а так, что сам с

внутренним произволом в каждое мгновение вызываешь это соотношение покоя, тогда постепенно достигаешь преобразования процесса воспоминания в нечто другое, прежде неизвестное. Как сказано, подробности содержатся в упомянутой книге и, кроме того, в «Очерке тайноведения».

Если продолжаешь такие упражнения достаточно долго (насколько долго — это индивидуально) и имеешь возможность применить к ним достаточно внутренней душевной энергии, то приходишь как раз к переживанию образов, которые относительно формального внутреннего переживания вполне подобны представлениям воспоминания, но не являются таковыми по содержанию³¹. И постепенно овладеваешь способностью жить в таких, сначала самодельных имажинациях. Затем эта способность превращается в другую так, что имажинации возникают в душе; и если только всегда сохраняется, я бы сказал, математический настрой души, о котором я говорил, ты действительно абсолютно в каждое мгновение можешь ясно понимать, одурочен ли ты каким-либо представлением, находишься ли под действием некоего внушения или самовнушения или же пребываешь в этом душевном настроении по полному внутреннему произволу. Достигаешь обладания представлениями с формальным характером представлений воспоминания, только постепенно всё более интенсивных. Я определённо отмечаю, что сначала эти имажинативные представления имеют характер представлений воспоминания. Более насыщенными, пропитанными в определённой мере более интенсивным переживанием они становятся только через инспирацию. Сначала они всецело имеют характер представления воспоминания, вот только знаешь, что их содержание не имеет отношения к каким-либо событиям, пережитым со времени своего рождения. Они так же образно выражают нечто, как и представления воспоминаний образно выражают эти личные события. Они относятся к чему-то объективному. Но известно совершенно точно, что это объективное абсолютно не содержится внутри области, обозреваемой обычно посредством представлений воспоминания. А также прежде всего имеешь ясное сознание того, что в этих имажинациях получаешь нечто, имеющее сильную внут-

реннюю реальность. Но с другой стороны, одновременно полностью ясно осознаёшь, что имеешь дело с образами, разумеется с образами какой-нибудь реальности, но именно с образами.

Речь идёт о том, чтобы ознакомиться с тем, что особенно необходимо именно при представлении воспоминаний, когда они должны быть чистыми, чтобы их не пронизывало что-либо чуждое. Сейчас я охарактеризую процесс внешне — в нескольких докладах не всё можно изобразить детально. Определённым образом получаешь понимание, как образуется представление внешнего события, как оно в некотором смысле переходит в организм, как оно там (я теперь буду говорить совсем абстрактно) получает своё дальнейшее бытие и потом снова может быть извлечено в качестве представления воспоминания. Замечаешь, что существует определённая зависимость между тем, что живёт в воспоминаниях, и даже физическими состояниями человеческой организации. Относительно воспоминаний, конечно зависишь от организации человека — вплоть до самых крайних физических состояний. Пережитое в определённой степени передаёшь собственной организации; и даже теперь можно было бы в деталях описать, какую участь претерпевают в человеческой организации эти переданные образы переживаний. Но уже само это стало бы целой духовнонаучной главой. Однако, как бы ни нравилось нашему организму быть причастным восприятию того, что потом дальше живёт как воспоминание, как бы ему ни нравилось быть причастным содержанию, его участие, если воспоминания должны быть чистыми и точными, вообще не может быть таким, чтобы он добавил к воспоминаниям что-либо содержательное. После того как представления о событии образованы, ничего содержательного больше не может втекать в воспоминания.

Для кого этот факт в жизни воспоминания совершенно ясен, тот как раз может распознавать и знает, что это значит, если потом в его сознании возникают образы с обычным формальным характером образов воспоминаний, имеющие однако содержание, вовсе не относящееся к чему-либо лично пережитому, а совершенно изменённое относительно всего пережитого лично. Но в этом пережи-

вании самой имажинации проявляется, насколько необходимо укрепить собственную душевную силу, усиливая её всё больше и больше. Что же всё-таки надо делать? Тогда как обычно наша готовая организация получает то, как что устроено, то есть представления, которые сформировались в жизни, и содействует воспоминанию, следовательно, тогда как представления, сформированные жизнью, до определённой степени, если я могу так выразиться, не погружаются в бездонное, а удерживаются нашей организацией, чтобы в конкретный момент воспоминания снова быть отражёнными, — при имажинированных представлениях этого как раз быть не может. Имажинированные представления можно удерживать только внутренней душевной силой. Именно для этого нам необходимо усвоить способность, делающую нас в этом сильнее, чем это нам присуще относительно удержания таких представлений и прекращения таких представлений в обычной жизни. Для этого теперь есть разные способы, описанные мной в упомянутых книгах. Но одно я хочу вам сообщить, и из того, что я сейчас скажу, вы узнаете, какие существуют связи между разнообразными жизненными требованиями, которые просто должны исходить от антропософской духовной науки, и тем, каковы основные предпосылки этого антропософского исследования.

Кто относится к внешнему миру таким образом, что позволяет приблизиться к себе прежде всего чувственным впечатлениям внешнего мира, феноменам, пожалуй, их можно назвать и так, и при этом использует свой рассудок, чтобы всячески мудрствовать по поводу этих феноменов — и порой это ведь может быть чрезвычайно интересно, — тот едва ли найдёт силу для имажинативного представления. В этой связи иные процессы новой духовной жизни прямо-таки могут подавить имажинативную силу. Когда начинают в определённой мере не просто рассудком соединять феномены внешнего мира, развёртывающиеся в минерально-физическом царстве, не просто использовать рассудок только как средство для соединения феноменов друг с другом, но начинают искать из феноменов всякое, что должно находиться позади феноменов, и хотят это

конструировать, тогда, собственно, разрушают имажинативную способность.

Пожалуй, можно воспользоваться сравнением. Ведь вы вероятно более или менее занимались тем, что можно назвать в смысле мировоззрения Гёте феноменализмом. Сам Гёте при устройстве своих опытов, во время своих наблюдений использовал рассудок иначе, чем его часто использовали именно в истекшие фазы нового мышления. Гёте использовал рассудок так, как примерно мы применяем его (тут подходит сравнение, которое я хочу применить) — в чтении. Мы читаем так, что целое образуем из отдельных букв; когда мы имеем перед собой, например, строку и нам удалось внутренне схватить сознанием целое через отдельные буквы и слова, тогда мы разрешили загадку, поставленную нам этой строкой. Нам вовсе не придёт на ум сказать примерно так: „Здесь есть «X», «л», «е» и «б». Я рассмотрю «X». Это «X» как таковое ведь ничего особенного мне не говорит. Так как это мне ни о чём не говорит, я должен исследовать в направлении того, что, собственно, находится позади этой «X», и тут, пожалуй, я должен дойти до того, что позади этой «X» находится что-то таинственное трансцендентное, что производит на меня впечатление и что передаёт мне эта буква «X»^{*}. Этого я не делаю, но я рассматриваю здесь буквы и из них образую себе целое — я читаю. Гёте это делает в отношении феноменов внешнего мира. Он не рассматривает какое-то явление света и не философствует по поводу того, какие состояния колебаний могут скрываться в каком-нибудь трансцендентном. Он не использует свой рассудок для того, чтобы философствовать о том, что могло бы находиться позади феноменов, но он использует свой рассудок для того же, для чего мы его используем, когда мысленно соединяем буквы. Так он использует рассудок только как способ сгруппировать феномены таким образом, что они в своём соединении сами позволяют себя читать. Итак, Гёте использует рассудок в отношении внешнего физико-минерально-феноменологического

---

^{*} Автор рассматривает немецкое слово „Brot“, что в переводе означает «Хлеб» (прим. перевод.).

мира, я бы сказал, как космический способ чтения. Он совсем не говорит о какой-то вещи в себе, он вовсе не говорит о чём-либо, что надо искать позади феноменов³² и что находится там позади. Но благодаря этому он и доходит, исходя от прафеноменов, до точного восприятия феноменов, которые можно примерно сравнивать с буквами минерально-физического мира, и до сложных феноменов, которые он либо разыскивает наблюдением, либо собирает путём эксперимента. Он читает то, что распостёрто в пространстве и во времени, и вполне преднамеренно использует рассудок не для поиска чего-либо позади феноменов, но для того, чтобы феномены или созерцать при наблюдении так, чтобы взаимно прояснились и в совокупности проявили сами себя, или же включать в эксперименты и додумывать экспериментальные устройства. Рассудок для него не должен быть ничем иным, кроме, во-первых, того, что упорядочивает опыт, во-вторых, того, что составляет вместе отдельные феномены, чтобы потом сами феномены могли высказываться. Благодаря тому, что овладевают таким способом созерцания в отношении феноменов и овладевают им всё больше и больше, и в этом восприятии внешнего мира пытаются уже превзойти Гёте (ибо ведь он стоял у истока такого способа мышления), приобретают определённое чувство единства, даже переживание единства с феноменами. Тут в феномены вживаются гораздо интенсивнее, чем при нынешнем использовании рассудка для того, чтобы пробиться на самом деле сквозь феномены и искать позади них то разное, что в таком случае по сути оказывается всё-таки придуманным. Конечно, сказанное мной относится всего лишь к самому придуманному.

Речь идёт о том, чтобы воспитать себя на феноменологии, воспитать себя на чистом сращивании с феноменами внешнего мира так, чтобы постепенно получить в сущности совершенно определённое чувство об этом слитном существовании. Когда после овладения такого рода слитным существованием с феноменами как таковыми вспоминаешь потом эти феномены внешнего мира, тогда в воспоминании прежде всего возникает полностью насыщенный образ, но в то же время ясно понимаешь, что представления воспоминаний большинства людей нашей сегодняшней культуры чрезвычайно

сильно связаны со словесными представлениями. Получая возможность не придерживаться словесных представлений, которые, в сущности говоря, всё-таки лишь оформляют воспоминание, вытесняя прошлую связь из нашего подсознания в сознание, тем более достигаешь получения воспоминания уже образно, тем более достигаешь, например, уже того, что видишь себя реально в образе — скажем, когда, будучи малолетним озорником, занимался той или иной игрой, так или иначе подтрунивал — видишь, как совершаешь это, как дёргаешь другого. Если в таком случае возникают не только поблёкшие воспоминания, но действительно чётко оформленные образы, то видишь сам себя, как хватаешь другого за мочку уха, как даёшь ему пощёчину и т.д. Относительно этих оформленных образов сохраняешь однако внутреннюю свободу, как и относительно обыкновенных представлений воспоминания, хотя и замечаешь как с таким воспоминанием растёт интерес к внешнему миру, как, я бы сказал, с этими образами в наше сознание проникает интимная совместная жизнь со всякими мелкими деталями внешнего мира, когда мы держимся их, можно сказать, так же объективно, как и обычного события, а не потому что это *наши* воспоминания. Не правда ли, вы меня понимаете, когда я пользуюсь такими выражениями? Это происходит по той причине, что наш язык как раз сегодня вообще не даёт пригодных слов, и поэтому пытаешься путём всяких гротескных слов прямо точно указать на то, о чём здесь идёт речь: если мы в состоянии почувствовать, что такие воспоминания могут *ласкать* или же они могут *ужасно раздражать*, если вообще душевная жизнь в своих образных воспоминаниях становится настолько живой, насколько это возможно, когда тут присутствует само переживание внешнего мира, то сила, которая необходима, чтобы теперь правильно удерживать в сознании то, чем являются имажинативные представления, укреплена.

Тогда-то и можно идти к тому, чтобы всё вновь и вновь упражняться в устранении таких имажинаций, так что в определённой степени всё снова и снова погружаешься в пустое сознание. Это упражнение, кроме того, сильно оживляет чувство внутренней свободы, когда по произволу осуществляешь присутствие в сознании

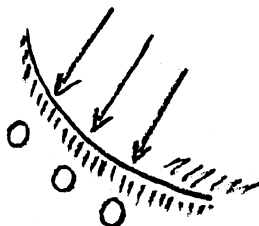
таких представлений, затем снова удаляешь их и таким образом вызываешь некий род внутреннего ритма в медитировании, в концентрации, в устанавлиании представлений и в их удалении. Благодаря этому вызываешь сильную внутреннюю подвижность души, прямую противоположность душевному настрою, существующему у всякого рода психопатов. Это действительно прямая противоположность, и тот, кто сравнивает только-что описанное здесь мной с какими-либо психопатологическими состояниями, только показывает, что не имеет как раз никакого представления об этих вещах.

Когда затем приходишь до того, чтобы так же усилить и забывание, следовательно, когда ту же деятельность, которая обычно произвольно осуществляется в забывании, когда эту, скажем, негативную деятельность теперь ты уже действительно в состоянии осуществлять по произволу, внутренне урегулированно, тогда только замечаешь, как то, о чём прежде знал, что это образ реальности, что это имагинация, теперь наполняется тем, что показывает нам: возникающее тут в образе является реальностью, духовной реальностью. Доходишь до бездны, позволяющей духовной реальности, которая однако тоже включена во всю внешнюю физически-чувственную реальность, в определённой мере светить навстречу с той стороны духовного бытия. Таким образом вы видите, что сначала, собственно, во внешнем мире нужно ясно усвоить себе чувство, необходимое для того, чтобы получить правильное отношение к этим имагинациям. Кто хочет лишь отвлечённо мыслить по поводу феноменов, хочет определённым образом пронизать их насквозь и позади того, что должно быть только реальной действительностью, продолжать философствовать, тот ослабляет в себе силу удержания имагинаций, да и трактовки имагинаций.

Когда после этого добиваешься перехода к инспирированной жизни, что означает переживать реальность духовного мира точно так же, как обычно переживаешь своими внешними чувствами физический мир, тогда возникает та особенность, благодаря которой говоришь себе: „Да, только теперь ты действительно понимаешь то, что означает воспоминание”. По сути дела воспоминание означает, что твои представления, полученные в переживаниях, погру-

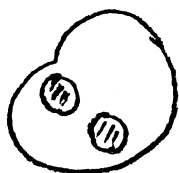
жаются в твой организм и там в организме фактически действуют, как зеркало в отношении объекта, находящегося перед зеркалом. Это высказано в качестве сравнения, но сравнение — это некий род термина, оно больше, чем сравнение, оно определённым образом вполне характеризует содержание факта. Организм удерживает то,

что представляют, в то время как в отличие от этого зеркало вынуждено постоянно отражать находящееся перед ним. Так для человека имеется возможность преобразовывать отражение в нечто преднамеренное, то есть, позволять отражать из всего организма, прежде всего из организма нервов, то, что человек доверил своей памяти. Можно сказать, благодаря этому воспринятое организмом в качестве представлений удерживается так, что позади него нельзя видеть, как нельзя видеть и позади зеркала тоже. На самом деле получаешь впечатление: глядя внутрь на свои воспоминания, ты вынужден сказать себе, что обстоятельство наличия памяти препятствует тебе, созерцая, погружаться в самого себя. Ты неходишь в своё внутреннее, как не выходишь и за зеркало, видя отражённый объект.

Для своего высказывания я, конечно, использовал сравнение. Но сравнение тоже реально отображает факт, и это, видите ли, замечаешь в том, что в то мгновение, когда имажинации уже благодаря инспирации проявляются как образы духовной реальности, зеркало для этих имажинаций упраздняется. Теперь, когда имажинативные представления поднимаются к инспирированным, открывается возможность видеть себя, и только тут человеческое внутреннее выступает навстречу, по сути дела, в своём духовном аспекте. Однако с чем же тут знакомишься?

Так, читая таких мистиков, как, скажем, Святая Тереза³³, как Мехтильда Магдебургская³⁴ и так далее, неоднократно получаешь представления с определённой точки зрения вполне по праву чрезвычайно прекрасные, в отношении которых можно прийти в истинно религиозное настроение. Для того, кто теперь начинает видеть то, о чём я здесь только-что говорил, именно такие мистические созерцания перестают быть тем, чем они очень часто являются для расплывчатого мистика. Ибо тот, кто приходит к этому внутреннему созерцанию, в сущности говоря, вообще не через аномальные состояния, какие имеют место у таких мистиков, а через развитие своих познавательных способностей, как я это описал, не только учится изображать то, что он получает в настоящий момент, как это делают Мехтильда Магдебургская или Святая Тереза и так далее, но он знакомится с тем, чем является внутреннее челове-

ческой организации. Каким бы рассудочным ни показалось туманным мистикам то, что я теперь ставлю на место их мистических туманных образов, это всё же истина, к которой, собственно, надо стремиться, если хочешь иметь истинное познание, а не упоение во внутренней мистике. Теперь учишься познавать, когда отражение отсутствует, учишься внутренне созерцать лёгкое, диафрагму, печень, желудок. Учишься внутренне познавать человеческую организацию, и тогда учишься даже познавать, как, собственно говоря, созерцали — но через определённые аномальные состояния — внутреннее такие мистики, как Мехтильда Магдебургская или же Святая Тереза вот только у них в созерцании это внутреннее окружалось всяческим туманом. Они изображают в таком случае туман, сквозь который должен проникать истинный духовный исследователь.

Да, разумеется, для людей, которые не могут входить в такие вещи, является чем-то шокирующим, когда кто-нибудь — примем это как гипотезу — прочёл бы некую возвышенную главу из Мехтильды Магдебургской, а затем истинный духовный исследователь сказал бы ему: „Да, когда приходишь до внутреннего созерцания своей печени и своих почек действительно видишь это”. Это так, но это ничего не даёт. Для того, кто хотел бы получить факт иначе, я говорю: дело выглядит так. Но для того, кто видит вопрос в целом, тогда тем более открывается правильное отношение к подлинным мировым тайнам. Ибо теперь он учится познавать: из каких глубоких подоснов бытия произошла именно эта человеческая организация; и он учится осознавать, как мало умеют хранить молчание о человеческой печени, о человеческих почках, о других органах, когда вскрывают лишь труп или, пожалуй, даже когда во время операции разрезают живого человека и созерцают эту человеческую организацию с одной стороны. Однако, вполне есть возможность видеть не только эту внешнюю материальную сторону человеческой организации, но видеть её и внутренне. Только тогда осознаёшь духовную сущность, и даже такую духовную сущность, которая показывает, что человек, как он тут стоит со своей организацией, как раз отнюдь не является таким одиноко стоящим в мире существом, как это можно представить, мысля его заключённым в пределах его кожи. Но, в сущности говоря, дело обстоит так, хотя и несколько в другом смысле, что через такого рода познание открываешь, что как находящийся сейчас во мне кислород прежде был снаружи, а теперь работает во мне, так и то, что работает во мне как внутренняя организация, как печень, как почки и так далее, хотя и растянуто на длительные промежутки времени, выделено из космоса и связано с космосом. Я должен смотреть на космос и на его строение, если хочу понять, что живёт в печени, почках, желудке и так далее, а также смотреть на космос с его воздухом, если я хочу понять, чем, собственно, является как субстанция то, что работает тут в моём лёгком и потом несёт разное дальше в мою циркуляцию крови и так далее. Продвигаясь таким образом дальше с помощью истинного духовного исследования, не только знако-

мишься просто с какими-либо узко ограниченными образами отдельных человеческих органов, но учишься познавать связи, видишь связи человеческой организации с космосом.

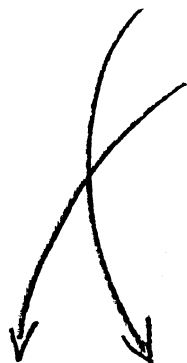
Теперь в высшей степени важно не упустить одно — дойти до одного переживания, которое я могу привести вам здесь образно, можно сказать, по-своему просто символически. Если мы соберём рассмотренное здесь в эти дни и часы, то сможем образовать следующие представления. Наши чувства, как я говорил, в определённом отношении являются лиманами, через которые втекает в нас внешний мир со своими событиями. Затем однако эти чувства простираются в наше внутреннее, и я описывал вам, как человек приходит к тому, чтобы постепенно субъективно видеть эту деятельность, которая вообще относится к более внутренне расположенному по сравнению с чувствами (это та деятельность, которая воздействовала на нервную систему со времени рождения, это формирующее, это образующее); я описывал, как человек имеет её субъективно в качестве ретроспективного взгляда на жизнь, в качестве панорамы жизни, как он открывает тут в конфигурации нервной системы, что сама эта нервная система изображает осуществлённые извне, физически-чувственно реализованные образы того, что в действительности является душевно-духовным. Так что можно сказать, что переживаешь имажинации и, кроме того, переживаешь, как изживаются имажинации в форме нервной субстанции. Разумеется, это нельзя воспринимать в таком грубом смысле, так как нервная субстанция ведь тоже вырабатывается уже до рождения. Завтра мы ещё будем об этом говорить. Но в действительности всё-таки сказанное мной имеет силу. Так что мы, следовательно, можем сказать: „Да, тут внутри, стало быть, продолжается деятельность, и ты совершенно точно замечаешь, как эта деятельность тут продолжается”. Это та деятельность, которая определённым образом врежется в нервную систему. Для той части нервной системы, которой придана готовая форма, для того, что ещё пластично именно в детском возрасте, это врезание есть некий сквозной проход нервных путей, это является истинным процессом пластикации (Ausplastizieren), формированием, происходящим ещё из имажина-

ции. Кроме того, этому формированию противостоит остальная часть человеческой организации, о которой я ещё буду говорить, — то, что является носителем мышц, носителем костей и так далее или другим носителем того, что является нервной системой, совокупностью органической ткани. Но затем переживание можно продолжить. И чтобы вам ещё лучше разъяснить, каково это переживание, я хотел бы рассказать вам о следующем.

Однажды я прочитал³⁵ для Антропософского Общества доклады о том, что в этих докладах я назвал «Антропософией». В то время я читал доклады об этой антропософии в той мере, в какой мне это открывалось именно моим духовным исследованием. Потом была просьба опубликовать эти доклады, и я пошёл на то, чтобы их написать. При написании из этого получилось нечто иное. Не то, чтобы изменилось что-либо в данном первоначально, но только возникла необходимость внести некоторые добавления, дающие дальнейшие разъяснения. А это уже потребовало сформулировать эти факты ещё точнее. На это ушёл один год. И вот снова представилась возможность. В Обществе в свою очередь проходило Генеральное собрание³⁶. Там люди и сказали, что на Генеральном Собрании всё же следовало бы продавать доклады по «Антропософии», а значит, их надо было подготовить. Тогда же я уведомил о другом цикле докладов³⁷ для следующего Генерального Собрания и отослал в типографию первые листы этой «Антропософии». Они тотчас же были напечатаны. Я полагал, что теперь я мог бы продолжать писать дальше. И некоторое время я продолжал писать. Но всё больше и больше выявлялась необходимость дальнейших добавлений с целью уточняющих разъяснений. Тогда всё закончилось тем, что все листы были напечатаны. До тех пор я писал. Кроме того, один лист получился таким, что не было полных шестнадцати страниц, а всего лишь, я полагаю, было полных тринадцать или четырнадцать. Другие страницы были не заполнены, и необходимо было писать дальше. Между тем мне стало ясно, что для всего этого были и другие причины³⁸, но именно сейчас я хочу привести вам одну из причин, вызвавших то, о чём здесь идёт речь. Пришло время, когда я сказал себе: „Чтобы теперь действительно

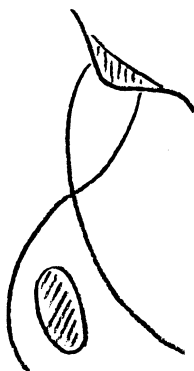
закончить эту работу в таком виде, в каком ныне, спустя год, я должен и хочу её иметь, необходимо уже более детально развить определённый способ представления, особую разработку имажинативного и инспиративного познания, и применить этот способ познания к этим антропософским вопросам". Тут я всё же пришёл к тому, чтобы вначале сделать нечто негативное — отложить всю «Антропософию». И сегодня она всё ещё лежит так³⁹, как тогда, с уже напечатанными многими листами. И я даже уже намеревался именно теперь действительно продолжить исследование. Однако тут я основательно познакомился кое с чем, о чём хочу теперь сообщить вам. Я могу вам это изобразить только схематически. Но это схематическое изображение является огромной суммой внутренних переживаний, которые по сути дела в исследовании человека являются методами познания.

Становилось всё яснее, что завершить «Антропософию» в соответствии с поставленными когда-то целями можно только тогда, когда, внутренне созерцая, дойдёшь до видения того, как, работая в нервной системе, можно продвигать реально увиденное тут во внутреннем обзоре как духовно-душевную деятельность до тех пор,

пока здесь внутри не придёшь к одной точке (точка, собственно, является линией, расположенной в вертикальном направлении, но я хочу представить это здесь только схематически; для определённых явлений точка находится далее вверх, затем более глубоко и т.д., пожалуй, в этих докладах описать это в деталях будет невозможно,

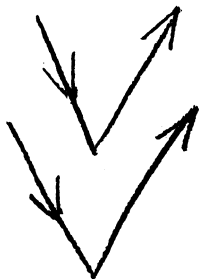
я до известной степени приведу только некий обзор целого), к той точке, где затем отчётливо замечаешь, что вся продвигающаяся снаружи внутрь, духовно-душевная деятельность, схватываемая в имажинации и инспирации, пересекается. Но в то время как она пересекается, ты уже не свободен в осуществлении этой деятельности. Конечно, как я и описывал, раньше ты тоже не был вполне свободен. Теперь же становишься ещё несвободнее. Замечаешь, что всё изменяется. В имажинативно-инспиративном процессе представленияходишь в более сильно фиксированное становление. Говоря конкретно, когда в имажинативно-инспирированном процессе представления схватываешь то, что для глаза является чувственным восприятием и его мыслительным продолжением, и благодаря этому приходишь к имажинации органа зрения, следовательно, когда приходишь через имажинацию, проинспирированную воспринять орган зрения, тогда эта деятельность продолжается внутрь, затем здесь возникает пересечение, и тогда-то той деятельностью, которой сперва здесь был охвачен глаз, охватываешь другой орган. По существу это почка⁴⁰.

И примерно так же для других органов. Продолжая во внутреннее человека эту имажинативно-инспирированную деятельность, всегда обнаруживаешь, что этой инспирированной имажинацией до определённой степени охватываешь уже готовые органы (по крайней мере, в своих зачатках это полностью готово, когда человек родился) и так продвигаешься к истинному внутреннему созерцанию

человеческого организма. Это совершенно особая трудность. И когда в то время я должен был не только закончить книгу, но, кроме того, прочитать ещё и другой цикл лекций⁴¹, для которого были необходимы новые исследования, тогда, как вы можете себе представить, закончить её с этими в то время развитыми методами — теперь этому уже много лет — было нелегко.

Я должен лишь упомянуть ещё о трудности, состоящей именно в том, что вначале непрерывно отбрасываешься. Это истинное продвижение, если его надо осуществить, есть нечто такое, что требует уже крепкого удерживания внутренней силы. Фактически необходимо всё вновь и вновь браться, я бы сказал, за укрепление силы представления, силы внутренней работы в душе в направлении любви к внешней природе, делать её интенсивнее. Иначе всегда будешь просто легко отброшен. Замечаешь, чтоходишь в себя, но

всегда снова отбрасываешься назад и, по сути дела, взамен чего-то, что я хотел охарактеризовать этим внутренним обзором, получаешь нечто ошибочное. Надо преодолеть то, что развивается здесь как некое отражение.

Итак, я хотел рассказать вам о прошлом для того, чтобы вы видели, что духовный исследователь может указывать даже на те моменты, когда он борется с некоторыми проблемами духовного исследования. Однако, к сожалению, в годы, следовавшие за событием, о котором я рассказал, моё время, особенно в последние годы, было так заполнено всевозможным, что я не смог осуществить подлинно необходимую деятельность, обозначенную мной как особенно нужную, — завершение этой «Антропософии». Ибо вся-

кий раз, когда чуть-чуть открывалась перспектива для дальнейшего продвижения «Антропософии», я подводился к тому и этому, необходимо было то или иное, в той или иной области нашей нынешней деятельности надо было проводить то или иное заседание. Разумеется, все эти дела тоже совершенно необходимы. Однако некоторые из них можно было бы осуществить, если бы число индивидуальностей, работающих с нами в антропософских и социальных задачах, всё возрастало, чтобы те немногие личности, просто вынужденные сегодня действительно прилагать в центре силы, которых они вовсе не имеют, во-первых, могли бы развернуться в плодотворной работе и, кроме того, чтобы их, пожалуй, немножко разгрузить — в чём они очень нуждаются! Именно всё необъективное, что происходит в таких вещах, которые вы можете наблюдать во время вашего нынешнего присутствия, и что обнаруживается у таких нечистоплотных людей, которые как клеветники теперь повсюду завоёвывают себе авторитет, но что, однако, и создаёт необходимость защиты в наше нынешнее время, когда люди, желающие быть свободными, так суггестивно подвержены влиянию через такие отклонения жизни, — это вызывает большую необходимость получить помощь в том, что позволит выработать антропософское мировоззрение и даст влиться в социальную жизнь антропософскому мышлению.

Смотрите, если вы представите себе как увидеть таким способом здесь наверху, я бы сказал, в удержанной в абстрактности форме то, что внизу погружается в орган, в окружение некоего органа, который тут уже конкретно присутствует, то вы сможете сделать вывод, что в таком видении человеческого организма фактически заключено нечто, что может перекинуть мосты к практической деятельности, в основе которой надо иметь рассмотрение человека и его связи с миром. В другой связи я уже обращал ваше внимание, как, просто образуя в себе имагинацию, учишься познавать не только сферу чувств и её продолжение в нервную систему, но и мир растений. Продвинувшись к инспирации и сумев развернуть такое духовное исследование, прежде всего знакомишься со всеми силами, действующими в животном мире. Но знакомишься и кое с чем

другим, что имеет в животном мире лишь своё внешнее физически-чувственное проявление. Учишься познавать природу дыхательной системы: исходя из этих соотношений, постигаешь внешнюю форму этой дыхательной системы. Эта внешняя форма дыхательной и циркуляционной системы своей внешней конфигурацией не похожа непосредственно на жизнь представлений, как нервная система, в отношении которой я вчера показал вам, что она настолько похожа, что два человека, стоящие на различных точках зрения, нарисовали сходные образы. Так внутренне проходя и параллельно знакомясь с внешним миром в его различных царствах и с человеком, (а завтра я добавлю, что всё это внутреннее познание даёт для дальнейшего видения всего человеческого существа и природы) и знакомясь с человеком в его связи с его окружением, открываешь себе как раз очень многое из существующего в отношениях человека с его окружением. Например, прежде всего открывается возможность таким образом видеть сущность какого-либо органа, связь этого органа с существующим в царстве природы, и благодаря этому разумно находить переход от одухотворённой физиологии к реальной терапии. Тут даётся возможность снова развить то, что когда-то было получено посредством инстинктивного внутреннего созерцания. Я говорил о системе йоги и мог бы привести и другие древние системы, благодаря которым инстинктивно, по-детски созерцалась связь человека с окружением. Собственно говоря, из этого времени ещё проистекают терапевтические указания, сегодня, пожалуй, несколько изменённые, но всё ещё являющиеся наиболее плодотворными. Развить терапию необходимым нам образом можно будет только на духовно-научном пути, и благодаря понимание истинной связи человеческих органов с космосом действительно возникнет медицина, основанная теперь не только на внешнем экспериментировании, но и на внутреннем созерцании.

Только в качестве примера я хотел бы привести вам, как духовная наука должна оплодотворяя действовать внутри отдельных наук. Необходимость этого сегодня проявляется в том, как с другой стороны повсюду поставлены вопросы внешним эмпирическим исследованием, которое ведь действительно не было бесполезным,

но напротив, с его стороны великолепно выполнено то, что было возможно именно на его почве. Возьмите только внешнюю физиологию, внешнюю патологию и так далее — тут повсюду существуют вопросы. Кто сегодня проблемы изучает с ясным сознанием, тот знает, что вопросы тут есть. И они требуют ответа на то, как же, в конце концов, обитать в области внешней жизни. Тут существуют большие вопросы. Они требуют ответа. Так же и духовная наука не хочет проходить мимо того великого и триумфального, что представлено в других науках. Но она хочет и со своей стороны изучать, какие проистекают оттуда вопросы, и обучаясь точно так же, как этому могут обучаться в других науках, она хочет со своей стороны отправиться в путь для решения того, что можно найти, хоть и на стороне исследования чувственно-эмпирического, но всё-таки только с помощью духовного исследования! Об этом продолжим завтра.

Седьмой доклад

Штутгарт, 23 марта 1921г.

Если кое-что из того, что я здесь приводил в соответствии со столь обширной темой, я смог привести лишь совсем бегло и эскизно, и главным образом смог вообще лишь наметить определённые выводы, то это конечно связано с ограниченностью времени. Просто должны быть даны некоторые импульсы по поводу представлений, которые, я бы сказал, покоятся на входе в антропософскую духовную науку; и из прочитанных докладов вы конечно получите отчётливое чувство, что всё, заложенное здесь, непременно нуждается в дальнейшей реализации.

Я говорил об особых видах познания, которые посредством определённой внутренней душевной работы человека примыкают к повседневному человеческому процессу познания и также к обычному научному процессу познания, и оба вида познания, о которых я недавно говорил, я назвал имажинативным познанием и инспирированным познанием. Вчера я пытался показать, как через это взаимодействие имажинативного и инспирированного познания при принятии во внимание определённого переживания, которое я вчера изобразил как некий род внутреннего соотношения перекрещивания сознания (*Bewußtseinskreuzungsverhältnis*), познание человека может вступить в связь с познанием окружающего мира. Если же переживаемое согласно этому инспирированному имажинативному познанию развиваешь дальше путём продолжения определённых упражнений, которые вы найдёте описанными в моих книгах⁴², то тогда возникает нечто, что в определённом отношении имеет такое же название уже даже в обычной жизни — и это вполне примечательно; для того, кто достиг высших познавательных упражнений, возникает интуиция, которую он может так называть абсолютно в том же смысле, как он говорит об имажинации и инспирации. Интуиция — это ведь некое слово, которое и само-то по себе (*auch für eine allerdings*) не чётко очерчено, а уж в обычной жизни употребляется скорее как подобное чувству познание. Конечно, духовный

исследователь, говоря со своей стороны об интуиции, не подразумевает ту интуицию, о которой очень часто говорят и которая является неким смутным способом познания, хотя вполне есть некое основание вообразить себе неразвитую тьму обычного интуитивного представления как некий род начальной ступени того, что достигается в истинной интуиции. Но тогда истинная интуиция есть некий род представления и душевного состояния, пронизанный внутренней ясностью сознания точно так же (я снова должен привлекать математическое мышление), как и математическое мышление. Этой интуиции вообще добиваются главным образом через продолжение названных мной упражнений для достижения забывания. Эти упражнения необходимо продолжать до той степени, когда забывание преобразуется в некий род неэгоистического самозабвения. Если эти упражнения потом продолжают систематически пунктуально, возникает именно то, что духовный исследователь называет интуицией в этом высшем смысле. Это то познание, в которое в конце концов входит инспирированная имажинация.

Прежде чем продолжить своё изложение, я должен, чтобы не вызвать недоразумений, подчеркнуть следующее. А именно, я легко могу себе представить, что кто-либо предъявит определённое возражение против того, что я вчера высказал под конец. Я могу заверить вас, что возможные возражения всегда делает сам себе именно тот, кто добросовестно продвигается как духовный исследователь. Это как раз нечто такое, что должно быть свойственно подразумеваемому здесь духовному исследованию — при каждом шаге продвижения вперёд, я бы сказал, всегда чрезвычайно добросовестно обращать внимание на то, из какого угла могут прийти возражения и как можно встретиться с этими возражениями. Я могу легко представить себе кем-то высказанное возражение: „Но ведь сказанное тут вчера об этом переживании пересечения во время внутреннего созерцания, об этом охватывании внутренней организации человека, вполне может основываться на некоем заблуждении. Ибо именно духовный исследователь, как он здесь подразумевается, может ведь и не быть дилетантом во внешней науке, как вы ясно это увидели, и будет, само собой разумеется,

кое-что знать о внутренней организации человека из обычной анатомии и физиологии — в таком случае вполне можно было бы полагать, что он предаётся определённым иллюзиям, включая в своё созерцание то, что ему уже известно через внешнюю науку”. Что ж, все иллюзии суть нечто, что духовный исследователь непременно включает на пути своего движения; возражение же, которое может быть здесь предъявлено, устраняется даже вследствие того, что воспринимаемое в человеческом организме во время этого внутреннего созерцания совершенно отличается от того, что можно как-либо узнать через внешнюю анатомию или внешнюю физиологию. Ведь воспринимаемое как внутренняя организация непременно является чем-то, что можно бы назвать созерцанием одухотворённого человеческого внутреннего. Единственное, в чём могут помочь обычная физиология и анатомия, — это, я бы сказал, найти некий род математической точки. Не более как получишь в некотором смысле некую отправную точку. Благодаря этому то, что получено теперь реально в душе как вполне независимое, достигнутое через созерцание духовное восприятие, а также полученное таким образом вполне определённое в себе самом содержание, которое можно воспринять только на этой ступени познания, можно будет гораздо увереннее отнести к лёгкому (если, например, это является внутренним, соответствующим лёгкому), когда что-то знаешь о лёгком благодаря внешней физиологии и анатомии, чем когда ничего не знаешь о нём. Напротив, обе эти вещи: содержание внутреннего созерцания сущности лёгкого и то, что знаешь из внешней физиологии и анатомии, — представляют собой два абсолютно разных содержания, которые можно соединить только впоследствии, и которые как раз показывают, как и на этой ступени познания повторяется соотношение, в которое входишь, между внутренне-математически осознанным и фактом, данным во внешнем созерцании, в физически-минеральной области.

Та же разница, которая существует между внутренне-математически схваченным и данным в факте внешнего созерцания, имеется и между тем, чего достигаешь на поприще инспирированного имажинирования и тем, что с другой стороны знаешь через внешнее ис-

следование. Разумеется, всегда необходимо предполагать наличие полной внутренней ясности сознания. Если же продолжаешь восходить от инспирированного имагинирования к интуиции, то выявляется нечто подобное тому, что выявилось в начале нашего рассмотрения. Тогда мы сказали себе: „Внешний мир со своими событиями вдаётся внутрь через органы чувств, как через лиманы, так что мы его встраиваем в органы чувств примерно так же, как мы с нашими математическими линиями и образованиями строим мир снаружи”. — Итак, налицо вдвигание, реально существующее вдвигание внешнего мира в нашу пространственную внутреннюю организацию по эту одну сторону нашего человеческого тела. Если же всё то, что я описал, доходит определённым образом на другой стороне до интуиции, то получаешь подобное переживание. Получаешь такое переживание: тебе прежде всего теперь известно, что всё переживаемое тут во внутреннем человеческого существа есть нечто в себе самом абсолютно необъяснимое, пожалуй лучше сказать, по сути дела незаконченное. Когда самого себя узнаешь через интуицию, находишься в сущности в довольно неудовлетворённом состоянии, пока остаёшься при этом самопознании. При инспирированном имагинировании, когда это касается самопознания, наступает даже определённое удовлетворение. Узнаёшь, чем являются в человеке ритмические системы. Это трудный процесс познания. Это процесс познания, с которым, собственно, никогда не можешь разделаться, потому что он на самом деле вводит в бесконечные развёртывания. Но при этом познании всё-таки получаешь внутреннее осознание: ты узнаёшь себя в своей связи с миром, ты можешь сформировать — и благодаря этому определённым образом продвинуться в само человеческое внутреннее — вполне определённые конкретные познания, например, те, которые я привёл вчера о связи здорового организма с космическим окружением, а также о связи больного организма с космическим окружением.

Кое-что, приводимое здесь во время предыдущего курса⁴³, я хотел бы привести ещё раз. Можно, например, через это инспирированное имагинирование увидеть, как в действительности должна вести себя человеческая организация, чтобы она могла восприни-

мать нечто вроде органа чувств. Тут человеческая организация предрасположена — в определённой мере наружу — к этому органу чувств. Эта человеческая организация проявляет себя так, что посылает в направлении каждого отдельного чувства определённую, если я могу воспользоваться этим выражением, систему сил. Но можно обнаружить, что на другой стороне, по ту сторону перекрёстной связи, существующей у этой системы сил для какого-либо

чувства, выступают похожие тенденции в аномальных случаях, когда даже вполне нормально и правильно организованное для возникновения чувства, определённым образом появляется на неподходящем месте, так что такая система сил оказывается присоединённой к какому-либо человеческому органу, который не должен быть органом чувств, который должен иметь какую-то другую организацию. Это присоединённое бытие некой системы сил на другом месте, то есть в известной степени метаморфизированное появление системы сил, которая основана на некоем определённом месте человеческой организации, на каком-то другом месте, вызывает в человеческом организме аномалию. И эта особая аномалия, о которой я здесь говорил, влечёт за собой последствие — на месте появления такой неуместной системы сил возникает опухоль. Таким об-

разом, внутри организации в более сложных отношениях реально открываешь то, что Гёте в своём учении о метаморфозе всегда искал для более простых отношений. Узнаёшь, как то, что является оправданным как отношение развития сил в одном направлении, то есть в определённой преобразованной форме, в другом направлении становится предпосылкой болезни. Если сумеешь теперь обнаружить, какие внешние силы в окружении человека в царствах природы как-то связаны с теми силами, которые, например, лежат в основе чувственной организации (я говорил, что, обозревая чувственную организацию посредством имажинативного познания, а потом придя ещё к инспирации, обозреваешь вещи всё ещё внутренне, а обозревая чувственную организацию, можно обозревать и растительную организацию; тогда получаешь наглядное представление о связи внутренней организации с внешней организацией), найдёшь то, что во внешнем мире сочетается с этой чувственной организацией; этим найдёшь правильную связь и тогда получишь наглядное представление о лечебном средстве при болезненно метаморфизированном образе сил.

Вы видите здесь, как то, что я вам описал, расширяется не уносясь грёзами в бледно-голубое, чтобы, скажем, добыть некую туманную мистику, которая может дать человеку некоторое душевное наслаждение. На самом деле это чуждо подразумеваемой здесь антропософски ориентированной духовной науке. Эта духовная наука стремится серьёзно и точно проникнуть в истинные отношения мира. Пусть здесь сегодня многое, что может быть представлено на этом пути, пока характеризуют как зачаточное — это сразу следует признать справедливым, — только вот кое-что, например прочитанное мной для врачей и изучающих медицину по патологии⁴⁴ и терапии в прошлом весеннем курсе, который в скором времени я продолжу⁴⁵, произвело на слушателей, как я полагаю, основательное впечатление. В действительности впечатление произвело то, что здесь представлено нечто, способное пополнить и оплодотворить внешнее наблюдение и внешнее экспериментирование благодаря созерцанию внутренних отношений, природного бытия и вообще бытия мира, и в чём современники должны были непременно

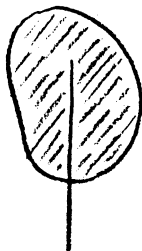
увидеть наличие некоего усилия найти то, по поводу чего из внешней науки многократно выдвигались лишь вопросы, но не проявлялась какая-либо возможность найти на поприще внешней науки по меньшей мере прозрачные ответы на эти вопросы.

Если же продвигаешься дальше в этом познании, которое повсюду должно удерживаться уж не в абстрактном, а в конкретном схватывании духовно-реального, то приходишь прежде всего именно к тому, чтобы сказать себе: на другой стороне человеческой организации находится нечто подобное тому, что является вдвижением (Hereinragen) внешнего мира в чувственную организацию. — Я говорил: «Если с интуицией приходишь к самопознанию, то данное интуицией в качестве самопознания непременно обнаруживается как нечто незаконченное, и это постигаешь только тогда, когда распознаешь, что здесь на другой стороне существует перевёрнутое отношение, подобное тому, какое существует на первой стороне у

чувственной организации». Органы чувств являются некоторым образом лиманами, в которые вдаётся внешний мир со своей закономерностью. На другой стороне дело обстоит так, что весь человек, который в интуиции ведь превращается в орган чувств, теперь вдвигается в духовный мир. Там внешний мир вдаётся в человека, здесь человек вдаётся во внешний мир, разумеется в духовный внешний мир. Поэтому на самом деле здесь это происходит так, что, пока тут наверху — я начертил это для организации глаз — человек имеет определённую деятельную связь с измерением глу-

бины, для интуиции, прежде всего в той мере, в какой он с этой интуицией пребывает в самопознании, он получает определённую связь с измерением высоты.

Так в чувственном восприятии получается нечто совершенно аналогичное, только лишь перевёрнутое. Оказывается, что человек посредством интуиции вставляет себя как целое в духовный мир. Как внешний чувственный мир вдвигается через органы чувств, так человек сознательно вставляет себя в духовный мир через интуицию; и это осознанное встраивание человек ощущает подобно тому, как соответственно чувству он ощущает себя в восприятии противопоставленным внешнему миру. И это ощущение себя в духовном мире, смутное переживание стояния внутри в духовном внешнем мире и называют в обычной жизни интуицией. Эта интуиция как раз пронизывается светлой ясностью, когда добиваешься такого познания, как я описал. Однако судить мы можем благодаря тому, что по одну сторону человеческих отношений с внешним миром определённым образом имеем восприятие. По другую сторону вместо восприятия мы имеем даже нечто смутное, что сперва должно быть проработано. Так же как восприятие обрабатывается благодаря рассудку, благодаря разуму и потом в восприятии обнаруживаешь законы, так и на другой стороне существует нечто, что пока находится с человеком в таком же смутном отношении, как и восприятие, и что только потом должно быть обработано, должно быть пронизано именно внутренним, достигнутым ныне познанием, как прежде внешнее восприятие должно было пронизываться математизированием, короче, тем внутренним познанием, которое должно завоёвываться путём обычного переживания.

То, что получаешь тут пока в обычном переживании в ещё смутной интуиции, есть переживание веры. Так же, как один полюс человеческого существа, обращённый к внешнему чувственному миру, получает переживание восприятия, так и весь человек благодаря своему смутному внутреннему стоянию в духовном мире имеет переживание веры; и так же, как восприятие может быть пронизано разумом и интеллектом, так и находящееся в смутной, приглушённой жизни веры может быть озарено всегда прогрессирующим познанием, и тогда то, что здесь является переживанием веры, становится научным результатом так же, как на другом полюсе научным результатом благодаря обработке является восприятие. Так обстоят дела. Изображаемое мной здесь как раз и является продвижением через внутреннюю духовную работу к преобразованию обычного переживания веры в переживание знания, в переживание познания. Для продвигающегося в эти регионы нечто подобное непременно происходит прежде всего тогда, когда он преобразует переживание веры в переживание познания аналогично тому, как он противостоит восприятию и это восприятие обрабатывает достигнутым математически или иначе как-либо логически. Вы видите, как внутри вещи разделяются друг в друге, и рассказанное мной здесь вовсе не является чем-то сконструированным, а является описанием переживания, которое может быть испытано человеком при переживании того, что развивается, начиная с периода детства, когда рассудок и интеллект ещё не используются, до того жизненного периода, когда как раз и пользуются рассудком и интеллектом.

Однако теперь со всеми этими переживаниями связаны другие. С этим, например, связано следующее. В тот момент, когда продвигаешься к инспирированному познанию, как я вам описал, уже получаешь эту панораму жизни, которая возвращает в очень ранние периоды детства, иногда вплоть до рождения. И так, получаешь внутреннее созерцание. Но только, если наступает инспирированное познание, с этим инспирированным познанием, являющимся до определённой степени дальше развившимся забыванием, наступает то, что я должен охарактеризовать как некое полное погашение

воспринятого ранее органами чувств из окружения. Итак, наступает состояние, когда собственное внутреннее, а именно временно-внутреннее вплоть до рождения, становится объектом, и когда на самом деле чувствуешь себя теперь во внешнем мире субъективно, но субъективно пока пустым внутри, — не внутри своего тела, а во внешнем мире. Только когда достиг, я бы сказал, этого усиленного забывания, благодаря чему на момент познания гасится внешний мир, полученный через чувства, тогда через соединение этого переживания с интуитивно достигнутым наступает то, что я должен охарактеризовать следующим образом.

Вот ты пережил имагинацию. Знаешь, что имагинация к чему-то относится. Но необходимо непременно уяснить себе, что вначале она имеет образный характер, что хотя она и относится к реальности, но в сознании она прежде всего имеет только образное. Если продвигаешься вперёд через инспирацию, то продвигаешься от образного к принадлежащему духовно-реальному. Если достигаешь момента, когда через инспирацию полностью гасится внешнее чувственное восприятие, то возникает некое содержание, которое, собственно, может обнаружиться только теперь. Возникает содержание, которое совпадает с нашим бытием до рождения, или лучше сказать до зачатия. Теперь мы учимся всматриваться в наше человеческое душевно-духовное существо, каким оно было, прежде чем оно овладело из потока наследования физической организацией. Итак, имагинация наполняется реально-духовным содержанием, представляющим собой нашу дорождённую жизнь. Охарактеризованное таким образом вероятно для многих людей нынешнего времени ещё покажется чем-то парадоксальным. Только можно ведь сделать не более, как точно сообщить место, где в процессе познания возникает такое созерцание духовно-душевной собственной личности (Selbst) человека, то есть, где называемое обычно вопросом бессмертия действительно получает уже истинно реальное содержание. Тогда конечно тоже возникает подробный просмотр другого полюса человеческой организации. Если в таком роде, как я описал, проникаешь в то, что сперва было интуитивной верой, возводишь это до познания, то возникает возможность отнести

имагинацию к условиям после смерти, хотя и в ином роде, чем в только-что охарактеризованном случае. Короче, то, что я назвал бы вечным в человеке, становится наглядным представлением. И если интуиция развивается до точки, до которой она вполне может прийти, то определённым образом внутренне развиваешь сперва истинное «Я», и затем внутри этого истинного «Я» — здесь я могу это пока только обозначить — наглядно возникает то, что в антропософской духовной науке я всегда называю повторными земными жизнями. Познание того, что до зачатия ты был духовно-душевым существом, что после смерти будешь духовно-душевым существом — это познание даётся инспирированному имажинированию. Познание же о повторных земных жизнях даётся только добавленной интуиции.

В сущности точно так же открываешь, если только продвинулся к этой области, всё значение пробуждения, засыпания и вообще состояния сна. В определённой степени через углубление, приводящее познание к полюсу восприятия, открывается являющееся обычно бессознательным переживание засыпания. И затем на другом полюсе, на полюсе интуиции открываешь переживание пробуждения. Между ними переживание сна. Только я хотел бы охарактеризовать это ещё следующим образом. Я бы сказал: если человек засыпает со своим обычным сознанием, то просто наступает состояние, когда сознание полностью погашено, приглушено. Это пустое сознание, в котором человек живёт между засыпанием и пробуждением, даёт ему созерцание состояния, о котором он просто ничего не может знать со своей собственной субъективной точки зрения. Состояние, в котором пребываешь во время инспирированного имажинирования, является неким абсолютным подобием. Точно так же, как и во время сна, умолкают чувства, умолкают импульсы воли. То, что участвует в человеческой субъективной деятельности, умолкает как во время сна, так и при этом инспирированном имажинировании. Разница по сравнению со сном состоит в том, что во время сна сознание пустое, а в том состоянии инспирированного имажинирования сознание наполнено; фактически имеешь внутренние переживания независимо от чувственного

восприятия и волевого импульса, следовательно в определённой степени осуществляется бодрствующий сон и как раз благодаря этому приходишь к возможности изучать жизнь сна.

С этими переживаниями связано ещё кое-что другое, на чём я остановлюсь только кратко — об этом здесь на историческом семинаре сегодня утром я уже говорил⁴⁶. Как раз с охарактеризованными сейчас здесь переживаниями связано то, что возникают вновь собственно все исторические проблемы. Возможно вы когда-нибудь уже задумывались или же следует слегка задуматься о том, какое же всё-таки предвстие имеет история, называемая нами так в научном смысле, в таких историках, как Геродот⁴⁷ и другие, как в действительности возникла наша историография с тех пор, как зародилась особая рассудочная культура, которая тоже получает в эксперименте своё особое удовлетворение, так что можно сказать: „То, что, с одной стороны, научно находит особое удовлетворение в эксперименте, с другой стороны, удовлетворяется в так называемой сегодня внешней историографии, в исторической науке”. Ведь со своей точки зрения эта историческая наука действует правильно — исторически-эмпирически: собирает даты, пытается из этих эмпирических дат составить себе картину хода истории. Только всегда можно возразить против такой исторической интерпретации эмпирических фактов, имевших место в развитии человечества; ведь обстоятельства могли бы развиваться и иначе, и сегодня утром я прямо показал, что, например, Данте⁴⁸ как-нибудь мог умереть будучи мальчиком, и мы оказались бы тогда перед вариантом не воспринять переживаемое нами внешне-эмпирически в Данте при рассмотрении истории так, по крайней мере в пределах нашего рассмотрения, как нам это выступает навстречу через Данте. На самом деле для того, кто уж не довольствуется внутренне завершёнными тирадами признания, но поистине добивается познания, возникают чрезвычайные трудности во время созерцания исторического становления.

Например, посредством внешних опытно-исторических фактов люди изучают, скажем, реформацию. Я не могу приводить здесь все частные обстоятельства, для этого не хватает времени, но вы

можете довольно легко собрать факты, относящиеся к философии или другого рода — это как раз совершенно нельзя игнорировать: если бы монах Лютер⁴⁹ рано умер, я хотел бы знать, что зафиксировала бы историография такого рода, какой её получают именно как чисто внешнюю опытную историографию! Всё-таки что-то совсем иное, нежели можно сегодня зафиксировать. Тут возникают вполне серьёзные трудности для характеристики исторического познания. И дело заключается в том, чтобы непременно осознавать, что это полностью оправдано, когда говорят: „Кто начинает теперь заниматься философией истории и либо хочет разъяснить нам ход исторических событий, поскольку он может эмпирически проследить их, из некоей более или менее абстрактно-идейной необходимости, либо хочет по образцу стринбергиады открыть род преднамеренности, тому само собой разумеется необходимо возразить, что такую преднамеренность или внутреннюю идейную необходимость он нашёл бы также и в том, что происходило бы на месте рассматриваемой нами сегодня реформации, если бы монах Лютер будучи маленьким мальчиком умер и других реформаторов пожалуй тоже не существовало бы”.

Такие вещи конечно необходимо очень тщательно рассматривать, и возможность довести эти дела до завершения выявляется отнюдь не на поприще внешнего эмпирически-исторического наблюдения. Но наблюдение становления человечества на ступени такого познания, какое я вам здесь охарактеризовал, даёт всё же нечто иное. Оно, например, свидетельствует — я приведу конкретный пример, — что силы, которые господствовали в европейской цивилизации приблизительно в середине IV столетия после Рождества Христова, очевидно совсем иначе предстали бы для внешнего духовного исследования, если бы в период, заключённый примерно между Константином⁵⁰ и Юлианом Отступником⁵¹, можно было бы заметить какую-либо, такую же мощную для созерцания, индивидуальность, как Данте. Здесь налицо проблема⁵² (я здесь совершенно открыто сознаюсь, что я с этой проблемой ещё не справился, но в дальнейшем эту проблему можно будет пронаблюдать), здесь налицо совершенно конкретная проблема. Я не готов в

том отношении, что в настоящее время не могу вам сказать, исчезли ли важные документы, важные вещи именно в период, скажем около 340 или 350 года, из-за какого-либо происшествия, так что о самых важных личностях ничего не известно во внешней истории; либо случилось так, что такая значительная личность умерла в юности, или же многие такие значительные личности погибли в очень беспокойное, очень воинственное время. Но налицо то, что в это время там разыгрываются силы, которые не могут быть прослежены сегодня внешней историей и прослеживание которых внешней историей могло зависеть лишь только от того счастливого обстоятельства, что в том или ином монастыре могли бы открыть ещё какие-нибудь документы. Но для духовного исследователя абсолютно очевидно, что эти силы разыгрываются, что они присутствуют, и тогда он проявляет себя в сфере исторических рассматриваний, где для него исторические силы уж вовсе не отвлечены от внешних отношений.

Когда смотришь на Данте — знакомишься с ним, узнаёшь его внутренне, пытаешься снова оживить его в своей душе, когда знакомишься также с господствующими и находящимися в процессе становления силами эпохи Данте, тогда это является внешним процессом познания. То, к чему стремится духовный исследователь и для эпохи Данте, выглядит, правда, всё же несколько иначе, чем то, что может быть получено только из внешних документов, из «Комедии»⁵³ и так далее. Однако ему можно, конечно, вполне возразить, что ведь он сам мог бы спутать то, чего он достиг через внешнее восприятие, с тем, что он имеет через внутреннее созерцание. Но где внутреннее созерцание действует так, что точно знаешь, что в какую-то эпоху, например в указанную, внешние происшествия совсем не совпадают с внутренними событиями, там в самом деле действуют духовные силы, и тогда дело развивается так, что изображаешь историю (именно эту часть истории я уже, впрочем, однажды охарактеризовал⁵⁴ для определённого круга слушателей), глядя только на внутренне увиденные силы. Ведь рассмотрев эти силы внутренне, догадываешься, что они могут жить внутренне или кого-либо пронизывать. И вот для этой эпохи

следует считать чудом внутреннего познания, если смог извлечь из фантазии (ausphantasieren), какие собственно силы стали действительными, например, в Юлиане Отступнике, то есть извлечь нечто такое, что для того времени можно проследить только духовно.

Тут достигаешь ступени исторического способа рассмотрения, о которой можно сказать, что созерцаешь непосредственно первичные духовные силы исторического становления и ощущаешь некое разъяснение становления человечества как раз в тех его частях, где пропало внешнее, хоть в письменном виде, хоть через людей, которые просто не изжили себя полностью, и где в самом деле надо помочь внешней истории с помощью увиденного внутренне. Именно этим результатом познания сперва возмещается то, что затем с полным правом позволяет говорить о духовно-реальном позади явлений, происходящих в историческом становлении. Это та точка, от которой восходишь, чтобы затем сказать о таких существах, которых я изобразил в моей небольшой книжке «Духовное водительство человека и человечества»⁵⁵. Такому изложению, которое приведено в моей книжке «Духовное водительство человека и человечества», непременно должно предшествовать это созерцание чего-то исторического, которое, по сути дела, не присутствует на внешнем историческом пути. Только тогда, если вообще стремишься быть человеком ответственным за своё познание, чувствуешь себя готовым, именно исходя из созерцания, сказать: „Теперь возможно, исходя из здорового человеческого рассудка, способом, который я неоднократно характеризовал, подняться вот к таким действительным силам”.

Теперь же вы конечно будете возражать, что в таком случае говорить о таких существах, которых я изобразил в «Духовном водительстве человека и человечества», мог бы всё-таки только тот, кто продвинулся вперёд в таком созерцании. Подчеркнув, что говорит из созерцания, он конечно и может говорить только в рамках этой ступени познания, но ведь существует и другое, что важно принять во внимание: если именно в историческом рассмотрении мы вообще честно принимаемся за дело в созерцании фактов, если мы достаточно разумны и удовлетворительно обучены философски, чтобы

прояснить себе, какие сомнения и загадки задаются внешним историческим становлением, если честно представляем себе это становление, то относительно всех возможных моментов внешней истории подойдём примерно к такому внутреннему переживанию, какое получил астроном, предсказавший из сил гравитации существование Нептуна. Обнаружение соответствующих существ в духовной области является, собственно говоря, событием очень похожим на то, как астроном Леверрье заранее вычислил положение Нептуна⁵⁶. Научный результат он не сконструировал как-либо из внешнего исторически-эмпирического факта — либо позитивно, либо скептически, отвергая простые связи, — но пронаблюдал имеющиеся цифровые данные по их истинным свойствам и сказал себе: „Здесь что-то должно действовать”. Как астроном сказал себе, когда пронаблюдал Уран: „Он движется не так, как должен бы двигаться, судя по тем силам, которые я уже знаю; здесь должно присутствовать что-то иное, влияющее на систему этих сил”, — точно так же истинный учёный-исследователь во всевозможных положениях исторического рассмотрения приходит к обнаружению того, как вмешиваются силы. Он видит вмешательство этих сил примерно так, как тот, кто, скажем, где-то в горной породе находит известковую или кремниевую оболочку и просто из того, как выглядит эта кремниевая оболочка, вероятно, не говорит себе: „Эта кремниевая оболочка выкристаллизована из минерального окружения, — но он скажет себе: — Оболочка когда-то была заполнена, её форма обусловлена каким-либо животным, животного здесь уже нет, но об этом животном можно создать себе некое представление”. И если бы какое-либо существо, жившее в то время, когда животное жило и находилось в оболочке, пришло и рассказало, каким было это животное, то такой созерцатель животного с его рассказом о том, кто имел эту оболочку, которая является ясным отпечатком этого животного, повёл бы себя так, как и духовный исследователь, который сообщает из внутреннего созерцания тому, кто внешние факты прослеживает просто своим здоровым человеческим рассудком и из их конфигурации говорит себе: „Вот в этом ведь должно что-то быть”. Что в этом есть, это ему может сказать только ду-

ховный исследователь. Однако человек, подходящий к этому из созерцания, со здоровой логикой, с логикой фактов, со здоровым человеческим рассудком вполне может контролировать по форме, которая ему представлена, то, что говорит ему духовный исследователь.

Не нужно слепо верить духовному исследователю. Конечно, для обнаружения таких вещей, какие я описал в «Духовном водителстве человека и человечества», необходимо духовное исследование. Но если это представлено, то тому, кто затем проверяет факты, кто может собрать всё, что ему хоть как-то доступно, духовный исследователь должен совершенно открыто разрешить: „Ты можешь и должен меня как следует одёрнуть, если найдёшь что-нибудь противоречащее внешним фактическим результатам, которые должны были бы выступать в мою защиту, если бы моё созерцание было правильным”.

Ведь такие обстоятельства в нашем дружественном кругу возникали неоднократно, скажем, с толкованиями Евангелий, полученными из чисто духовного исследования. Они возникали даже в таких случаях, как приведённый сегодня утром. Я ведь занимался различной литературой. Но литературное произведение, приведённое сегодня утром доктором Штайном⁵⁷ ради даты смерти Христа, судя по автору, было мне до сегодняшнего дня неизвестно. Его я никогда не видел. Однако, оно не является разумеется чем-то, на что можно сослаться во внешнем объективном доказательстве, я говорю это здесь только в скобках. Но такие вещи уже случались внутри нашего круга, когда появлялись свидетельства, которые тоже следует воспринимать непременно объективно. И это ведь проистекает из того, что эта чисто субъективная степень убеждения, которую имеют многие наши друзья благодаря живому пребыванию (Drinnenstehen) в духовнонаучной работе, основывается не на слепой вере, а на сопереживании именно этой работы духовной науки, и поэтому другим тоном говорят те, кто многие годы принимал участие в этой работе духовной науки, нежели тот, кто говорит, исходя только из теории.

Это те вещи, которые, как я полагаю, вполне показывают, как в развитии человечества связаны — я бы так их назвал — современное положение науки и познавательная ситуация. Конечно, всё имеет предварительные ступени. Так же предварительные ступени имеет и экспериментирование. Но всё то, что было экспериментированием до новейшей эпохи человечества, всё же является чем-то примитивным против совершенного экспериментирования, о котором мы сегодня вполне осведомлены. Это усовершенствованное экспериментирование, если его, я бы сказал, воспринимаешь в своё внутреннее переживание, непременно имеет нечто, в свою очередь требующее с другой стороны, чтобы добытое в эксперименте, в том эксперименте, который выстраивается разумом (уже в устройстве опыта это происходит так: то, что переживаешь, переживаешь не в эксперименте, а в процессе экспериментирования, в организации эксперимента), чтобы это добытое в эксперименте вызвало в душе нечто, делающее необходимым, с другой стороны, духовное познание. Мы познание отодвинули от голого наблюдения вглубь экспериментирования. Если переживаешь, как отличается узнанное через эксперимент от узнанного через одно только наблюдение, то получаешь некое стремление в свою очередь подойти с другой стороны от обычного самосозерцания к повышенному самосозерцанию, которое дано на пути познания, как я его описал. Эти вещи связаны. Можно сказать, стремление, которое, как я полагаю, абсолютно необходимо для истинно познающего человека, — стремление к другой стороне экспериментирования, оно исторически непременно существует из первоначального отношения к самому экспериментированию. И научный результат, полученный нами во внешней природе, во многих отношениях в действительности ставит нам ведь только вопросы. И от правильной постановки вопроса даже очень сильно зависит, получишь ли правильный ответ.

То, что нам дано многократно именно через современное естествознание, для духовного исследователя является, собственно говоря, только постановкой вопроса. Рассматриваешь ли существующее, скажем, в современной астрономии, рассматриваешь ли существующее в современном химическом воззрении — когда эти по-

знания усваиваешь, с необходимостью возникает вопрос: как, однако, эти процессы относятся к происходящему в самом человеке? Именно из научных результатов, возникших благодаря встраиванию наблюдения в эксперимент, на другой стороне возникают постановки вопросов, которые касаются связи человека с миром. И таким образом неоднократно ощущается, что современная наука задаёт духовнонаучные проблемы тому, кто эту науку переживает, а не только теоретизирует по её поводу, так что он может продвинуться к духовнонаучным проблемам, только исходя из постановки вопросов, которые ему даются. В 1859 году Дарвин мог бы остановиться⁵⁸ на том, что он дал в таком чрезвычайно терпеливом и до определённой степени даже педантичном изложении. Для того, кто изучает эти вещи задним числом, то, что Дарвин полагал научным результатом, всё же превращается в некую постановку вопроса.

И тогда-то помогает переживание, полученное в эксперименте. Но, с другой стороны, приходишь к осознанию независимого в себе существа математики. Если исследуешь, для чего, собственно, эту математику применять до такой степени, что из этого применения получается внутренне удовлетворяющее познание, то всё, являющееся сутью наблюдения и сутью математизирования, смыкается в суть добытого через математику, в суть познания природы. Что же это такое, что переживаешь в эксперименте? Что возникает вследствие того, что чувствуешь себя приведённым к необходимости добывать теперь и во всём этом такое познание, которое вполне может осмелиться войти даже в процесс исторического познания? Становишься склонным повсюду искать такие связи, нити которых как раз не даны в пределах материала современной науки. Но если овладеваешь тем, что вносит порядок в эту связь, то чувствуешь, как я сегодня вам указал, что на пути от познания природы человека вверх к историческому познанию раскрываются в себе высокие существа, чисто духовно-душевные существа. Но когда приходишь к этому, тогда открываются и врата для созерцания самого независимого в себе духовного мира.

Мои глубоко уважаемые присутствующие! Я знаю совершенно точно, как много неудовлетворяющего должны содержать именно эти эскизные, краткие доклады. Но я предпочёл докладу на узко ограниченную тему доклад более широкого обзора, однако имеющего во многих частностях пробелы, чтобы благодаря ему вы стали немного информированы о том, в чём, собственно, заключается движение вперёд подразумеваемого здесь духовнонаучного познания и на что оно нацелено; и чтобы вы получили также ощущение того, что, конечно, преследуется цель, которая не хочет быть произвольной, дилетантской и фантастической, но которая, особенно в отношении своих методов, стремится к той максимальной точности, какую мы имеем только в научном. Ибо то, что математика является такой точной, какая она есть, всё же проистекает исключительно от того, что в известной степени мы переживаем эту математику внутри. И как в платоновское время знали, почему выражение «Бог геометризует»⁵⁹ использовали в качестве надписи на школе, и знали, что те, которые входили, определённо были подготовлены геометрически-математически, так и современная духовная наука знает, почему она использует освещённое светлой внутренней ясностью математизирование для характеристики того, что собственно она хочет. Если у вас возникло впечатление, что именно судя по методу развития этой антропософски ориентированной духовной науки мы имеем нечто такое, чем можно некоторым образом заниматься и о чём можно размышлять, задавая себе вопрос: может ли отсюда исходить какое-либо плодотворное влияние на наши остальные науки? — и эти науки не должны быть этим дискредитированы, а как раз благодаря этому должны быть приведены к своей истинной ценности; и если мы достигли этого благодаря этим кратким и, как я знаю, в определённом отношении очень недостаточным докладам, то цели, которые я стремился положить в основу этих кратких рассуждений, всё же достигнуты.

Восьмой доклад

Штутгарт, 23 марта 1921 г.

Мы заканчиваем наш курс высшей школы⁶⁰. Прочитано несколько докладов личностями, которые уже давно работают в нашей антропософской духовной науке. Мы провели также несколько семинарских занятий, предназначавшихся для расширения того, что более или менее кратко было изложено в различных докладах. Отмечая, что для уважаемых участников позади осталось наполненное работой время, мы, с другой стороны, должны в свою очередь обратить внимание на тот способ, каким надлежало заполнить это время, исходя из характера нашего мероприятия. Мы ведь не могли делать ничего другого, кроме как определённым образом через отдельные окна впускать в здание свет, который, как мы полагаем, имеется в нашей антропософски ориентированной духовной науке. И если вы поразмышляете о том, что внутри пространства, которое через такие символически подразумеваемые окна открывается в направлении движения духовной науки, таится богатая и связанная в себе работа различнейшего рода, которая конечно предполагает, что непосредственно за ней, так как она ведь только начинается, последует ещё гораздо большая работа; если вы всё это обдумаете, то увидите, что, конечно, в ходе этих мероприятий могло проявиться лишь очень небольшое из того, что, я бы сказал, в соответствии с замыслом в большей степени заключено в тех или иных подобных наших мероприятиях.

На такие мероприятия, как это, мы особо намереваемся, принимая во внимание все направления, привлекать студенчество; и к нашей радости теперь уже нередко оно стало появляться в большом количестве. И обратив внимание на это наше желание, вы, по крайней мере, увидите, что мы стремимся осознать для себя этот чрезвычайно значительный и радостный для нашего движения факт. Ибо первое, что мы хотели бы показать, пусть ещё таким эскизным образом, что в этом антропософском движении господ-

ствует истинная научность. Если же за ним в духовных замыслах господствует ещё и кое-что иное, оно сможет показать это несколько иным способом. Благодаря этим мероприятиям прежде всего должно быть показано, что за ним, хотя бы согласно желанию, царит научное, серьёзное научное стремление. Но сегодняшняя обстановка такова, что понимающий эту обстановку должен сказать: „Такая научность, такой дух науки, который непосредственно участвует в условиях жизни человека и человечества, всё же должен сегодня определённым образом показать себя на совершенно определённом поприще, и пожалуй может оказаться, что он покажет себя на этом определённом поприще. Это социальное поприще”.

Необходимо, чтобы из научного духа нынешнего времени происходили идеи, талантливые и мощные, чтобы нести в социальную жизнь социальное оздоровление. Сегодня недостаточно иметь научный дух, призывающий человека в оторванное от мира бытие, но нам необходим научный дух, который развивает в человечестве то, что этому человечеству может дать импульсы для оздоровления нашего социального бытия. Социальные вопросы присутствуют здесь, во многих отношениях загадочно, настоятельно требуя, а во многих отношениях даже угрожая; и тот, кто хоть чуточку понимает своё время, должен сказать себе: „Сегодня требуют решения вопросы, которые могут быть решены только тогда, когда те, кто принимает в себя научный дух, поймут условия социальной жизни”. Мы полагаем познавать это, исходя из значительнейших знаков времени. Из этого познания возникло антропософское движение; — художественно, научно, иначе говоря, культурно — задуман центр нашей работы, дорнахское сооружение, свободная высшая школа духовной науки — Гётеанум в Дорнахе. Мы стремимся отдавать себе отчёт в том, что, исходя из подлинной научности, мы можем оживить в себе такие импульсы, которые могут теперь и социально стать действенными.

Что ж, мы попробовали скомпоновать наши доклады и начать нашу семинарскую работу так, чтобы можно было понять, как мы

со стороны антропософского движения стремимся к истинному научному духу, как далеки мы от всякого сектанства или учреждения религии и тех вещей, которые приписывают нам с той или этой стороны, где нас или не знают вовсе, или знают очень плохо, или хотят злонамеренно оклеветать. Но научный дух не может проявляться в эмпирическом содержании того, что преподносится научно, и какое-либо содержание опыта, будь оно физически-чувственного или же сверхчувственного рода, изначально было бы исключено из научности; само оно не было бы проникнуто научным духом. Научный дух может себя проявлять только в способе рассмотрения. Научный дух может проявлять себя только в добытой методике, и только на ней можно проверить, выдержано ли в научном духе то, с чем мы знакомим мир из чувственного или сверхчувственного опыта, чтобы оценить, достигаем ли мы в способе рассмотрения, в нашей методике духа научности, господствующего в признанной науке. Добиваемся ли мы этого способом рассмотрения, образом мышления, научной добросовестностью — только это мы трактуем как оправданный дискуссионный вопрос; мы рассматриваем это как некий дискуссионный вопрос и в отношении того, насколько, в какой мере нуждается в корректировке этот научный дух, когда он доводится до нашего круга. И, пожалуй, можно было убедиться в том, что в области этого способа рассмотрения, этой методологии, но не в области содержания какого-либо опыта, надо разбираться в том, что можно решить по поводу научности нашего движения. И если нас можно уличить в том, что тут или там на каком-нибудь поприще мы действуем нелогично, дилетантски или ещё как-либо ненаучно, — так и поступайте. И так как мы серьёзно заинтересованы в соответствующем дальнейшем продолжении наших духовнонаучных стремлений, мы, никак не упираясь, позволим осуществить в нашей работе соответствующие улучшения, если удастся доказать, что мы подошли к делу нелогично, по-дилетантски. И в этой связи мы никоим образом не будем отрицать принцип прогресса. — Настолько выше то, что должно находиться в основе дискуссии о научности или ненаучности наших стремлений.

В социальной сфере мы стремились проверить в жизни то, что кажется нам проистекающим из нашего познания мира. В определённой мере мы включили в реальную дискуссию то, к чему, мы полагаем, надо стремиться как к истине в отношении познания человека и человечества. На семинарских занятиях мы показали, как движение Вальдорфских школ⁶¹, сформировавшееся в результате антропософского движения, по живой практике учебной и воспитательной трактовки человека призывает в известной степени к реальной дискуссии — действительно ли может обнаруживаемое нашей духовной наукой выдержать испытание подготовкой будущего человека; и мы хотим, чтобы поняли, что нам вовсе не нравится переутомлять себя лишь бесплодными теоретическими дискуссиями, но что мы стремимся дать самой действительности проверить то, чего как истины, мы полагаем, необходимо добиваться. „Только то истинно, что плодотворно”,⁶² — говорит Гёте. И тот, кто далеко ушёл от философии современного прагматизма⁶³ или философии „Als-Ob”⁶⁴, тоже должен проверять истину на её плодотворность. В гётевском смысле мы вполне можем согласиться с тем, что являющееся плодотворным доказывает свою истинность также только перед действительностью, особенно если речь идёт о социальных истинах. Если проистекающее из духовной науки наполнено жизнью и полным жизни может в свою очередь вливаться в жизнь, и если эта жизнь может показать, что происходящее под влиянием узнанной или воображаемой истины является чем-то таким, что встраивает человека в бытие хорошо, энергично, с внутренней уверенностью, с радостью и силой к работе, то это в некотором отношении всё-таки является реальным доказательством для истины, к которой мы стремимся. С другой стороны, мы попытались с помощью реального доказательства, я бы сказал, сделать кое-что, находящееся ещё, конечно же, в самом начале. Мы исследовали для «будущего дня», для «будущего времени» экономические факты, благодаря которым должно быть показано, что полученное духовным способом из действительности тоже даёт возможность увидеть в правильном свете факты практической жизни.

Сегодня, может быть, ещё не время говорить о том, что эти факты как-то примерно уже показали бы, что они соответствуют предпосылкам. Однако по меньшей мере одно можно признать за ними в этой области, что мы всё же не побоялись то, что получено, по сути дела, в чисто духовной области, но с чувством реальности, внести в практические сферы жизни, и что всё-таки благодаря этому мы обнаруживаем, что не страшимся доводов реальности. Впрочем, как могут развиваться вещи в этой области, возможно будет решено совсем не в пользу желания, потому что в таких вещах ведь ещё в большей мере, чем в педагогике и дидактике, зависят от воздействий внешней жизни и от понимания, которое обнаруживают у своего окружения.

Если же мы пытаемся таким образом учитывать знаки времени, которые прямо ставят перед нами, я бы сказал, духовнонаучное требование (как следует из всего, изложенного здесь), которые, с другой стороны, ставят перед нами большие социальные вопросы, то мы пытаемся, но с иной стороны, учитывать, прежде всего вместе с нашими стремлениями, внутренние душевные потребности человека. Собственно говоря, тому, кто всматривается в эти вещи, ничего не стоит в некой специальной области, скажем в области естествознания или напротив в какой-либо другой специальной области, поверить, что он обладает верным методом, безошибочным научным способом разработки. Однако, не является ли выступающее в качестве науки действительно плодотворным для всего развития человечества в конце концов только тогда, когда наука включает себя в это развитие человечества так, что несёт оживление человеку? И из этой предпосылки я спрашиваю вас: „Не может ли всё-таки слишком сбивать с толку то, что подходит к человеческой душе в нынешнем университете или же в подобных организациях?“ Конечно, можно входить в физическую лабораторию, можно работать в анатомическом зале и можно намереваться работать безусловно правильным методом и все принимаемые во внимание вещи действительно просматривать и полностью (конечно относительно полностью, соответственно временным отношениям и ступени раз-

вития человечества) осмыслять. Но для развития человечества необходимо ещё и нечто иное. Необходимо то, что, пожалуй, ещё не происходит в большом объёме и по своему значению неправильно оценивается. Необходимо, чтобы тот, кто с хорошим научным умом, с серьёзной научной добросовестностью работал в химической лаборатории, в обсерватории, в клинике, теперь при случае мог бы также войти в историческую, литературно-историческую, искусствоведческую учебную аудиторию и там кое-что послушать, что живёт во внутренней общности с тем, что он выработал в своём институте. Поэтому конечно необходимо, чтобы такое единство существовало, так как вырабатываемое в отдельной социальной области всё же в конце концов должно взаимодействовать в общем процессе развития человечества, как бы отдельные люди ни специализировались, и поэтому оно должно исходить из единого источника.

Мы полагаем, что сегодня невозможно переживать это единство непосредственно, скажем, между исторической и естественнонаучной кафедрами, поэтому мы добиваемся кое-чего, что стоит за совокупностью научной работы и что может быть получено из принадлежащего всеобщему — из духовной реальности. Мы стремимся к познанию этой духовной реальности; мы пытаемся своими слабыми силами приобрести этому познанию духовной реальности его авторитет и его право; на этом и на подобных мероприятиях мы определённым образом добивались, чтобы вы, мои уважаемые товарищи, увидели, как мы этим занимаемся, как мы это осуществляем; и мы удовлетворены тем, что вы пришли. И если я лишь вскользь могу указать на специальное, то с этим ничего не поделаешь. Один многолетний сотрудник⁶⁵ нашего духовнонаучного движения как-то недавно имел со мной разговор. Он указал на то, что я непременно должен бы рассказать из духовнонаучных подоснов о двух мальчиках Иисусах. Никогда прежде он мне не говорил о своём намерении добросовестно разобраться в этом вопросе на чисто внешнем поле. Он сказал мне об этом совсем недавно, когда прекратил свои исследования. Он мне сказал, что полностью сравнил друг с дру-

гом Евангелия и путём простого сравнения Евангелий обнаружил, что эти Евангелия получают единый смысл согласно определённым приведённым фактам только тогда, когда их рассматривают с той точки зрения, которая недавно обнаружена духовнонаучно.

Пусть так происходит во всех областях. Когда так поступают, тогда у нас нет ни малейшего беспокойства по поводу того, сможет ли выстоять наша духовная наука. Ибо мы не боимся испытания, каких бы частных оно не касалось. Мы не боимся проверки. нас беспокоит лишь то, что приближается к нашему воззрению, не проверяя, не принимая участие именно в проверке частных. Чем добросовестнее будут проверять, тем спокойнее мы можем быть с нашим духовным исследованием. Осознание этого мы несём в своём наивнутреннейшем, и только с таким осознанием мы наконец можем брать на себя ответственность за то, что мы призываем вас и побуждаем к стремлению строить свою жизнь, исходя из науки и научного духа. Мои уважаемые товарищи, у нас ещё нет возможности предоставлять вам условия внешней жизни в таком роде, как вам их могут предлагать там, где порой так странно отклоняют наши стремления. Но, исходя из того, что вы пришли, мы вероятно имеем право заключить, что среди современной молодёжи всё же есть души, которые прежде всего интересуют истина и стремление к истине. Поэтому мы от чистого сердца сознаёмся (это может быть сказано только от всей души, и я знаю, что этим я говорю то же, что и другие сотрудники этого курса сказали бы от себя), что работали мы здесь вместе с вами чрезвычайно охотно и радостно, и это ведь в определённом отношении приносит особое удовлетворение уже потому, что с другой стороны по какому-то действительно неразумному желанию сегодня так и сыплются клеветнические нападки и странным образом всё вновь и вновь требуют, чтобы мы эти нападки опровергали. Насколько можно и насколько позволяет время, мы даём опровержения. Но всё же следовало бы принимать во внимание, что тот, кто что-то утверждает, должен со своей стороны приводить аргументацию. Иначе можно было бы всякому забросить в голову любое утверждение и требо-

вать от него, чтобы он опровергал всю эту клевету. Нападки порой ведь исходят из довольно странных углов. В основе одной из таких нападков — это чаще всего прослеживается и в остальных — лежит то, что соответствующий господин, ведущий эту атаку, когда-то был одним из назойливейших членов антропософского движения (я говорю это, осознавая всю важность сформулированного мной слова), одним из назойливейших членов антропософского движения. И данный господин обратился в наше философско-антропософское издательство⁶⁶ с сочинением, половина которого была плагиатом моего ещё неопубликованного сочинения, а другая половина — спиритическим вздором. Его сочинение не могло быть принято нашим издательством, и он в несколько недель из назойливого сторонника превратился в забрасывающего нас грязью противника, утверждающего вещи такого типа: например, он приписывает мне вину в связи со злосчастным обстоятельством болезни одной личности, с которой я вообще говорил несколько раз в жизни и лишь совсем недолго. От истины подобного рода возникает такое положение вещей; и некоторым из этих вещей мир в настоящее время не верит только потому, что они ложны, в то время как, в сущности, обычно даже не предполагаешь что можно лгать настолько. Я не буду далее обременять вас этими вещами. Но этим я хотел бы только указать на ту сторону, где противник раздражается персональной клеветой, вместо того, чтобы попытаться, серьёзно дискутируя, детально остановиться на наших соображениях.

Что ж, с тем, что у нас так плохо принимают, случится так, что в некий важный момент мы конечно должны будем предстать перед доброжелательными стремлениями времени. К общему стремлению выносить просто через популяризаторов в самый широкий мир то, чем является традиционная наука в самых разных областях, так сразу присоединяться мы не можем. Но когда-нибудь соответственно нашему познанию мы, очевидно, поверим, что уже надо всё-таки вносить кое-что научное в те места, которые так часто сегодня считаются непогрешимыми и авторитет которых так велик, что от них, так полагают, можно неизменно брать то, что хочешь популя-

ризировать; так вот в эти места следует вносить кое-что научное, чего у них ещё нет — для оплодотворения их научности. Так как мы хотим не только выносить из определённых мест в широкий мир дух науки, но поскольку мы хотим вносить и другой дух науки, нас во многих отношениях так сильно не любят. Широкий мир ведь должен проверять эти вещи в полном покое и со всей объективностью. Ибо мы должны откровенно признаться, что, хотя каждый из нас убеждён во внутренней научности наших устремлений, мы вполне серьёзно нуждаемся в содействии широких кругов; и больше всего угнетает нас, больше всего заботит нас то, что так невелико количество наших сотрудников, которые действительно всецело могут стоять на своём посту. Поэтому для нас так ценно, что с некоторого времени к нам приходит студенческая молодёжь. Мы полагаемся на эту студенческую молодёжь. Мы верим, что их юная сила сможет вырастить именно то, в чём мы нуждаемся. Поэтому мы хотели бы действовать сообща на нашем поприще, прежде всего с вами, уважаемые товарищи, насколько это позволяют обстоятельства времени. Этим духом мы пытались пронизать то, над чем мы стремились работать также и внутри этого курса. Возможно, вы всё-таки унесёте с собой убеждение, что нашим стремлением является, по крайней мере, работать в этом направлении.

Я исхожу из того, что я сказал: „То, что мы могли вам предложить, я сравнил бы с неким замкнутым пространством, открывающимся через окна во внешний мир духовной науки, и мы стремились через эти окна осветить фрагменты того, что мы пытаемся проработать духовнонаучно как некий мир познания”. — Тем, что я вновь возвращаюсь к этому сравнению, из которого исходил, я хотел бы, сердечно поздравляя вас также с завершением этого курса, самым сердечным образом сказать вам: „До встречи по аналогичному поводу”, и кроме того, хочу сказать следующее: „В общем, не в моей привычке принимать в расчёт фразы, даже тогда, когда фразы освящены древностью, но я всегда хотел бы возвращаться к простому выражению истины. Великолепной фразой в нашей литературной и духовной истории являются последние слова умираю-

щего Гёте «Свет, много Света!»». — Что ж, Гёте, когда он был при смерти, лежал в маленькой комнатке в тёмном углу, и расположенное напротив окно было закрыто ставнями. Из своего знания Гёте я могу предположить, что это слово означало простую истину: «Откройте ставни!». Но вместе с тем, обращаясь еретически с великолепной фразой в отношении моего любимого и почитаемого Гёте, я всё-таки тоже хотел бы в заключение работы нашего курса провозгласить вам простое слово, сказав: к вам, мои уважаемые товарищи, к вам обращаюсь я в то время, когда мы с вами ощущаем себя в пространстве, открывающем окна в духовное познание, окна, через которые мы попытались фрагментарно впустить сюда подразумеваемый нами свет. Я обращаюсь к вам, исходя из духа, который побудил нас призвать вас сюда, я призываю вас: «Откройте ставни!».

Дискуссионное мнение

на историческом семинаре

Штутгарт, 23 марта 1921 г.

О Данте

Если бы о Данте хотели говорить в обычном стиле, то совершенно не воздали бы должное этому явлению. Надо почувствовать, что, приближаясь к великим явлениям исторического развития, по сути дела необходимо высказываться о том способе, каким воспринимается историческое становление в частном, в конкретном. При рассмотрении повседневного течения это не учитывается.

Герман Гримм привёл, например, пять человек⁶⁷, которые кажутся ему важными для развития человечества: Давид, Гомер, Данте, Шекспир и Гёте.

Прежде всего необходимо принять во внимание, что всё высказываемое исходит из предпосылки: что же было бы, если бы никакого Данте не существовало? Здесь может быть дана только одна единственная точка зрения.

Из докладов вы могли заключить, что сегодняшняя эпоха начинается приблизительно в первой трети XV столетия. Незадолго до этого времени — в XIII столетии — появляется произведение Данте. Здесь перед нами выступает нечто, своеобразно завершающее период времени, начало которого было в VIII столетии до Р.Х. Выступает личность, которая не имела строгого различения между художественно и имагинативно созерцаемым, как это имеет место у личностей, живших позже. У Данте становится единым то, что он переживает внутренне в образах и то, что потом вплетает в описания, которые даёт в „Divina Commedia“.

Мы должны уяснить себе, что он жил в мире, которого сегодня уже нет. Мир, так великолепно проявившийся благодаря Данте, не был тем миром, который был доступен только кому-то одному, —

такое восприятие было широко распространено. Мы можем доказать, что образы, которые Данте приводит в своём произведении, которые он воспринимал, жили и в его современниках, но не так, как во всеобщих мифах, а так же, как и у Данте. Только этот мир закатился и для нас законсервирован в «Комедии» Данте.

Чисто историческим исследованием сегодня пробита некая брешь в способе представления, который видит лишь возрождение в том, что всплыло потом после Данте и является характерным для последующих культурных эпох. Конрад Бурдах⁶⁸ хочет представить, что в основе того, что толковали обычно только как возрождение, лежит подъём вверх элементарных сил, и что в различных точках мира даёт о себе знать стремление, которое является не только возвратом к какому-то старому времени.

Это показывает, как строго необходимо различать между тем, что тут восходит и тем, что было прежде. То, что великолепнейшим образом выступает в поэзии Данте, поймёшь только тогда, когда полностью освоишься с ещё донаучным и дохудожественным. Выступающее нам навстречу имеешь перед собой полностью только тогда, когда воспринимаешь его из всего душевного настроения, которое возрождается (*sich darleben*) как мощное воспламенение выступившего в совсем раннем периоде. Конечно, это всё же имеет совсем иное значение, чем абстракция, которую мы сегодня воспринимаем.

Можно сказать, что именно такое произведение как «Комедия» Данте вполне указывает на необходимость пробиваться к историческим документам с душевным пониманием внутреннего мира такого периода. Ведь Данте является независимо мыслящей личностью, но, с другой стороны, он имеет сильный религиозный уклон, и можно даже сказать, что по Данте уже можно изучать религиозный элемент эпохи. Стоит только сопоставить Данте с другими явлениями его времени, например с Джотто (Giotto)⁶⁹, как обнаружишь, насколько сильнее этот творческий художник стоит внутри

первых отблесков утренней зари будущей эпохи, насколько дальше он уже ушёл от старой эпохи, в то время как в Данте можно видеть ту личность, благодаря которой, если в неё углубляться, приходишь как раз к переживанию предшествующей эпохи.

Внешний эмпирический ход истории понятен только благодаря тому, что хотя многое и не произошло, однако для него существовали духовные силы; и если эти силы проследить в отдельных личностях, то тогда можно даже дать нечто конкретное на этот вопрос: что произошло бы, если бы не жил, например, Данте.

Если основные силы, именно в рассмотрении истории, непосредственно станут жизнью, вместо того чтобы теоретически вращаться в понятиях и представлениях, то они будут способствовать срастанию человека с силами становления бытия, внутри которых ведь человек в конце концов живёт и в которых он не может оставаться невежественным, потому что действуют также и нисходящие силы, а восходящие силы должны быть осмыслены.

Примечания

*

Именной указатель

*

Обзор полного собрания
трудов Рудольфа Штайнера

Примечания

К данному изданию

К докладам: Этот курс Рудольф Штайнер прочитал внутри «Свободного антропософского курса высшей школы». Он был организован «Объединением для антропософской работы высшей школы» [„Bund für anthroposophische Hochschularbeit“] (Штутгарт, с 12 по 23 марта 1921 г.).

Документы текста: Кто записал доклады, уже невозможно выяснить. Вероятно это конспекты Карла Лехофера (Karl Lehofer), сотрудника научно-исследовательского института Грядущего дня (beim Kommenden Tag).

Для второго издания 1972 года, в границах полного собрания трудов, текст был снова просмотрен на основании имеющихся конспектов, благодаря чему в первое издание книги 1948 года смогли добавить отсутствующие места текста.

Для третьего издания 1991 года сопоставление со всеми имеющимися документами выявило некоторые небольшие поправки; отдельные из них отмечены в следующих ниже примечаниях.

К вопросу о названии тома: Объединением для антропософской работы высшей школы доклады Рудольфа Штайнера были объявлены под следующим названием: «Математика, научный эксперимент, наблюдение и результат познания с точки зрения антропософии». Принадлежит ли эта формулировка Рудольфу Штайнеру, неизвестно; однако первая публикация 1930 года в журнале „Die Drei“, а также и первое издание книги 1948 года появились с этим заглавием. Для второго издания книги в 1972 году ответственный редактор издания изменил заглавие на «Наблюдение природы, математика, научный эксперимент и результаты познания с точки зрения антропософии». Заглавие третьего издания принадлежит нынешнему ответственному редактору издания.

О рисунках: Кроме рисунков на страницах 34, 37, 38 добавлены новые рисунки. Они были предоставлены бывшим участником курса господином Конрадом Вайдлером, Хайденхайм (Heidenheim). Он в своё время срисовал рисунки Рудольфа Штайнера на досках.

Ранние публикации: Журнал „Die Drei“, 9 выпуск, 1929-1930, номера 9-12, и 10 выпуск, 1930-1931, номера 1-3.

Примечания к тексту.

Труды Рудольфа Штайнера в полном собрании сочинений (GA) в примечаниях даны с библиографическими номерами. См. также обзор в заключении тома.

Прим., стр.

№, №

- 1, 10 ...высказывание, сделанное когда-то Кантом, что во всякой отдельной науке вложено лишь столько истинного знания...сколько в ней присутствует математики. Дословно: „Я утверждаю, что в каждом частном учении о природе можно найти собственно науки лишь столько, сколько в ней обнаружено математики”. Иммануил Кант (1724-1804): Введение к «Метафизическим начальным основам естественной науки», 1786.
- 2, 11 *Иоганн Фридрих Герbart*, 1776-1841, немецкий философ, психолог и педагог.
- 3, 14 *Давид Юм высказал очень правильные слова*: Давид Юм (1711-1776), английский философ. В своём главном произведении „Enquiry concerning human understanding“ («Исследование человеческого рассудка»), первая часть, пятая глава: «Скептическое разрешение этого сомнения», 1948 г.
- 4, 15 *Мы наблюдаем внешний мир*: см. предшествующее примечание.
- 5, 20 ...о чём мы тоже будем ещё говорить: Эта тема больше не поднималась.
- 6, 26 *Платон требовал от своих учеников*: Платон (427-347 до Р.Х.) „Платон высоко ценил математику в равной мере как за её применение в жизни, так и за её формальное образовательное содержание, и за её пропедевтическое положение в умозрении, ...так и за обращение духа от материальности к мыслительному (см. с. 552 и след.). Возвышение же её до элемента духовной жизни и подготовительной школы спекуляции начал Пифагор и осуществил только Платон”. См. «История идеализма», Отто Вильман, Брауншвейг 1894, с. 394.
- 7, 26 ...высказывание Платона: *Бог геометризует*: Дословно „Бог непрерывно геометризует”. Оно приведено в «Застольные беседы» Плутарха, причём Плутарх замечает, что хотя это слово и не обнаружено ни в каких сочинениях Платона, но всё же оно звучит правдиво и вполне в его духе.
- 8, 27 ...ещё будет указано: См. доклад 8 данного тома с. 136
- 9, 28 ...в этих семи докладах: Здесь в качестве восьмого доклада добавлено заключительное слово Рудольфа Штайнера.
- 10, 30 *В своей книге «О загадках души»...происходящего в человеке при музыкальном восприятии*: См. «О загадках души», GA 21.

- 11, 31 ...при прафеноменальной волевой деятельности. О понятии прафеномена см. главу «Прафеномены» в «Предисловии к естественнoнаучным сочинениям Гёте», GA 1.
- 12, 32 ...профессор анатомии: Проф. док. Хуго Фукс, Гёттинген; см. статью Рудольфа Штайнера «Отражение одного нападения из лона университетского бытия», опубликованную в книге «О трёхчленности социального организма», GA 24.
- 13, 39 Теодор Циген (Ziehen), 1862-1950, психолог. В его «Физиологической психологии», 1 изд., Йена, 1890, 10-ая и 16-ая лекции.
- 14, 42 Там говорится, что пространство со своими тремя измерениями априори содержится в человеческой организации. См. Иммануил Кант (1724-1804), «Критика чистого разума», 1787, раздел «О пространстве», 2-я глава.
- 15, 43 Начало доклада ссылается на вопросы оппонентов и вместе с другими подобными местами текста будет опубликовано в отдельном томе GA.
- 16, 53 ...что он представляет себе по образу математизирования в образах имажинативного процесса представления. В записи «имагинирования» вместо «математизирования», что перепутано. Но путаница главным образом вызвана непоследовательной корректурой: на 9-ой строке выше нашего места речь идёт о «математическом имажинировании» и в продолжение этой характеристики и на 3 строки ниже говорится об «имагинировании» вместо «математизирования», точно так же снова 9-тью строками ниже – об «имагинированном» вместо «математизированного». При этом, стало быть, всегда подразумевалось «имагинирование» в смысле «математического имажинирования». Однако в уже откорректированной здесь строке математически подразумеваемое имажинирование сталкивается с (имагинированием) подразумеваемым в собственном смысле, что вызывает некоторую трудность понимания. Тем не менее по ошибке как раз в этом последнем месте употребление слова имажинирования в несобственном смысле не было откорректировано, оно откорректировано в двух предшествующих местах. Изначальное словоупотребление в десяти строках показывает, какое большое значение Рудольф Штайнер придавал здесь тому, чтобы подчеркнуть родство имажинирования с математизированием.
- 17, 62 ...как это имеет место, например, у Густава Теодора Фехнера: Густав Теодор Фехнер (1801-1881), физик и философ, в его главном произведении „Zend-Avesta oder über die Dinge des Himmels und des Jenseits“, 1851, 4. изд. Лейпциг 1919, с. 139 и далее.
- 18, 70 ...у меня самого...был профессор химии: Гуго фон Гильм. См. Рудольф Штайнер «Мой жизненный путь», GA 28, глава вторая.
- 19, 78 Филогенез: Учение об историческом развитии видов.

- 20, 78 *Онтогенез*: Учение о развитии отдельного индивидуума, от яйцеклетки до полностью развившегося состояния.
- 21, 79 ...*вследствие этого я вынужден был число чувств увеличить до двадцати*: После того как Рудольф Штайнер уже в 1909 году в докладах об «Антропософии», вышедших в свет в томе «Антропософия, психософия, пневматософия», GA 115, впервые выдвинул положение сначала о тринадцати органах чувств – 10 обычных и 3 сверхчувственных органах чувств, – в 1916 году в цикле докладов «Существа мира и собственная личность», GA 169, он в первый раз выдвинул 12 чувств, положение, которое он с тех пор сохранил. См. также: Хендрик Кнобель «Учение Рудольфа Штайнера о чувствах», в статье «О Рудольфе Штайнере» – Gesamtausgabe, № 14, Michaeli 1965.
- 22, 80 ...*объединением Джордано Бруно*: Союз Джордано Бруно во имя единого мировоззрения (Берлин). См. также высказывание Рудольфа Штайнера в книге «Мой жизненный путь», GA 28, глава двадцать девятая.
- 23, 80 *Теодор Мейнерт* (Meynert) (1833-1892), профессор медицины в Вене, представитель теоретико-познавательного идеализма; сочинения: „Zur Mechanik des Gehirnbauces“ (К вопросу о механике строения головного мозга), 1874, „Gehirn und Gesittung“ (Головной мозг и воспитанность).
- 24, 80 ...*гербартианцем*: Последователь Гербарта, см. примечание 2. Кто здесь подразумевается, выяснить невозможно.
- 25, 80 ...*рисунок*: Новый рисунок (см. также вступление к примечаниям «К данному изданию») совсем другой, чем прежний. Откуда возникло различие не выяснено. Новый рисунок имеет две фигуры, что является существенно точнее.
- 26, 82 *Теодор Циген*. См. примечание 13.
- 27, 86 *Мориц Бенедикт* 1835-1920. «Из моей жизни», Вена, 1906, с. 38.
- 28, 87 ...*в человеческом организме что-либо иное...нарисовать похожими*. Это место передано недостаточно полно. Слова «иное, кроме нервной системы» и «смогли» дополнены.
- 29, 94 *Платон*, 427-347 до Р.Х.
- 30, 94 *Аристотель*, 384-322 до Р.Х.
- 31, 98 ...*но не являются таковыми по содержанию*: В рукописи слова «не по содержанию» включены после «И постепенно» следующего предложения. При первом опубликовании курса в журнале „Die Drei“ (1929/30) они были вставлены в предшествующее предложение, где они соответствуют содержанию.
- 32, 102 ...*он вовсе не говорит о чём-либо, что надо искать позади феноменов*: Гёте «Изречения в прозе»: „Только ничего не следует искать позади феноменов, они сами учение“.
- 33, 106 ...*святая Тереза* (из Авила), 1515-1582.

- 34, 106 *Мехтильда Магдебургская*, около 1212 до примерно 1280.
- 35, 109 *Однажды я прочитал...*: «Антропософия, психософия, пневматософия». 12 докладов в Берлине 1909/1910/1911, GA 115. см. первые четыре доклада «Антропософия» с 23 по 27 октября 1909, во время Генерального собрания немецкой секции Теософского Общества, октябрь 1909; см. также примечание 21.
- 36, 109 *В Обществе в свою очередь проходило Генеральное собрание*. Генеральное собрание немецкой секции Теософского Общества, ноябрь 1910 в Берлине.
- 37, 109 *Тогда же я уведомил о другом цикле докладов*: 4 доклада с 1 по 4 ноября 1910 г., которые под заглавием «Психософия» появились в вышеупомянутом томе «Антропософия, психософия, пневматософия», GA 115.
- 38, 109 *...были и другие причины*: См. также: Рудольф Штайнер / Мария Штайнер – фон Сиверс «Переписка и документы 1901-1925», GA 262, письмо Рудольфа Штайнера к Эдуарду Зеландеру, Гельсингфорс, с. 301; а также «Границы естественного познания», 7-й доклад, Дорнах, 1920, GA 322, 1969, с. 105/106; на русском языке: М.: «Титурель», 2003, с. 136.
- 39, 110 *И сегодня она всё ещё лежит так*: Эта книга, данная уже в печатных листах, посмертно впервые опубликована под заглавием «Антропософия. Фрагмент» в 1951 году. Новое издание, дополненное вновь обнаруженными с тех пор текстами, появилось в полном собрании трудов в Дорнахе в 1970, GA 45. И последнее дополненное издание GA 45 вышло в свет в 2002 году. На русском языке: М.: «Титурель», 2005.
- 40, 111 *По существу это почка*. См. также «Связь различных естественно-научных областей с астрономией», 18 докладов, Штутгарт, 1921, заключение 15-го доклада, GA 323.
- 41, 112 *...но, кроме того, прочитайте ещё и другой цикл лекций*. См. прим. 37.
- 42, 116 *...которые вы найдёте описанными в моих книгах*: См. обзор полного собрания трудов Рудольфа Штайнера в конце этого тома под литерой А, I. Произведения.
- 43, 119 *...Кое-что, приводимое здесь во время предыдущего курса*: См. «Границы естественного познания». 8 докладов, Дорнах, 1920, GA 322, в 8 докладе с. 116, в русском переводе с. 146 и далее.
- 44, 121 *...прочитанное мной... по патологии...*: См. «Духовная наука и медицина». Двадцать докладов 1920, GA 312.
- 45, 121 *...в скором времени я продолжу*: «Духовнонаучная точка зрения на терпешо». Восемь докладов, Дорнах, 1921, GA 313.
- 46, 127 *...об этом на историческом семинаре здесь сегодня утром я уже говорил*. См. Приложение на с. 146 и далее.
- 47, 127 *Геродот*, 484-424 до Р.Х., греческий историк, названный «Отцом истории».

- 48, 127 *Данте Алигьери*, 1265-1321.
- 49, 128 *Мартин Лютер*, 1483-1546.
- 50, 128 *Константин*, названный Великим, около 288-337 после Р.Х., римский император от 324-337.
- 51, 128 *Юлиан Отступник*: 361-363 римский император.
- 52, 128 *Здесь налицо проблема*: Рудольф Штайнер в дальнейшем не оставлял эту проблему и несколькими годами позже изложил её в «Познании посвящения», 13 докладов, Пенмаенмавр, 1923, в докладе от 31 августа, GA 227; и в «Эзотерических рассмотрениях кармических связей», том V, 16 докладов, Прага, Париж и Бреслау, 1924, GA 239, в докладе от 5 апреля 1924.
- 53, 129 ...из «Комедии»: „Divina Commedia“ («Божественная комедия») Данте.
- 54, 129 ...именно эту часть истории я уже...однажды охарактеризовал. Вероятно, подразумевались доклады «Окультурная история», GA 126, особенно пятый доклад.
- 55, 130 ...в моей небольшой книжке «Духовное водительство человека и человечества»: GA 15.
- 56, 131 *Леверрье заранее вычислил положение Нептуна*: Обнаружить Нептун удалось на основе нерегулярностей, которые выявились в движении Урана, открытого в 1781 году. Летом 1843 года в Париже Леверрье начал заниматься теорией Урана и, начиная с ноября 1843 года, свои результаты сообщал парижской академии. Затем 23 сентября 1846 года Иоганн Готфрид (1812-1910), тогда наблюдатель (научный сотрудник) берлинской обсерватории, вблизи места, описанного ему Леверрье, обнаружил новую звёздочку восьмой величины, планетарную природу которой можно было узнать уже на следующий вечер по изменению расположения.
- 57, 132 ...литературное произведение, приведённое сегодня утрам док. Штайном: Вероятно, на историческом семинаре, см. Приложение на с. 146. Доктор Вальтер Иоганнес Штайн был учителем истории в Вальдорфской школе, где проводился этот семинар. Название произведения до сих пор не смогли установить.
- 58, 134 *В 1859 году Дарвин мог бы остановиться*: Чарльз Дарвин (1809-1882), в своём произведении «Возникновение видов через естественный отбор», Лондон 1859.
- 59, 135 „*Бог геометризует*“: См. примечание 6.
- 60, 136 ...курс высшей школы: См. вступление к примечаниям.
- 61, 139 ...движение Вальдорфских школ: «Свободная Вальдорфская школа» была основана с помощью Эмиля Мольты осенью 1919 г. в Штутгарте как «Единая народная школа и высшая школа» и руководил ею Рудольф Штайнер. С тех пор во многих странах мира возникли многочисленные дополнительные Вальдорф-

- ские школы или школы Рудольфа Штайнера. См. Рудольф Штайнер: «Педагогические основы и целевая установка Вальдорфской школы», Дорнах 1970, также и основополагающие педагогические курсы лекций: «Общее учение о человеке как основа педагогики», GA 293; «Искусство воспитания. Методика и дидактика», GA 294; «Искусство воспитания. Семинарские обсуждения и лекции по учебному плану», GA 295.
- 62, 139 „Только то истинно, что плодотворно“: Гёте в его стихотворении «Завет» (Бог и Мир).
- 63, 139 *Прагматизм*. Философское учение, рассматривающее знание и мышление только с точки зрения полезности.
- 64, 139 ...*философии „Als-Ob“*: Учение о духовной жизни как осознанном вымысле. Hans Vaihinger немецкий философ (1852-1933) в своём произведении „Philosophie des Als-Ob“, 1911.
- 65, 141 *Один многолетний сотрудник*: Адольф Аренсон (1855-1936). Свою работу он опубликовал под названием «История детства Иисуса. Оба мальчика Иисуса», Штутгарт 1921 (полностью распространено).
- 66, 143 ...*обратился в наше философско-антропософское издательство*: Издательство было основано в 1908 году, исключительно для издания трудов Рудольфа Штайнера, Марией фон Сиверс (Марией Штайнер) как философско-теософское издательство. В 1913 году по случаю основания Антропософского Общества оно было переименовано в философско-антропософское издательство. Нападка, „о которой чаще всего вспоминают другие“, – выпад того же Макса Зайлинга. Он начал со статьи «По случаю Штайнера» („Zum Fall Steiner“) в «Психических исследованиях» (Вып. 54, 1917), где появились также первые возражения, которые были затем продолжены в сочинении «Антропософское движение и его пророчья» (1918). См. также Karl Heyer „Wie man gegen Rudolf Steiner Kämpft“ («Как борются против Рудольфа Штайнера»). Издательство Ernst Surkamp, Штутгарт 1932.
- 67, 146 *Герман Гримм привёл, например, пять человек*: Дословно: „Самыми могучими людьми, которых знают тысячелетия человеческой истории, были пять поэтов, живших до и после Рождества Христова: Давид, Гомер, Данте, Шекспир, Гёте“. Герман Гримм (1828-1901), «Рафаэль как мощь мира», статья в „Fragmente“, 2 тома, Берлин 1900-1902.
- 68, 147 *Конрад Бурдах*, 1859-1936, профессор филологии и литературоведения в Галле. См. введение Рудольфа Штайнера в цикле «О посвящении». 8 докладов, Мюнхен 1912, GA 138 1986, с. 148/149.
- 69, 147 *Джотто (Giotto)*, 1266-1337, итальянский художник.

Именной указатель

* = в тексте упоминается не по имени

- *Аренсон, Адольф 141 сл.
Аристотель 94
Бенедикт, Мориц 86 сл.
Бурдах, Конрад 147
Гербарт, Иоганн Фридрих 11,
80 сл.
Геродот 127
Гёте, Иоганн Вольфганг фон
101 сл., 120, 139, 145 сл.
*Гильм, Гуго фон 70
Гомер 146
Гримм, Герман 146
Давид (царь) 146
Данте Алигьери 127 – 129, 146
– 148
Дарвин, Чарльз 134
Джотто (Giotto) 147
Кант, Иммануил 10, 19, 42
Константин Великий 128
Леверрье, Урбен Жан Жозе
131
Лютер, Мартин 128
Мейнерт (Meunert), Теодор 80
Мехтильда Магдебургская 106
Платон 26 сл., 94
Тереза (из Авила) 106 сл.
Фехнер, Густав Теодор 62
*Фукс, Хуго 32
Циген, Теодор 39, 82 сл., 91
Шекспир, Уильям 146
Штайн, Вальтер Иоганнес 132
Штайнер, Рудольф
Произведения и доклады:
Истина и наука (GA 3) 14
Как достигнуть познания
высших миров? (GA 10)
68, 75, 96
Очерк тайноведения (GA 13)
98
Духовное водительство чело-
века и человечества
(GA 15) 130, 132
Загадки философии (GA 18)
50, 74, 94
О загадках души (GA 21) 28,
29, 30
Антропософия. Фрагмент
(GA 45) 109 – 113
Антропософия. Психосо-
фия. Пневматософия
(GA 115) 109 сл., 113
Духовная наука и медицина
(GA 312) 121
Духовнонаучная точка зрения
на терапию (GA 313) 121
Границы естественного
познания (GA 322) 119
Юлиан Отступник 128
Юм, Давид 14 сл.

А. ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

I. Книги

1. Введения к естественнонаучным трудам Гёте. 1884 – 1897
2. Основные черты теории познания мировоззрения Гёте, с особым вниманием к Шиллеру. 1886
3. Истина и наука. 1892
4. Философия свободы. 1894
5. Фридрих Ницше, борец против своего времени. 1895
6. Мировоззрение Гёте. 1897
7. Мистика на заре духовной жизни нового времени и её отношение к современным мировоззрениям. 1901
8. Христианство как мистический факт и мистерии древности. 1902
9. Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека. 1904
10. Как достигнуть познаний высших миров? 1904/05
11. Из летописи мира. 1904 – 1908
12. Ступени высшего познания. 1905 – 1908
13. Очерк тайноведения. 1910
14. Четыре драмы-мистерии. 1910 – 1913
15. Духовное водительство человека и человечества. 1911
16. Путь к самопознанию человека. 1912
17. Порог духовного мира. 1913
18. Загадки философии. 1914
19. (Включен в т.24)
20. О загадке человека. 1916
21. О загадках души, 1917
22. Духовный облик Гёте, как он раскрывается в «Фаусте» и «Сказке о Змее и Лилии». 1918
23. Сущность социального вопроса в жизненных необходимости настоящего и будущего. 1919
24. Статьи о трёхчленности социального организма. 1915 – 1921
25. Космология, религия и философия. 1922
26. Антропософские тезисы. Антропософский путь познания, Мистерия Михаила. 1924/25
27. Основы расширения искусства врачевания из духовнонаучных основ. Совместно с Итой Вегман. 1925
28. Мой жизненный путь. 1923 – 1925

II Сборники статей

29. Статьи по драматургии. 1889 – 1990
30. Методические основы антропософии. Сборник статей по философии, естественным наукам, эстетике и психологии. 1884 – 1901
31. Общие статьи по истории культуры и современности. 1887 – 1901
32. Статьи по литературе. 1884 – 1902
33. Биографии и биографические очерки. 1894 – 1905

34. Люцифер-Гнозис. основополагающие статьи по антропософии и сообщения из журналов «Люцифер» и «Люцифер-Гнозис». 1903 – 1908
35. Философия и антропософия. 1904 – 1923
36. Мысли о Гётеануме среди культурного кризиса современности. Статьи из еженедельника «Гётеанум», 1921 – 1925

III Публикации из наследия

38. Письма 1881 – 1890
39. Письма 1890 – 1925
40. Изречения. 1906 – 1925
44. Планы, фрагменты и дополнения к Драмам-мистериям. 1910 – 1913
45. Антропософия. Фрагмент 1910 г.

В. ДОКЛАДЫ

I. Открытые доклады

- 51 – 67. Берлинские открытые доклады («Доклады в Доме Архитекторов»). с 1903/04 по 1917/18
- 68 – 84. Открытые доклады и курсы, прочитанные в разных городах. 1906-1924

II. Доклады для членов Антропософского Общества

- 93 – 265. Доклады и циклы докладов общепантропософского содержания. – Рассмотрение Евангелий. – Христоропия. – Духовнонаучная антропология. – История космоса и человека. – Духовные основы социального вопроса. – Человек в его взаимосвязи с космосом. – Кармические рассмотрения. – Доклады и статьи к истории антропософского движения и Антропософского Общества.

III. Доклады и курсы по специальным областям

- 271 – 276. Доклады по искусству
- 277 – 279. Доклады по эвритмии
- 280 – 282. Доклады по формированию речи и драматическому искусству
283. Доклады о музыке
- 284 – 291. Доклады по строительному искусству и архитектуре
292. Доклады по истории искусства
- 293 – 311. Доклады о воспитании
- 312 – 319. Доклады по медицине
- 320 – 326. Доклады по естественным наукам
327. Доклады о земледелии
- 328 – 341. Доклады о социальной жизни и трёхчленности социального организма
- 347 – 354. Доклады для строителей Гётеанума

С. РЕПРОДУКЦИИ И ПУБЛИКАЦИИ ИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ

Эскизы для живописных, пластических и архитектурных работ в первом Гётеануме. – Учебные эскизы для художников. – Эскизы оформления эвритмических постановок. – Эвритмические формы. – Наброски для эвритмических фигур и др.

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР

Наблюдение природы,
эксперимент, математика
и ступени познания
духовного исследования

Творческая группа:

Ганелин Л. М.

Елин Г. Я.

Памфилов В. Н.

Памфилова Л. Б.

Издательство «Титурель», г. Москва

Телефоны для справок

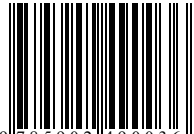
По издательству: (095) 689-44-35; E-mail: titurel@land.ru

По содержанию духовной науки(антропософии):

(095) 291-23-84 – Антропософское Общество в России

<http://www.anthroposophy.ru> E-mail: anthroposophy@mail.ru

ISBN 5-902490-03-0

9 785902 149003 6 >

Формат 60x90/16. Объём 10 печ. л.

Тираж 1500 экз. Заказ №

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.